

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

«Благовест»

2014

Святитель Игнатий (Брянчанинов) / «Благовест», 2014

Святитель Игнатий (Брянчанинов) является одним из самых почитаемых наставников в духовной жизни. Творения святителя Игнатия настолько многообразны, что его поучения и духовные советы актуальны для всех – и для мирян и для монахов. Данный сборник включает в себя жизнеописание святителя Игнатия и историю его почитания и прославления. Помимо этого, читателям предоставляется возможность посмотреть на святителя Игнатия глазами тех, кто знал его и оставил воспоминания об этой выдающейся личности. Еще одна важная часть сборника – это рассказ о трех обителях, непосредственно связанных со святителем Игнатием: Троице-Сергиевой пустыни, Николо-Бабаевском и Толгском монастырях. Также в сборнике представлены наставления святителя относительно разных вопросов христианской жизни и молитвы святому. Книга адресована широкому кругу православных читателей.

, 2014

© Благовест, 2014

Содержание

Предисловие	7
Житие святителя Игнатия	8
Род Брянчаниновых. Рождение будущего святителя	8
Детство в родительском доме	9
Учеба в Петербурге	11
Военная служба	14
Отставка. Начало послушничества	16
Скитания по обителям	18
Монашеский постриг	21
Служение в Вологодской епархии	23
Перевод в Сергиеву Пустынь	25
Служение в Санкт-Петербургской епархии: труды и искушения	30
Прошение об удалении на покой: отпуск и возвращение в Сергиеву пустынь	32
Архиерейская хиротония	33
Деятельность святителя на Кавказе	34
Полемика с А.И. Герценом	36
Удаление на покой в Николо-Бабаевскую обитель	37
Последние годы	39
Кончина святителя Игнатия	40
Прославление и обретение мощей святителя Игнатия	41
Явление епископа Игнатия А.В. Жандр, на 20-й день по кончине его, 1867 года 19 мая	42
Игумен Борис (Долженко) об обретении мощей святителя Игнатия (Брянчанинова)	45
Свято-Троицкая Сергиева пустынь	46
Храмы Свято-Троицкой Сергиевой пустыни	54
Наставления святителя Игнатия	56
Наставления	57
Воспоминания о святителе Игнатии	136
Из записок высокопреосвященного Леонида, архиепископа Ярославского	136
Из воспоминаний архимандрита Игнатия (Малышева), первого келейника святителя Игнатия (Брянчанинова)	143
Воспоминания преподобного Пимена Угрешского	149
Воспоминания последнего келейника святителя Игнатия Василия (Павлова)	150
Из повествования Татьяны Борисовны Потемкиной (духовной дочери святителя Игнатия)	152
Воспоминания Николая Акимовича Баркова	155
Вера Курнатовская. «Воспоминания о моем прадеде - святителе Игнатии»	156
Приложения	159
Приложение 1	159
Приложение 2	161
Приложение 3	167

Молитвы святителю Игнатию	173
Список литературы	174

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2014

* * *

Предисловие

В настоящее время святитель Игнатий (Брянчанинов) является одним из самых почитаемых наставников в духовной жизни. Творения святителя Игнатия настолько многообразны, что его поучения и духовные советы актуальны для всех – и для мирян, и для монахов.

Но не менее, чем его творения, поучительна и сама жизнь святителя Игнатия. Это история человека, стремящегося к Богу, несмотря на все препоны и соблазны, расставленные ему миром. Он прошел путь от монастырского послушника до настоятеля обители, а затем и архиеерея. Причем для своих подчиненных святитель Игнатий был не только администратором, но и духоносным старцем. Он продолжает оставаться таковым для всех тех, кто хоть как-то соприкасался с его творениями.

Данный сборник предназначен для широкого круга читателей. Он включает в себя достаточно полное жизнеописание святителя Игнатия, историю его почитания и прославления. Помимо этого читателям предоставляется возможность посмотреть на святителя Игнатия глазами тех, кто знал его и оставил воспоминания об этой выдающейся личности. Значение святителя Игнатия и его творений раскрывается в отзывах о нем священнослужителей и богословов, чьи суждения представлены в одном из приложений. Еще одна важная часть сборника – рассказ о трех обителях, непосредственно связанных со святителем Игнатием: Троице-Сергиевой пустыни, Николо-Бабаевском и Толгском монастырях. И, конечно, никакой рассказ о святителе Игнатии не был бы полным без обращения к его творениям. Поэтому в сборнике представлены мысли святителя относительно разных вопросов христианской жизни. Молитвенный раздел включает в себя акафист и молитвы святителю Игнатию.

Анна Маркова

Житие святителя Игнатия

Род Брянчаниновых. Рождение будущего святителя

Будущий святитель Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов) происходил из древнего дворянского рода. Родоначальником его считался боярин Михаил Бренко – оруженосец великого князя Дмитрия Донского.

Отец святителя, Александр Семенович Брянчанинов, паж времен императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича, был предводителем дворянства в родном Грязовецком уезде Вологодской губернии, пользовался всеобщим уважением и слыл передовым образованным помещиком. Мать, Софья Афанасьевна Брянчанинова, была очень красивой светской женщиной. Она получила прекрасное воспитание – отлично владела русским и французским языками, увлекалась поэзией, особенно французской.

Поженившись достаточно рано по тем временам, супруги Брянчаниновы вскоре вынуждены были оставить столицу и переехать на постоянное жительство в родную Вологодскую губернию. Это произошло в связи с тем, что Александр Семенович унаследовал от отца поместье, обремененное долгами. Он вынужден был уйти в отставку и заняться хозяйством.

Александр Семенович оказался очень успешным помещиком, всего через несколько лет он не только очистил поместье от долгов, но и стал получать от него значительный доход, благодаря которому в своем селе Покровском Брянчанинов «создал маленький Версаль с замком-домом, царственным садом и изящной церковью». Но несмотря на все это великолепие и взаимное согласие, первые годы брака Брянчаниновых были омрачены сначала смертью новорожденных близнецов, а затем и долгой бездетностью.

Скорбя об этом, супруги Брянчаниновы обратились к Богу, предприняв паломничество по окрестным святым местам: Свято-Духовскому, Глушицкому, Лопотову, Прилуцкому монастырям. Бог услышал их молитвы, и 5 февраля 1807 года у них родился сын, в святом крещении названный Дмитрием – в честь преподобного Димитрия Прилуцкого, одного из самых почитаемых Вологодских святых. Впоследствии у супругов Брянчаниновых родилось еще шестнадцать детей, из которых выжили девять.

Детство в родительском доме

Детские годы, проведенные будущим святителем в родительском доме, нельзя назвать счастливыми. Как писал впоследствии он сам: «Детство мое было преисполнено скорбей. Здесь вижу руку Твою, Боже мой! Я не имел, кому открыть моего сердца: начал изливать его пред Богом моим, начал читать Евангелие и жития святых Твоих. Завеса, изредка проницаемая, лежала для меня на Евангелии; но Пимены Твои, Твои Сисои и Макарии производили на меня чудное впечатление. Мысль, часто парившая к Богу молитвой и чтением, начала мало-помалу приносить мир и спокойствие в душу мою. Когда я был пятнадцатилетним юношей, несказанная тишина возвеяла в уме и сердце моем. Но я не понимал ее, я полагал, что это обыкновенное состояние всех человеков».

В семье Брянчаниновых царил строгий, даже суровый строй жизни, регламентированный отцом, железной воле которого никто не смел прекословить. Дети настолько боялись отца, что в его присутствии не решались высказывать самые безобидные пожелания. Само проявление к детям любви считалось недостойной слабостью, розги не щадили ни старших, ни младших. За поведением детей тщательно наблюдали и каждый день докладывали Александру Семеновичу.

Особенно строго за мальчиками следил приставленный к ним дядька Доримедонт. Он любил своих баричей, но из чувства справедливости и честности всегда докладывал хозяину о любом проступке детей. Единственным человеком, жалевшим детей, была няня Евфимовна. Ради них она была готова жертвовать собой. Так, в доме Брянчаниновых, согласно порядку, заведенному Александром Семеновичем, детей по утрам держали впроголодь. И няня, рискуя подвергнуться барскому гневу, приносила детям ломтики черного хлеба, взятые на кухне якобы для себя. До конца дней своих и святитель Игнатий, и его братья, и сестры вспоминали няню Евфимовну с благодарностью.

Как старший ребенок в семье, Митенька так будущего святителя называли дома, пользовался непререкаемым авторитетом у братьев и сестер. Этому способствовал и его характер. Уже в детские годы он отличался большой серьезностью. Как вспоминал впоследствии его брат Петр Александрович, Митенька никогда не участвовал в общих детских шалостях и никогда, даже в шутку, не лгал. Он был внимателен и приветлив со всеми, старался заботиться о младших и беспрекословно слушался родителей, даже тогда, когда послушание могло сильно ему повредить.

Так, известен случай, когда Митенька вместе с отцом купался в речке и от продолжительного пребывания в воде так замерз, что дрожал всем телом. Но даже в таком состоянии он не посмел выйти из речки прежде отца, и даже не дерзнул испросить у него на то дозволения. Из-за этого Митенька сильно простудился и впоследствии всю жизнь был очень чувствителен к холоду.

Большое внимание в семействе Брянчаниновых уделялось образованию. Ежедневно лихая тройка привозила из Вологды и отвозила обратно лучших учителей семинарии и гимназии. Кроме общеобразовательных наук детям преподавали музыку, живопись, особое внимание уделялось языкам благодаря такому домашнему преподаванию святитель Игнатий в совершенстве овладел французским, немецким, итальянским языками, а также латынью и древнегреческим.

Вообще Митенька отличался и даровитостью, и усердием в учебе. Как старший брат, он помогал и младшим в их учебных занятиях. Помогал он им и советами в житейских делах. Однако самому ему не с кем было посоветоваться, некому открыть душу.

Рано начав размышлять над многими явлениями окружающей его жизни, Митенька не смог найти в родительском доме собеседников, готовых разделить его мысли. Это привело к тому, что он стал стремиться к уединению, проводя много времени на природе. По воспомин-

нениям родственников, «он любил природу какой-то особенной, недетской любовью и находил удовлетворение в общении с нею».

Так в родительском доме прошли первые пятнадцать лет жизни Дмитрия Брянчанинова.

Учеба в Петербурге

В конце лета 1822 года Александр Семенович Брянчанинов повез своего старшего сына в Санкт-Петербург, чтобы определить его в Военное инженерное училище. Дмитрию Брянчанинову в то время шел шестнадцатый год. Впоследствии святитель Игнатий рассказывал, что, когда они проезжали около Шлиссельбурга, Александр Семенович внезапно обратился к сыну с вопросом: «Куда бы ты хотел поступить на службу?» Дмитрий был поражен такой откровенностью отца, решил не скрывать своей сердечной тайны и, испросив обещания не сердиться, если ответ не понравится, решительно сказал, что желает идти в монахи и что из всех видов службы он предпочитает службу Царю Небесному. Однако Александр Семенович не обратил серьезного внимания на слова сына, посчитав такой ответ просто мальчишеством.

Экзамены в Главное инженерное училище Дмитрий выдержал блестяще (при конкурсе более, чем четыре человека на место), он был единственный принят сразу во второй класс.

Благообразная наружность Дмитрия Брянчанинова, серьезность и благородство его манер, а также отличная успеваемость сразу же обратили на него внимание главы инженерного училища, генерал-инспектора, великого князя Николая Павловича будущего императора. Однажды великий князь приказал Брянчанинову явиться в Аничковский дворец, где представил его своей супруге Александре Федоровне, рекомендовав Брянчанинова, как отлично подготовленного не только к наукам, требуемым в инженерном училище, но знающего даже латинский и греческий языки. После этого юнкер Брянчанинов считался пансионером великой княгини Александры Федоровны.

Одновременно с учебой Дмитрий Брянчанинов стал бывать в обществе. Родственные связи и незаурядные способности открыли ему доступ во многие великосветские дома. Он был радушно принят в доме президента Академии Художеств и члена Государственного Совета Алексея Николаевича Оленина, бывая у которого Дмитрий Брянчанинов имел возможность познакомиться со многими знаменитостями того времени.

Но ни учеба, ни возможность вращаться в светском обществе не удовлетворяли юношу, по его собственным словам, «какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая по Боге». Тогда он вновь обращается к вере.

Однако в тогдашнем великосветском Петербурге практически невозможно было сохранить детскую веру – вокруг процветало множество религиозных систем и мистических течений. Как вспоминал он впоследствии, «Ах, в каком тяжком недоумении плавала душа моя! Как томилась ужасно! Какие на нее восставали волны сомнений, рождавшиеся от недоверчивости к себе, от недоверчивости ко всему, что шумело, вопияло вокруг меня, – от незнания, неведения истины».

В это время Дмитрию Брянчанинову приходит мысль, которую он принял за откровение Божие – изучить веру в писаниях святых отцов. Отныне все свое свободное время он посвящает изучению святоотеческих творений.

Духовные искания Дмитрия нашли отклик у его однокурсника Михаила Чихачева, происходившего из дворян Псковской губернии. Несмотря на то, что Чихачев был совершенно иного характера – весельчак и говорун. Их дружба началась с одного поразительного случая. Однажды Дмитрий Брянчанинов прервал веселую болтовню Чихачева, сказав ему: «Будь ты христианином!» На это Михаил Чихачев ответил: «Я никогда не был татаринoм». Но Брянчанинов пояснил свой призыв: «Надо это слово исполнять делом и углубиться поприлежнее в него».

Чихачев не обиделся, напротив, он с радостью принял духовное руководство товарища. С этих пор они оба стали осуществлять жизнь во Христе: вместе они усердно посещают храм, еженедельно стараясь исповедоваться и причаститься. Но их духовный настрой не встретил

понимания у духовника инженерного училища, протоиерея Алексея Малова. Услышав на исповеди, что юнкера томимы многими «греховными помыслами», он заявил училищному начальству, что они имеют противоправительственные «политические замыслы». В результате им обоим – и Брянчанинову, и Чихачеву пришлось повторять свою исповедь перед начальником училища, лютеранином, генералом Сиверсом. Несмотря на то, что внешне эта история закончилась благополучно, Дмитрий Брянчанинов был так потрясен всем происшедшим, что серьезно заболел и слег в постель.

После этого юные подвижники обратились за духовным руководством к монахам Валаамского подворья. Наученные горьким опытом, они тщательно скрывали это и от училищного духовника, и от начальства. Однако в скором времени иноки Валаамского подворья поняли, что они не могут удовлетворить высокие духовные запросы двух юнкеров. Тогда один из монахов, о. Серафим, сказал Дмитрию Брянчанинову: «Дмитрий Александрович, что вы ходите сюда? Здесь вы не успокоите вашей души, а если угодно, есть в Невском монастыре ученики отца Леонида (преподобного Льва Оптинского), старцы опытные, получившие монашеское устройство от учеников старца Паисия Молдаванского (преподобного Паисия Величковского), идите к ним, они вам лучше покажут этот путь».

Действительно, в Александро-Невской Лавре юноши нашли настоящих духовных руководителей: лаврского духовника о. Афанасия, монахов Аарона, Харитона, Иоанникия. Они советовались с этими иноками, как с духовными отцами, обо всем, что касается внутреннего монашеского делания, исповедовали свои помыслы, учились, как охранять себя от страстей, греховных навыков и преткновений, какими руководствоваться книгами из писаний святых отцов и тому подобное. Часто Дмитрий Брянчанинов удивлял подвижников своими вопросами, которые касались таких сторон жизни духовной, какие свидетельствуют о довольно зрелом духовном возрасте.

Но такое духовное благоденствие было недолгим. Дядька Доримедонт, живший в Петербурге при молодых Брянчаниновых, написал Александру Семеновичу о том, что его старший сын Дмитрий стал часто посещать Лавру, отошел от светской жизни и держится монахом. Узнав об этом Брянчанинов-старший понял, что некогда высказанное сыном желание монашества – не мальчишеская прихоть, а серьезное намерение. Александр Семенович решительно воспротивился желаниям сына. Он писал училищному начальству и петербургской родне, прося их отвлечь сына от монашеских идей.

По просьбе Александра Семеновича Брянчанинова, граф Сиверс немедленно принял строгие меры – Дмитрий Брянчанинов был переведен с частной квартиры в казарму инженерного замка, где за ним был установлен строгий надзор.

Одновременно А.М. Сухарева, родственница Брянчаниновых, озабочилась довести до сведения тогдашнего митрополита Петербургского Серафима (Глаголевского), что ее племянник Брянчанинов, любимый императором, свел знакомство с лаврскими иноками, что лаврский духовник

Афанасий склоняет его к монашеству и что если об этом будет узно при дворе, то и ему, митрополиту, не избежать неприятностей. Митрополит призвал к себе духовника Афанасия и сделал ему строгий выговор, воспретив впредь принимать на исповедь Брянчанинова.

Тогда Дмитрий Брянчанинов вынужден был лично предстать пред Петербургским митрополитом Серафимом. Он выразил искреннее желание стать монахом. Примечательно, что митрополит Серафим, первоначально подозревая в нем только честолюбивые планы, объявил, что Брянчанинов, как не обладающий ученой степенью духовных академий, не может быть возведен в церковной иерархии выше сана архимандрита. На это молодой человек ответил, что ищет не санов, а единственно спасения души, состоящего в бегстве от мира. А митрополит после беседы с юношей позволил ему продолжать общение с монахами Александро-Невской лавры.

А вскоре – 5 августа 1825 года, Дмитрий Брянчанинов, окончив юнкерские классы, был произведен в прапорщика, после этого он смог вновь поселиться на частной квартире и вести аскетический образ жизни.

Военная служба

Получив чин прапорщика, Дмитрий Брянчанинов продолжил учебу в старшем классе инженерного училища. Он был любим императорской семьей, и его ожидало блестящее будущее, но сам он был более чем равнодушен к этому. Как писал он впоследствии: «Охладело сердце к миру, к его служениям, к его великому, к его сладостному».

А весной 1826 года Дмитрий Брянчанинов вновь простудился и тяжело заболел. Помимо училищного врача, лечившего молодого офицера, император Николай I приказал собственным медикам заняться Брянчаниновым и еженедельно сообщать императору о ходе болезни. Врачи подозревали чахотку, они объявили Дмитрию Брянчанинову, что положение очень опасное и что он близок к смерти. Это только усилило его духовный настрой, по-прежнему он много молился, с еще большим усердием изучал святых отцов и частым причащением старался подготовить себя к вечности. Однако, вопреки прогнозам медиков, Дмитрий Брянчанинов выздоровел.

Вскоре после выздоровления его ожидала большая радость. В Петербург приехал о. Леонид. Рассказы об этом старце Брянчанинов часто слышал от иноков Александро-Невской лавры – учеников о. Леониды. Теперь же ему представился случай самому повидаться со знаменитым подвижником. Они встретились в Александро-Невской лавре, где и остановился старец. По просьбе Дмитрия Брянчанинова, о. Леонид долго беседовал с ним наедине. Рассказывая своему другу Михаилу Чихачеву об этой беседе, Дмитрий Александрович говорил: «Сердце вырвал у меня отец Леонид, теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу; ему предамся всей душою и буду искать спасения души в уединении».

Но между намерением оставить мир и его исполнением было множество препятствий. Получив летом трехмесячный отпуск для поправки здоровья, Дмитрий Брянчанинов уехал в родовое имение. Там его ждало столкновение с отцом, который, узнав о намерении сына оставить службу и уйти в монахи, был страшно разгневан. Он называл Дмитрия непокорным ослушником и отказывался дать ему свое благословение. Горячо любившая сына мать ничем не могла помочь своему первенцу – она также не понимала его.

Вернувшись в столицу, Дмитрий Александрович блестяще, первым из всего курса, выдержал выпускные экзамены и был произведен в подпоручики. Он тут же подал в отставку. После этого ему пришлось выдержать борьбу уже со своими благодетелями – императором Николаем I и великим князем Михаилом Павловичем, которые также не поняли намерения молодого Брянчанинова и были оскорблены в лучших своих чувствах.

Так, император Николай Павлович, узнав, что лучший из выпускников инженерного училища подал в отставку, вызвал его к себе и уговаривал не оставлять службу. Дмитрий Брянчанинов поблагодарил императора, но остался непреклонен. Служение Царю Небесному было для него выше, чем служба царю земному. Тогда император поручил своему брату, великому князю Михаилу Павловичу, любыми средствами склонить Брянчанинова остаться на службе.

В первых числах января 1827 года Дмитрий Брянчанинов был вызван во дворец к великому князю. Там было собрано все высшее начальство инженерного училища. Великий князь сообщил ему, что император, зная его способности к службе, вместо отставки намерен перевести его в гвардию и дать такое положение, которое удовлетворит и самолюбию, и честолюбию. В ответ Дмитрий Брянчанинов сказал, что, не имея достаточных денежных средств, он не может служить в гвардии. «Заботы об этом государь изволит принять на себя», – сказал ему великий князь. – «Расстроенное мое здоровье, – вновь возразил Брянчанинов, – о чем известно его величеству из донесений лечивших меня медиков, поставляет меня в совершенную невозможность нести труды служебные и, предвидя скорую смерть, я должен позаботиться о приготовлении себя к вечности, для чего и избираю монашеское звание». Тогда великий

князь заметил, что он может получить службу в южном климате России и что гораздо почетнее спасать душу свою, оставаясь в мире. Брянчанинов отвечал: «Остаться в мире и желать спастись – это, ваше высочество, все равно, что сто ять в огне и желать не сгореть».

Видя, что уговоры ни к чему не приводят, великий князь Михаил Павлович разгневался. Он начал кричать на Дмитрия Брянчанинова, называя его ослушником высочайшей воли, причем очевидцы утверждали, что великий князь сказал: «Ты хочешь молиться, ну мы тебе дадим». От такого крика Брянчанинов побледнел. Заметив это, великий князь успокоился и спросил: «Ну, что? Испугался? Отказываешься от монашества?» – «Напротив, ваше высочество, – почтительно, но твердо ответил Брянчанинов. – Прошу оказать мне милость – уволить меня от службы». Великий князь решительно возразил ему, так как он остается непреклонен в своем упорстве, то объявляется ему высочайшая воля: государь император отказывает ему в увольнении от службы и делает ему лишь ту милость, что предоставляет самому избрать крепость, в которую он должен быть послан на службу.

Но Брянчанинов отказался, сказав: «Позвольте мне, ваше высочество, начать мое монашество отречением от своей воли в этом избрании, предоставляя мне исполнить приказание». Тогда великий князь обратился к графу Оперману, своему помощнику по званию генерал-инспектора инженеров; тот указал на Динабург. Великий князь одобрил указание, и в тот же вечер состоялось назначение Брянчанинова в Динабургскую инженерную команду, с приказанием в 24 часа выехать из Петербурга к месту службы. Одновременно начальнику Динабургской крепости, генерал-майору Клименко, было предписано строго следить за поведением Брянчанинова и не позволять ему уклоняться в духовную жизнь.

В Динабургской крепости Дмитрию Брянчанинову было поручено следить за земляными работами. Но так как он часто болел, сослуживцы, оценившие и характер молодого офицера, и двусмысленное положение, в котором он оказался, помогали ему.

Отставка. Начало послушничества

Долгожданное освобождение от службы пришло совершенно внезапно. Осенью 1827 года великий князь Михаил Павлович посетил Динабургскую крепость. Дмитрий Брянчанинов вновь подал прошение об отставке. В качестве причины отставки называлась неизлечимая болезненность – подтвердить это могли на сей раз не только медики, но и сослуживцы Брянчанинова.

В конце концов, убедившись в непреклонности молодого офицера, великий князь вынужден был принять его прошение. При этом адъютант великого князя передал Брянчанинову такие слова своего благодетеля: «Хотя для него (Брянчанинова) и готовилось видное и полезное в государстве место, но так как нет закона насильно держать кого-либо на службе, то его увольняют». 6 ноября 1827 года последовал «Высочайший приказ об отставке Дмитрия Александровича Брянчанинова».

Получив отставку, Дмитрий Брянчанинов тут же направился к старцу Леониду, который в то время вместе с учениками подвизался в Александро-Свирском монастыре. Вот как впоследствии он описывал свои чувства при вступлении в монастырь: «Вступил я в монастырь, как кидается изумленный, закрыв глаза и отложив размышления, в огонь или пучину, как кидается воин, увлеченный сердцем, в сечу кровавую на явную смерть. Звезда, руководительница моя, мысль благая, пришла светить мне в уединении, в тишине, или, правильнее, во мраке, в бурях монастырских».

Тем временем, всем стало известно, что блестящий выпускник инженерного училища все-таки осуществил свою мечту и, бросив службу и карьеру, ушел в монастырь. Его родные и знакомые были шокированы его поступком. Отец, оскорбленный до глубины души непослушанием первенца, наотрез отказал ему в денежном содержании. Однако сам Дмитрий Брянчанинов воспринял это лишь как исполнение заповеди о нестяжании.

В Александро-Свирской обители, по благословению настоятеля – архимандрита Варсонофия и старца Леонида, новый послушник сразу же был облачен в подрясник. С того времени и до конца своих дней он больше не расставался с этой одеждой.

Как и всякому новонаначальному послушнику, Дмитрию Брянчанинову было назначено послушание при поварне. Поваром был бывший крепостной Александра Семеновича Брянчанинова. В первый же день нужно было идти в амбар за мукой. Повар сказал ему: «Ну-ка, брат, пойдем за мукой!» – и бросил ему мучной мешок, так что его всего обдало белой пылью. Новый послушник взял мешок и пошел. В амбаре, растянув мешок обеими руками и, по приказанию повара, прихватив зубами, чтоб удобнее было всыпать муку, он ощутил в сердце новое, странное духовное движение, какого еще не испытывал никогда: собственное смиренное поведение, полное забвение своего «я» так усладили его тогда, что он во всю жизнь вспоминал этот случай.

Затем в числе прочих послушников он назначен был тянуть рыболовный невод в озере Свирского монастыря. Раз как-то невод запутался в глубине. Монах, заведовавший ловлей, зная, что Брянчанинов хорошо умел плавать и долго мог держаться под водой, послал его распутать невод. Несмотря на сильный осенний холод, Дмитрий Александрович беспрекословно исполнил приказание, которое отозвалось крайне зловредно на его слабом здоровье – он сильно простудился.

После этого он был назначен на послушание в трапезной. Проходя это послушание, Дмитрий Брянчанинов однажды ставил блюдо на стол, за которым сидели послушники, и мысленно произнес: «Примите от меня, рабы Божии, это убогое служение». При этом он вдруг почувствовал в сердце необыкновенное молитвенное действие, так что он даже пошатнулся. В его грудь запало сладостное утешение, которое не покидало его более двадцати дней (святитель описал этот случай в «Аскетических опытах», приписывая его другому лицу).

Подобные случаи послушания и смирения сделали то, что вся монастырская братия стала с явным уважением относиться к Брянчанинову, отдавая ему предпочтение пред прочими, чем он очень тяготился, потому что, живя в среде монастырского братства, он даже старался скрывать свое происхождение и образование, радуясь, когда незнавшие считали его за недоучившегося семинариста.

В плане же собственно монашеского делания Брянчанинов со всей искренностью отдал себя духовному руководству старца Леонида, по подобию древнего послушничества, ежедневно исповедовал ему все движения внутренней жизни, не предпринимал ни одного действия без благословения старца, проходил налагаемые на него испытания, иногда очень тяжелые. Такой крайне смиряющий образ руководства был пред принят отцом Леонидом в отношении ученика своего, молодого офицера Брянчанинова, без сомнения, для того, чтобы победить в нем всякое высокоумие и самомнение, которые обыкновенно присущи каждому образованному человеку, вступающему в среду простецов. Старец посту пал, как нелицемерный наставник, в духе истинного монашества, по примерам святых отцов; он постоянно подвергал своего ученика испытаниям, и такие опыты смирения не мог ли не нравиться послушнику, с искренней любовью к Богу предавшемуся иноческим подвигам.

В Александро-Свирском монастыре послушник Дмитрий Брянчанинов провел около года. Затем на общем совете старца Леонида с учениками было решено перебраться в Пловчанскую пустынь Орловской епархии. Пловчанская пустынь, куда переселялся о. Леонид с учениками, отличалась строгостью устава и продолжительным богослужением, но была весьма многолюдна – в ней было около двухсот человек братии.

Скитания по обителям

По дороге в Площанскую пустынь Дмитрий Брянчанинов навестил в Петербурге Михаила Чихачева. Здесь в откровенной беседе он признался другу, что «руководство старца Леонида не вполне его удовлетворяет, ибо старец не может решить всех его недоумений, которые приходится по большей части решать самому». Предполагают, что здесь в данном случае речь шла о том, что о. Леонид не благословлял своим ученикам заниматься Иисусовой молитвой, а Дмитрий Брянчанинов стремился именно к этому.

Уезжая в Площанскую пустынь, Брянчанинов выразил надежду, что его друг сможет подвизаться вместе с ним. Действительно, вскоре Михаил Чихачев смог получить отставку и стать послушником в Площанской пустыни.

Присутствие друга и сомолитвенника немного утешило Дмитрия Брянчанинова. Однако и на новом месте духовные проблемы со старцем никуда не ушли, но со временем лишь усугубились. К тому же, число учеников старца умножилось, и собрания их стали сопровождаться некоторой молвой и рассеянностью. Лишние разговоры и пересуды в среде учеников отзывались в душе Дмитрия Брянчанинова тягостно.

Желая найти выход из создавшегося положения, друзья просили о. Леонида благословить их на жительство в скиту отдельно от других учеников старца. Но старец поначалу отказался дать такое благословение. Это так огорчило Брянчанинова, что он заболел.

Во время болезни «в тонкой и самой малой дремоте» было ему видение, о котором впоследствии так рассказывал его друг Чихачев: «Виделся ему светлый крест во весь его рост, и какая-то таинственная евангельская надпись на кресте. Над крестом были ветви и длани Христа Спасителя; при кресте стоял он сам и друг его, и был к нему голос от креста: «Знаешь ли ты, что значат слова, написанные на кресте?» – «Нет, Господи, не знаю» – «Это значит, – продолжал невидимый голос, – искреннее отречение от мира и всего земного. А знаешь ли, почему ветви и длани Христа Спасителя наклонены на ту сторону (на которой в видении стоял его друг Чихачев)?» – «И этого не знаю, Господи», – сказал он. Тогда голос отвечал ему ясно и значительно: «Это значит, что и он должен участвовать в твоих страданиях»». Сразу же после видения болезнь оставила Дмитрия Брянчанинова, он почувствовал небывалую бодрость и крепость телесную.

Когда о видении узнал о. Леонид, он благословил друзей поселиться отдельно от других. Но после этого он уже не считал их своими духовными чадами и рекомендовал им исповедоваться у братского духовника, а к нему обращаться только в особых случаях.

Некоторое время друзья жили вполне подвижнической жизнью: они держались уединения, избегали многолюдства, хранили себя всячески от вредных для безмолвия впечатлений окружающей среды, избегали ненужных встреч и лишних знакомств, чтобы держать себя в строгом молчании и хранении ума. Отдельное помещение в монастырском саду, вне всяких сообщений, доставляло им желанный покой: молодые подвижники радовались своему отшельничеству. Так провели они зиму 1829 года.

Но неожиданно их спокойная жизнь закончилась. В Площанскую пустынь был назначен новый настоятель – иеромонах Маркелл. Он не одобрял деятельности о. Леонида и сразу же потребовал, чтобы старец с учениками покинул обитель. О. Леонид переехал в Оптину пустынь. Брянчанинов и Чихачев хотели остаться в обители, так как они вышли из-под руководства о. Леонида. Однако новый настоятель не захотел ничего слушать, он потребовал, чтобы и они покинули Площанскую пустынь. Волей-неволей вынуждены были они искать себе новое пристанище.

Первоначально они направились в Белобережскую Иоанно-Предтеченскую пустынь, но там их не приняли. Были они и в Свенском монастыре, где в то время подвизался в затворе

иеромонах Афанасий, один из учеников старца Паисия Величковского. Дмитрий Брянчанинов посетил затворника и беседовал с ним о благотворности плача, о чем вспоминает в своих «Аскетических опытах», приводя слова затворника, глубоко запавшие в его душу: «В тот день, в который я не плачу о себе как о погибшем, считаю себя в самообольщении».

Скитания привели их в Оптину пустынь, где в то время был о. Леонид с учениками. Не без сомнения настоятель Оптиной, преподобный Моисей, согласился принять послушников, ранее отделившихся от своего старца. Как показали последующие события, они действительно не смогли ужиться в Оптиной пустыни.

Настоятель смотрел на них неблагосклонно, братия относилась не совсем доверчиво. Пришлось перенести много скорбей при уединенном образе жизни; сама пища монастырская, приправленная постным маслом плохого качества, вредно действовала на слабый и болезненный организм Дмитрия Брянчанинова. Тогда они решили сами для себя готовить пищу: с большим трудом выпрашивали они круп или картофеля и варили похлебку в своей келье, но жом служил им топор; готовил пищу Чихачев. Такая трудная и неблагоприятная обстановка, конечно, не могла долго продолжаться: изнурительная слабость телесных сил была последствием ее для того и другого. Сперва пострадал от нее Дмитрий Брянчанинов, настолько, что не мог держаться на ногах; за ним ухаживал Чихачев, который был крепче его, но вскоре и он свалился от лихорадки. Тогда за больным товарищем ухаживал Брянчанинов; но тут же сам падал от полного изнеможения.

В это время тяжело заболела Софья Афанасьевна Брянчанинова. Она уже давно простила в душе поступок своего сына, но не смела говорить об этом при муже. Лишь во время болезни она высказала желание повидаться с любимым сыном. Болезнь жены и ее желание видеть сына, а также известие о том, что их сын сам тяжело болен, смягчило Александра Семеновича. Он написал сыну письмо, в котором просил его приехать домой для свидания с больной матерью. При этом он писал, что не будет препятствовать его намерениям. Вместе с письмом Александр Семенович прислал и крытую бричку.

Узнав о болезни матери и, понимая, что в Оптиной пустыни им не ужиться, Дмитрий Брянчанинов решил ехать в родительский дом. Он отправился вместе с больным товарищем своим Чихачевым, так как Александр Семенович был столь внимателен, что не забыл пригласить и того.

Приехав в Покровское, молодые люди расположились в отдельном флигеле с намерением продолжать свои иноческие подвиги, обращаясь за духовными потребностями к местному сельскому священнику, считая свое пребывание здесь только временным, тем паче что ко времени их приезда Софья Афанасьевна почти поправилась. Она полностью примирилась со своим первенцем, хотя и не потеряла надежды на то, что он останется в миру. Еще больше думал об этом Александр Семенович. Несмотря на обещание, данное в письме, он стал требовать, чтобы сын возвратился на службу.

Все это очень тяготило и Дмитрия Брянчанинова, и Михаила Чихачева, и после двух месяцев, проведенных в Покровском, они, вновь оставив все, направились в Кирилло-Новоозерский монастырь. В это время там жил на покое архимандрит Феофан, знаменитый своей святою жизнью и примерным управлением обителью, а настоятелем был игумен Аркадий, его присный ученик и подражатель. Отец Аркадий отличался простотою нрава; он провидел в двух молодых пришельцах дух истинного монашества и с любовью принял их в свою обитель.

Но недолго радовались друзья новому месту жительства. Обитель эта расположена на острове среди большого озера, монастырские стены стоят на сваях, вбитых в дно, и потому здешний климат оказался слишком сырым. Физическое здоровье Брянчанинова подводило его все чаще и чаще. Проболев три месяца лихорадкой, он окончательно слег, так что у него стали опухать ноги. Это заставило его вернуться в Вологду.

В Вологде Дмитрий Брянчанинов остановился у своих родных и стал лечиться от мучившей его лихорадки. Чихачев, также пострадавший от климата Новоозерской обители, отправился в Никандрову пустынь, в тридцати верстах от которой был его родительский дом.

Монашеский постриг

Как раз в это время на Дмитрия Брянчанинова обратил внимание Вологодский архиепископ Стефан. Сочувствуя неприкаянности молодого послушника и не понаслышке зная о его тяжелых семейных обстоятельствах, Владыка благословил ему поселиться в Семигородской Успенской обители. Местность этой обители благоприятствовала восстановлению его здоровья; он с новою ревностью предавался своим обычным духовным занятиям: богомыслию и молитве в тишине келейного уединения. Подвизаясь там, он сблизился с инспектором Вологодской семинарии – иеромонахом Софронием. Там он написал свое первое духовное сочинение «Плач мой».

Но из-за близости к родительскому дому Дмитрию Брянчанинову и в Семигородской обители не было покоя. Время от времени навещая сына, Александр Семенович требовал, чтобы сын вернулся к мирской жизни и поступил на государственную службу. Тогда Дмитрий Брянчанинов обратился за помощью к Владыке Стефану. Он просил архиерея, во-первых, перевести его в более отдаленную обитель, а во-вторых, постричь в монашество.

Владыка выполнил его просьбу: 20 февраля 1831 года он был переведен в более уединенный, пустынный Глушицкий Дионисиев монастырь, где и зачислен послушником. Но и в Глушицком монастыре отец не оставил его в покое. Тогда, вопреки существовавшим тогда правилам, архиепископ Стефан подает в Святейший Синод прошение о немедленном пострижении послушника Брянчанинова. Получив разрешение Священного Синода, он вызвал Дмитрия Брянчанинова из Глушицкого монастыря в Вологду и велел готовиться к пострижению; вместе с тем он приказал ему хранить это в тайне от родных и знакомых. Это было очень неудобно, так как готовящийся к пострижению вынужден был остановиться на постоялом дворе и среди мирской суеты приготовляться к великому обряду.

28 июня 1831 года преосвященный Стефан постриг Брянчанинова в монашество в кафедральном Воскресенском соборе и нарек Игнатием, в честь священномученика Игнатия Богоносца. Родные Брянчанинова, прибывшие 28 июня в собор к богослужению, были крайне изумлены всем увиденным. После пострига Владыка Стефан не отпустил инока Игнатия в обитель.

Родители новопостриженного с неудовольствием отнеслись к этому событию, особенно Александр Семенович был поражен им; его воля, на которой он так упорно настаивал, не состоялась: все планы относительно светской карьеры сына рушились, мечты о его блестящей будущности исчезли. Сын в глазах отца сделался бесполезным членом общества, утратившим все, что отец доставил ему воспитанием. Софья Афанасьевна благосклоннее смотрела на поступок сына, но духовная сторона была также чужда ей, и она сожалела о том, что сын так нелепо распорядился своей жизнью. Из-за таких отношений с родителями инок Игнатий после пострига вынужден был поселиться в загородном доме своего дяди и крестного отца Дмитрия Ивановича Самарина и принять денежную помощь от одной из своих родственниц – Воейковой.

4 июля того же года инок Игнатий был рукоположен преосвященным Стефаном в иеродьякона. Его дьяконское служение проходило под руководством известного своим благочестием дьякона Александра Воскресенского.

25-го числа того же месяца иеродьякон Игнатий был рукоположен во иеромонаха и оставлен при архиерейском доме, который в Вологде находится при кафедральном соборе, в одной с ним ограде. Для обучения священнослужению о. Игнатий был приставлен к городской церкви Спаса Обыденного под руководство священника Василия Нордова, впоследствии протоиерея и настоятеля Вологодского кафедрального собора. Вот что писал об этом времени сам святитель Игнатий: «Совершилось! Я пострижен и посвящен во иеромонаха. Когда меня постригали, казалось мне, что я умер; когда посвятили, казалось – воскрес. Живу какой-то новою жизнью, весьма спокоен, не тревожит меня никакое желание, во время каждой обедни ощущаю, что

достиг конца желаний, что получил более, нежели сколько бы мне пожелать. Не хочу описывать вам наружных обстоятельств, сопровождающих мое пострижение и посвящение, предполагаю, другие расскажут. Сказываю всем о себе то, что другие о мне знать и сказать не могут: я счастлив!»

Однако пребывание в Вологде заставляло его часто возвращаться в круг родных и знакомых: многие из них стали его посещать и требовали от него взаимных посещений к себе. Молодой и привлекательный, он интересовал все вологодское общество, все о нем говорили, все желали сблизиться с ним. Это необходимо вовлекало его в мирскую рассеянность и прямо противоречило тем обетам, какие он только что произнес. Поняв, что пребывание в Вологде становится для него душевредным, он стал просить покровителя своего, преосвященного Стефана, отпустить его в Глушицкий монастырь. Но Владыка решил повременить с этим, намереваясь дать ему место, соответственное его способностям.

Служение в Вологодской епархии

В конце 1831 года скончался строитель Пельшемского Лопотова монастыря, иеромонах Иосиф. Обряд погребения поручено было совершить иеромонаху Игнатию. 6 января 1832 года он был назначен на место умершего, а 14-го ему было дано звание строителя. Лопотов монастырь, основанный преподобным Григорием Пельшемским, расположен в сорока верстах от Вологды, на берегу реки Пельшмы, впадающей в Сухону, в местности лесной и болотистой. Монастырь был почти в разрушенном состоянии, так что предполагалось его упразднить: церковь и прочие здания крайне обветшали, доходы были скудные, недостаток в самом необходимом.

Новый настоятель принялся за дело с энергией. К нему сразу же собрались послушники, знавшие его еще до принятия им пострига. В нем уже чувствовалась духовную опору и подлинную монашескую прочность. И, действительно, с приходом нового настоятеля богослужение в Лопотовом монастыре сразу же было приведено в надлежащий порядок. В этом ему очень помог его друг Михаил Чихачев, который, узнав о том, что его товарищ назначен строителем Лопотова монастыря, сразу же оставил все и приехал к о. Игнатию. Чихачев обладал отличным голосом, знал хорошо церковное пение и составил очень хороший монастырский хор, который немало содействовал к привлечению в обитель многих богомольцев. Строитель Игнатий постриг своего друга в рясофор и руководил в духовной жизни.

К тому же от своего отца иеромонах Игнатий унаследовал прекрасные хозяйственные способности, которые помогли ему в короткий срок значительно улучшить материальное состояние обители. Вскоре потекли пожертвования от жителей Вологды, видевших в новом настоятеле Лопотова монастыря и хозяйственника, и духовника. Благодаря этим пожертвованиям в обители были отремонтированы старые здания и построены новые, тут ему пригодилась учеба в Главном инженерном училище. Вскоре обитель и внешне, и внутренне обновилась, стала просто неузнаваема.

Благая деятельность святителя в возвышении нравов насельников Лопотова монастыря была засвидетельствована свыше. Благочестивый крестьянин Карп, проживавший рядом в поселке, увидел в видении, как некоторые иноки Лопотова монастыря (те, что были в монастыре еще до прихода святителя), стоя в водах реки Пельшмы, жаловались преподобному Григорию Пельшемскому, что новый игумен Игнатий делает им притеснения: в церковь не велит ходить с заплетенными волосами, на клиросе запрещает нюхать табак, не велит носить красных кушаков, запрещает ходить по деревням и прочее, тому подобное. Преподобный Григорий, обратившись к Карпу, сказал: «Ты слышишь их жалобы, могу ли их послушать? Настоятель делает как надо и, если пребудет в заповедях Божиих до конца, причтен будет с нами».

Слава о деятельности молодого строителя Лопотова монастыря дошла и до его родителей. Даже Александр Семенович Брянчанинов смягчился, надеясь если не на светскую, то на духовную карьеру и славу сына. Благодаря этому строитель Игнатий стал часто бывать в доме родителей. Но в основном он общался с матерью, которая часто болела и нуждалась в утешении. Вскоре, напутствованная молитвами священноинока – своего сына, Софья Афанасьевна скончалась 25 июля 1832 года. За несколько минут до смерти она произнесла: «Теперь, в этот час, у меня одно утешение: мой старший сын – в монастыре». Иеромонах Игнатий сам совершил отпевание в храме села Покровского.

Менее чем через два года после назначения о. Игнатия строителем Лопотова монастыря честолюбивые надежды отца его начали сбываться. Владыка Вологодский Стефан, видя неутомимые труды строителя Игнатия по возобновлению и благоустройству Лопотовой обители, возвел его в сан игумена 28 мая 1833 года.

Но болотистая местность Лопотова монастыря уносила последние силы игумена Игнатия и наконец совсем расстроила его здоровье. Чихачев, переживая за своего друга и настоятеля и не видя никакого другого выхода, предложил ему свою мысль – переселиться из Лопотова монастыря куда-либо в другое место.

Перевод в Сергиеву Пустынь

Получив благословение настоятеля, Михаил Чихачев направился в Петербург, к графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской. Графиня радушно приняла Чихачева, дала помещение в своем доме, снабдила всем нужным и деятельно стала хлопотать о перемещении игумена Игнатия из Лопотова монастыря. Она же посоветовала ему представиться Московскому митрополиту святителю Филарету, который тогда находился в Петербурге.

Святитель Филарет принял Чихачева на Троицком подворье и сказал: «Мне не безызвестны жизнь и качества игумена Игнатия». Московский митрополит готов был предложить игумену Игнатию место настоятеля в Николо-Угрешском третьем классном монастыре. Чихачев поблагодарил Владыку Филарета и сказал, что игумену Игнатию неудобно будет самому проситься из вологодской епархии, так как он пострижен лично вологодским архиереем, который может оскорбиться таким поступком своего постриженца. «Хорошо, – сказал митрополит, – я сделаю предложение об этом в Синоде и надеюсь, что мне не откажут». На другой день был послан из Синода указ в Вологду к преосвященному Стефану о перемещении игумена Лопотова монастыря Игнатия в Николо-Угрешский монастырь, куда, по сдаче своего монастыря, и предписывалось его немедленно отправить.

Вопреки опасениям, владыка Стефан доброжелательно отнесся к этому событию. Напутствовав игумена Игнатия своим благословением на новое служебное место, он сделал следующий отзыв о нем в своем отношении к митрополиту Московскому от 28 ноября 1833 года: «Игумен Игнатий, по пострижении в 1831 году, по указу Святейшего Правительствующего Синода, в монашество, состоя в числе братии третьеклассного Глушицкого монастыря, похвальными своими качествами и образованностью своей в науках всегда обращал на себя особое мое внимание, почему взят был в вологодский архиерейский дом и, по рукоположении во иеродиакона, а потом в иеромонаха, употребляем был для соборного священнослужения, где более и более замечая в нем отличные способности, украшаемые похвальным поведением, в 1832 году января 6, я определил его, Игнатия, на место умершего в Лопотове монастыре строителя иеромонаха Иосифа – строителем, и он, будучи в сей новой, возложенной на него должности, образом примерной своей жизни, учреждением в монастыре порядка, согласно правилам и уставам монастырским, точным наблюдением должного в монастыре благоприличия, обращая на себя от публики особенное внимание, успел возродить в почитателях святой обители усердие и тем достиг возможности Лопотов монастырь, пришедший уже в совершенный упадок и расстройство, привести ныне в короткое время в наилучшее состояние, как то: 1) заведением многоценных серебряных святых сосудов, Евангелия, и облачений, и многих других, для благолепия церковного служащих вещей, и 2) устройением настоятельских и братских келий, а потом поправкою многих ветхих монастырских строений, каковая его, Игнатия, полезная для обители святой служба, а притом и отзывы публики о похвальных его качествах убедили меня сего года мая 28-го дня, для поощрения его к дальнейшей таковой же службе, произвести в игумена, с оставлением в том же заштатном Лопотове монастыре настоятелем, о каковой его, игумена Игнатия, отлично-похвальной службе за нужное почел довести при сем до сведения Вашего Высоко преосвященства».

Неожиданно слухи об этом деле дошли до императора. Вспомнив любимого воспитанника инженерного училища, он приказал митрополиту Московскому вызвать игумена Игнатия не в Москву, а в Петербург. Святитель Филарет, исполняя волю императора, официальным письмом от 15 ноября 1833 года на имя вологодского Владыки Стефана просил его как можно скорее отправить игумена Игнатия прямо в Петербург, а частным письмом своим к игумену Игнатию требовал, чтобы он, нисколько не медля, прибыл к нему в Петербург на Троицкое

подворье. «Это распоряжение должно быть исполнено безотлагательно, – писал Московский владыка, – потому что это воля не моя».

27 ноября игумен Игнатий сдал Лопотов монастырь своему казначею, а 30 ноября выехал в Петербург. Приехав в столицу, игумен Игнатий немедленно отправился к митрополиту Филарету, который приютил его на своем Троицком подворье.

Через несколько дней состоялась его встреча с императором Николаем I. Вот как сам святитель Игнатий описывал ее: «12 числа сего месяца, вечером в шесть часов представлялся я государю императору наедине в его кабинете. Трогательно было и интересно сие представление. Государь обнял меня, я его; он повторял: «Друг мой! Друг мой!» – я кричал: «Отец мой! Отец мой!» Изволил подробно расспрашивать о обстоятельствах моей жизни в монашестве... Наконец, объявил мне свою волю, чтобы я оставался близ Петербурга в Сергиевой пустыни. При этом государь сказал: «Ты мне нравишься, как и прежде! Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь, – на нем ты и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтоб ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей». Затем император повел игумена на половину к императрице Александре Федоровне. Войдя к ней, спросил ее: «Узнает ли она этого монаха?» На отрицательный ответ он назвал игумена по фамилии. Она очень милостиво отнеслась к своему бывшему пансионеру и просила благословить всех ее детей.

Вскоре – 1 января 1834 года, в Казанском соборе, игумена Игнатия возвели в сан архимандрита – ему было неполных 27 лет. А 5 января архимандрит Игнатий выехал в свою обитель в сопровождении Чихачева и только что принятого в келейники юноши Иоанна Малышева, который впоследствии, через двадцать три года, сделался преемником своего старца.

Начало настоятельства в Сергиевой пустыни

Желание о. Игнатия переселиться из Лопотова монастыря имело в основании чисто физическую причину. Его болезненному организму нужен был климат если не южный, то, по крайней мере, сухой, а не болотистый. Местность Сергиевой пустыни в климатическом отношении был даже хуже, чем Лопотов монастырь. Береговая сторона Финского залива, волны которого разливаются в виду самой обители, никак не могла служить к восстановлению физических сил.

К столетию своего существования Сергиева пустынь была совершенно запущенной, как в духовном, так и в материальном отношении. Вот как сам святитель Игнатий писал о вверенной ему обители: «Непостижимыми судьбами Промысла я помещен в ту обитель, соседнюю северной столице, которую, когда жил в столице, не хотел даже видеть, считая ее по всему несоответствующею моим целям духовным».

К моменту назначения архимандрита Игнатия настоятелем Сергиевой пустыни здания монастырские, начиная с церкви преподобного Сергия, были давно запущены. Из-за разрухи келейных корпусов вся братия помещалась в инвалидном доме, устроенном при монастыре на иждивение графов Зубовых и состоящем на их содержании. В Троице-Сергиевой пустыни не было никакого монастырского хозяйства и даже земля, на которой был расположен монастырь, не имела ни одного межевого столба. Не лучше обстояло дело и с вверенной архимандриту монастырской братией – все братство обители состояло из тринадцати человек: восьми монашествующих, трех послушников и двух подначальных. И несмотря на такое незначительное число братии, в среде их не было порядка.

Молодому настоятелю предстояло сделать многое. Нужно было возродить духовную жизнь, упорядочить материальную сторону обители и восстановить внешний и внутренний порядок. Как и в Лопотовом монастыре, архимандрит Игнатий начал возрождение обители

с упорядочения богослужения. Он сам старался подавать братии пример чинного и уставного совершения служб. При содействии Михаила Чихачева в Троице-Сергиевой пустыни был устроен монастырский хор. К устройению богослужебного пения святитель Игнатий привлекал также лучших композиторов своего времени: о. Петра Турчанинова, М.М. Глинку, А.Ф. Львова.

Поскольку для торжественного совершения богослужений необходим благоустроенный храм, то о. Игнатию практически сразу после вступление в должность настоятеля пришлось озаботиться ремонтом храма в честь преподобного Сергия, в котором оказались годными только одни стены. После ремонта храма также были отремонтированы келейные корпуса.

Вместе с необходимыми постройками и учреждением порядков внутри обители настоятель архимандрит Игнатий должен был обратить свою деятельность и на другие отрасли ее благоустройства, именно, на поземельную собственность и сельское хозяйство. Как оказалось, всею землей, которая была приобретена еще основателем пустыни, пользовались незаконно крестьяне деревни Подмонастырской слободы, монастырь же имел лишь 25,5 десятин, занимаемых огородом и покосом, и хлопоты монастыря о восстановлении его прав на эту землю, несмотря на неоспоримость его документов, остались безуспешными.

В 1835 году архимандрит подал прошение о восстановлении на монастырской земле межевых знаков и о скорейшем разборе прав на владение землей, неправильно присвоенной крестьянами. Спорное с крестьянами дело о земле решено в 1836 году тем, что хотя земля признана принадлежащей монастырю, но в видах затруднения выселиться с нее крестьянам, основавшимся на ней с 1765 года, положено, по соглашению с настоятелем, разделить землю на две части: восточную сторону, на которой стоит монастырь, по линии от севера к югу отдать ему, а западную, на которой поселились крестьяне, уступить им. Давая свое согласие на такой исход дела, архимандрит Игнатий писал: «Думаю, что преподобный Сергей лучше бы согласился уступить часть достояния своего, чем причинить огорчение крестьянам переселением их, чему простые сии люди не иначе повинуются, как предаваясь неутешной печали и горьким слезам. Посему и я, поверенный преподобного Сергия, как в сем деле, так и в прочих, до обители его касающихся, должен соображаться с благоутробием своего настоятеля».

В то же время архимандрит Игнатий устроил монастырское хозяйство, прекратив отдачу в аренду небольшого участка земли, оставшегося во владении обители, где был заведен огород и скотный двор, был улучшен монастырский сад. Благодаря этому монастырь стал пользоваться круглый год овощами из своих огородов, ржаного хлеба хватало на весь год, а скотный двор давал для братской трапезы в изобилии молочные продукты.

Духовное устройство братии

Сразу же после того, как Сергиева пустынь была приведена в более-менее жизнеспособное состояние, архимандрит Игнатий озаботился духовным устройением братии. Много трудов было положено архимандритом Игнатием для перевоспитания прежней братии обители. Здесь он проявил редкое терпение и снисходительность к человеческим слабостям. С первого же дня архимандрит Игнатий стал принимать к себе желающих на откровение помыслов. Двери его кельи были всегда открыты для всех. Число посещающих настоятеля братий с каждым днем росло, пока вся братия не составила одну великую семью, управляемую одним отцом, связанную союзом согласия и духовного единения, одушевляемую и руководимую высоким учением отца-наставника.

В приеме новых лиц в братию архимандрит Игнатий был очень внимателен. Его задачей было окружить себя людьми со способностями и силами, честными и порядочными, всецело преданными делу служения Церкви Христовой на любом, даже самом низком послушании. Согласно воспоминаниям Чихачева, этому очень помогало умение о. Игнатия выбирать людей

и его знание сердца человеческого, которым он умел привязывать людей к делу, им доверяемому. Он искал развить в человеке преданность поручаемому ему делу и поощрял ее одобрениями и даже наградами и повышениями.

Однако, стараясь не принимать в Сергиеву обитель тех, кто своим поведением был способен бросить на нее тень, архимандрит Игнатий иногда отступал от этого правила, если видел в желающем поступить в его монастырь искреннее покаяние и желание исправления.

Принятые в братство послушники, равно как и все состоящие в обители иноки, никогда не были предоставлены сами себе. Настоятель осторожно вникал в келейную жизнь каждого, внушая всем использовать данное от Бога время во спасение. Он руководил чтением братии, рекомендуя каждому те или иные творения святых отцов, в зависимости от духовного уровня и наклонностей каждого брата. При этом архимандрит Игнатий старался не стеснять свободы своих учеников. Он стремился к тому, чтобы в его присутствии братия вела себя естественно, и поощрял радостное состояние духа своих учеников. Если же о. Игнатий замечал, что кто-либо из братии впал в уныние, то старался расспросить о причине этого, воодушевить словом утешения и всегда неизменно прибавлял: «Уныние не от Бога, исповедуй грех и будь весел». Непрестанное общение с о. Игнатием, ежедневное откровение помыслов облагораживали и совершенно перерождали души учеников святителя. Они были, по выражению одного из них, «всегда легки и веселы», летая на крыльях духовной радости, всегда были готовы исполнить любое послушание.

Количество братии Сергиевой пустыни с каждым годом увеличивалось. Особенно заметный приток искателей истинного монашеского жития был из Вологодской епархии, из тех монастырей, в которых некогда жил архимандрит Игнатий. Его светлый образ оставил след в памяти многих, и узнав, что он стоит во главе Сергиевой пустыни и успешно занимается духовным руководством, многие спешили к нему, чтобы под его мудрым водительством неуклонно шествовать по пути спасения.

Из учеников архимандрита Игнатия вышло много опытных старцев, ставших настоятелями в иных обителях.

Внешнее устройство обители

Одновременно с духовным руководством братии архимандрит Игнатий в течение всех лет пребывания в обители был занят и ее внешним благоустройством. В настоятельство о. Игнатия в Сергиевой пустыни был возобновлен Троицкий собор, средства на строительство которого были пожертвованы императорской семьей, а также построено три новых храма: Покровский, Христа Спасителя и Григория Богослова. Архимандрит Игнатий и его неизменный сподвижник, инок Михаил Чихачев, сами наблюдали за строительными работами. Будучи прекрасными инженерами, они составляли планы вновь возводимых зданий, производили все технические расчеты и следили за минимальным использованием монастырских средств.

В 1835 году архимандрит Игнатий возбудил ходатайство о наделении обители земельным участком в 50 десятин. Межевая канцелярия в августе того же года выделила в Новоладожском уезде просимый участок. Лес с этого участка был употреблен на монастырские постройки.

Мудрое изыскание и использование средств позволило о. Игнатию поднять материальное благосостояние обители на небывалую высоту. Это и одновременное увеличение числа братии позволило архимандриту Игнатию хлопотать об изменении статуса обители и об официальном увеличении штата обители, поскольку, по законам того времени, число живущей в обители братии не должно было превышать положенной по штату нормы. Святейший Синод, на усмотрение которого представлено было это дело, 23 мая 1836 года постановил следующее определение: «Принимая в рассуждение, что Сергиева пустыня, находясь близ столицы, посещается многими богомольцами, что в ней при управлении нынешнего настоятеля нравственное состо-

яние братии, благочестие и порядок между ними и в самом церковном служении ощутительно улучшаются, и что монашествующие ее нередко командируются во флот для морских кампаний, Святейший Синод нашел справедливым и полезным вместо предполагаемого епархиальным начальством только увеличения в этой пустыне штата иеромонахов шестью человеками, возвести оную из второго в первый класс, с присвоением ей штата людей и со держания общего для монастырей первоклассных, и тем доставив пустыне способ приуготовлять большее число хороших монашествующих, поддержать достоинство ее во мнении народа, для богомоления туда стекающегося».

Синодальное постановление наряду с возросшим благосостоянием позволило архимандриту Игнатию в 1839 году открыть в Сергиевой пустыни начальную школу для детей штатных военнослужащих и окрестных поселян. По инициативе настоятеля, в школе преподавались как церковные, так и светские науки. О. Игнатий внимательно наблюдал за процессом преподавания.

Служение в Санкт-Петербургской епархии: труды и искушения

Время служения святителя Игнатия в Санкт-Петербургской епархии характерно тем, что ему постоянно приходилось сообщаться с внешним миром, как церковным, так и светским.

Поначалу высшее общество просто интересовалось новым настоятелем Сергиевой пустыни. Его помнили блестящим офицером ни с того ни с сего бросившим карьеру и ушедшим в монахи. Поначалу многие ехали в Сергиеву пустынь просто из любопытства. Так что архимандриту Игнатию приходилось подчас прибегать к юродству, дабы избавиться от назойливых посетителей.

Но затем и высшее общество, и другие сословия разглядели в настоятеле Сергиевой пустыни духоносного наставника, способного утешить душу утомленную и пресыщенную суетной жизнью. Многие стремились попасть на исповедь к о. Игнатию, дабы облегчить душу и получить совет, как правильно строить свою жизнь, и мирскую, и духовную. При этом сам архимандрит Игнатий, бескомпромиссный христианин, смотрел на все с духовной точки зрения.

Так однажды в Сергиеву пустынь приехала знаменитая красавица того времени, фрейлина царского двора Варвара Нелидова. Как раз в это время она обратила на себя внимание императора. Ввиду ожидавшего ее падения она обратилась к архимандриту Игнатию за советом, а на самом деле ища успокоения совести. При этом она сообщила, что духовник государя заверил ее, что в этом ничего особенно грешного нет. Вопреки ожиданиям Нелидовой, архимандрит Игнатий, ссылаясь на слово Божие, показал ей, что высота внешнего положения человека, впадающего в подобный грех, лишь усиливает тяжесть греха, а никак не оправдывает ни одну из согрешающих сторон. Нелидова уехала из обители весьма недовольная о. Игнатием, но впоследствии изменила свое мнение.

Однако другие высокопоставленные посетители в случае такого бескомпромиссного ответа могли затаить вражду и при случае вредили архимандриту Игнатию. Иногда светские недоброжелатели о. Игнатия доходили до прямых оскорблений. Со слов самого святителя, известен случай, когда однажды он сел в карету, чтобы ехать в Александро-Невскую лавру к духовнику, некто из великосветской публики, гостившей в обители, произнес: «К любовнице едет». Причем все было сказано так громко, что архимандрит Игнатий не мог не услышать.

Желая уберечь архимандрита Игнатия от подобных выходок, преданный келейник Игнатий (Мальшев) после приема очередного посетителя говорил своему настоятелю: «Зачем, батюшка, сказали то или это? Вот и будут делать об вас ложные заключения». Но на такие предостережения архимандрит Игнатий только рукой махнет и скажет: «Я не светский человек, не умею рассчитывать».

Но при строгом соблюдении христианских заповедей и проповеди духовной жизни архимандрит Игнатий был совершенно чужд лицемерного благочестия и так же наставлял своих духовных чад. Так, у одной его племянницы и одновременно духовной дочери была привычка, как и у многих, идя в церковь, надевать скромное, темное платье. О. Игнатий этого не одобрял. «Зачем это? – говорил он. – Разве ты думаешь, что Богу приятнее видеть тебя в черном платье, нежели в обыкновенном? Или думаешь, что, переодевшись, ты сделаешься ближе к Богу, достойнее?»

Но не только мир требовал служения святителя Игнатия, в 1838 году он был назначен на должность благочинного над всеми монастырями Санкт-Петербургской епархии. В подчинении архимандрита Игнатия оказалось шесть мужских и один женский монастырь. Наблюдение за монастырями требовало от о. Игнатия много энергии и доставляло ему множество неприятностей. Практически во всех монастырях своего благочиния архимандрит Игнатий постепенно

поставил настоятелей из лучших иноков Сергиевой пустыни. Получив правильное направление в монашеской жизни, его ученики явились достойными настоятелями монастырей.

Особенно много трудов пришлось понести архимандриту Игнатию по упорядочению жизни древнего Валаамского монастыря. В то время на Валааме были большие нестроения. Архимандрит Игнатий часто бывал в Валаамском монастыре, подолгу беседовал с его насельниками и поэтому как никто другой знал внутреннюю жизнь обители. В настоятели Валаамской обители он рекомендовал аскета-подвижника, скитского монаха Дамаскина. Святейший Синод одобрил выдвинутую архимандритом Игнатием кандидатуру. Впоследствии о. Дамаскин вполне оправдал доверие архимандрита Игнатия.

Из-за болезненности архимандриту Игнатию было трудно справляться с должностью благочинного монастырей. Он неоднократно просил духовное начальство освободить его от этой должности, и, возможно, эта просьба была бы удовлетворена, если бы не вмешательство светской власти: поскольку было видно, что, находясь на этой должности, архимандрит Игнатий приносил великую пользу, возрождая духовную жизнь в Петербургской епархии. От его духовного взора не могли укрыться недостатки монашества того времени, и он, видя их, старался советами, увещаниями, а иногда и строгими мерами искоренить их.

Однако служение о. Игнатия в Санкт-Петербургской епархии было временем не только преуспеяния, но и тяжких искушений. Успехи архимандрита Игнатия, его быстро растущая известность и благосклонность к нему императора привели к тому, что у святителя появилось множество завистников и недоброжелателей. На него стали наговаривать, возникли интриги, а затем и вовсе непрерывные притеснения. Вот как писал об этом сам архимандрит Игнатий: «Здесь поднялись и зашипели зависть, злоречие, клевета; здесь я подвергся тяжким, продолжительным, унижительным наказаниям, без суда, без малейшего исследования, как бессловесное животное, как истукан бесчувственный; здесь я увидел врагов, дышащих непримиримой злобой и жаждой гибели моей».

Даже некоторые предстоятели Санкт-Петербургской епархии смотрели на о. Игнатия неблагоприятно. В результате этого они не пресекали происки недоброжелателей, пытавшихся добиться перемещения архимандрита Игнатия в какую-либо из отдаленных епархий. Было время, когда святителя даже хотели «сослать» в Соловки. В Синоде был поднят вопрос об этом, и если бы не решительное вмешательство Псковского архиерея, то архимандрит Игнатий был бы перемещен в Соловки. Протестуя против этого перемещения, Владыка Гедеон сказал: «Мы хотим похвалу и украшение нашего монашества сослать по каким-то темным изветам и, подобно Синедриону, приговорить праведника к казни за то, что он по отношению к нам действует не согласно с нашими понятиями, не ждет нас по несколько часов в прихожей, когда не застает дома, и делает тому подобные оскорбления нашему понятию о нашем достоинстве, понятию, которое не сходится с его понятиями о его обязанностях относительно нас».

Члены Синода, пристыженные словами Псковского Владыки, оставили архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни.

Прощение об удалении на покой: отпуск и возвращение в Сергиеву пустынь

Узнав обо всех этих интригах и ничуть не дорожа своей должностью и положением, архимандрит Игнатий в 1847 году подает прошение об увольнении на покой. Вот как писал об этом он сам: «Отпустите меня, отпустите больного, ни к чему не способного! Обрету себе, удаленный от шума столичного, удаленный от градов и весей, малоизвестный приют, уединенный и тихий; там, в одиночестве, довлачу до гроба дни мои. Болезненность моя делает тишину уединения необходимой для меня».

Свою просьбу об увольнении архимандрит Игнатий с полной решимостью подтвердил и в рапорте в духовную консисторию. Прощение было рассмотрено Святейшим Синодом, некоторые члены которого склонялись к тому, чтобы удовлетворить просьбу отца-архимандрита, но вмешательство императора привело к тому, что вместо увольнения на покой архимандриту Игнатию был предоставлен отпуск с пребыванием в Николо-Бабаевском монастыре.

Летом 1847 года архимандрит Игнатий прибыл в Николо-Бабаевский монастырь. Ему отведены были кельи, состоявшие из четырех маленьких комнат, в отдельном мезонине над кельями настоятеля. Помещение это было весьма удобно для безмолвия. С одной стороны, из окон кельи открывался величественный вид на Волгу. Здесь архимандритом Игнатием был написан ряд писем с духовными советами к разным лицам, в числе их к некоему иноку Леониду, озаглавленных так: «К иноку, занимающемуся умным деланием». Здесь написана была статья «Бородинский монастырь», которая не вошла в собрание сочинений. Здесь же была начата книга «Последование Христу». Своим пребыванием в Николо-Бабаевской обители архимандрит Игнатий был так доволен, что просил о продлении отпуска еще на пять месяцев.

Лишь по послушанию архимандрит Игнатий возвратился в Сергиеву пустынь в 1848 году. Братия Сергиевой пустыни и все духовные чада о. Игнатия были очень рады возвращению своего наставника. И вновь он был вынужден приступить к обязанностям настоятеля Сергиевой пустыни, где прослужил еще почти десять лет.

По-прежнему архимандрит Игнатий был оставлен и в должности благочинного. Здесь пришлось ему особенно потрудиться. Именно на этот период приходится сложнейшее «дело помещика Страхова», беспрецедентное не только в церковной, но и в общей юридической практике того времени. Дело это длилось очень долго.

Суть его «заключается в многолетней тяжбе крепостных крестьян и помещика, подполковника Страхова, возникшей вследствие жалобы крестьян на непомерное обременение их работами, на насильственное заключение браков, с розгами при церковных дверях. В деле этом принимали участие приходской священник Александр Ивановский и другие духовные лица. Дело полно возмутительных фактов». Священник Александр Ивановский был посажен в тюрьму за подстрекательство крестьян к возмущению, а помещика оправдали. В 1851 году было назначено новое следствие по делу. Представителем от Духовного Ведомства был назначен архимандрит Игнатий. На следствии представители власти вновь стали на стороне помещика. Архимандрит Игнатий один выступил против Страхова. В записке на 133 листах архимандрит обстоятельно доказал во всем виновность помещика. Что же касается священника Александра Ивановского, то его архимандрит сумел защитить, доказав его невиновность. В архивных документах об этом деле говорится, что архимандрит Игнатий сумел оправдать священника и доказать невиновность крестьян. Решением суда Страхов приговорен был к штрафу, остальные же все реабилитированы. Важно то, что архимандрит один сумел повернуть все дело и помочь беззащитным.

Архиерейская хиротония

Но несмотря на успешную деятельность и по благочинию, и в Сергиевой обители, архимандрит Игнатий продолжал усиленно проситься на покой и искать для себя место уединения. Для этого он в 1853 году побывал в Оптиной пустыни и просил у настоятеля и старцев разрешения поселиться у них в скиту, но получил отказ.

Вопреки его надеждам, его ждал не покой и уединение, а новое, более обширное поприще духовной деятельности. В 1856 году скончался митрополит Санкт-Петербургский Никанор. На кафедру Санкт-Петербургской митрополии был переведен митрополит Григорий (Постников), один из друзей и почитателей архимандрита Игнатия. Митрополит Григорий уже давно считал, что архимандрит Игнатий должен послужить Церкви в святительском чине. Поэтому, став епархиальным архиереем архимандрита Игнатия, он решил всячески этому способствовать. Одновременно наместник Кавказский Николай Николаевич Муравьев-Карский хлопотал о назначении на Ставропольскую кафедру достойного архиерея. Его выбор также пал на архимандрита Игнатия.

Узнав о желании Кавказского наместника, митрополит Григорий предложил в Синоде кандидатуру архимандрита Игнатия. Несмотря на некоторое противодействие, выраженное в замечании, что «архимандрит Игнатий не учился в Духовной академии», в целом кандидатура архимандрита Игнатия, как будущего епископа Кавказского и Черноморского, была одобрена Синодом. Также было получено Высочайшее соизволение от императора. Сам архимандрит Игнатий принял решение Святейшего Синода с монашеским послушанием, как выражение промыслительной воли Божией.

23 октября 1857 года в Святейшем Синоде, при значительном стечении народа, прошло наречение архимандрита Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского. Епископская хиротония святителя Игнатия состоялась 27 октября в Казанском соборе. На другой день новопоставленный епископ совершил литургию в лаврской Крестовой церкви и затем три дня следующего месяца провел в Сергиевой пустыни. 3 ноября, в воскресный день, епископ Игнатий отслужил в пустыни Божественную литургию, участвовал на общей братской трапезе и, простившись со всеми, окончательно оставил Сергиеву пустынь. Он переехал в Александро-Невскую лавру.

25 ноября епископ Игнатий оставил Петербург и отправился в свою епархию. При этом следует заметить, что когда святитель Игнатий уезжал на Ставропольскую кафедру, то у него не оказалось собственных средств на дальнюю дорогу. Он вынужден был просить денег у одного из своих духовных чад.

Деятельность святителя на Кавказе

4 января 1858 года святитель Игнатий прибыл в свой кафедральный город Ставрополь. На месте нового назначения Владыку ожидали многие труды, требовавшие настойчивости, мудрости, рассудительности, неисчерпаемых духовных и телесных сил. Дело в том, что Кавказская кафедра была учреждена лишь в 1843 году. За пятнадцать лет существования епархии дела в ней так и не были приведены в надлежащий порядок. Кроме того, один из предшественников святителя Игнатия вступил в конфликт с Кавказским линейным казачьим войском, вследствие этого Кавказское линейное начальство ходатайствовало об изъятии линейного казачьего населения из ведомства епархиального архиерея и о передаче в ведение обер-священника Кавказской армии.

Архиерейского дома не было, была лишь небольшая хижина, за четырнадцать лет до этого подаренная купцом Волобуевым. Близ этого домика была построена небольшая каменная церковь. Поэтому по приезде в Ставрополь святитель Игнатий вынужден был снять квартиру в доме купца Стасенкова.

Монашеская братия, приписанная к архиерейскому дому, была в столь же плачевном состоянии. Как писал об этом сам святитель Игнатий, «монашествующая братия (архиерейского) дома ежедневно ходила по городу, ища себе обеда и ужина, ибо в (архиерейском) доме, по его бедности, не было требуемой правилами иноческой трапезы».

Существующие материальные проблемы усугублялись тем, что с момента поступления на кафедру Владыки Игнатия Синод значительно сократил финансовое обеспечение Ставропольского епископа. Святитель получал жалование гораздо меньшее, нежели ректор и инспектор Ставропольской семинарии. Но за несколько лет своего пребывания на Кавказской кафедре он смог существенно улучшить материальное состояние епархии.

Так, не желая соблазнять монашескую братию проживанием на частной квартире, он изыскивает средства для строительства нормального архиерейского дома. Он лично разработал проект дома и план строительства. Год спустя в Ставрополе был уже новый архиерейский дом, по отзывам современников, «не чуждый изящества».

Одновременно со строительством архиерейского дома святитель Игнатий начинает административную работу. Особенно много трудов требовалось для улучшения работы духовной консистории. Особое внимание он уделял подбору сотрудников. И вскоре работающая под непосредственным наблюдением Владыки консистория аккуратностью и тщательностью превзошла даже государственные канцелярии Ставрополя. Помимо обычных ведомостей святитель Игнатий распорядился также составить ведомость нерешенных дел и докладывать о них ему лично.

Также внимательно он следил и за деятельностью епархиальных благочинных – всего в Кавказской епархии было 18 благочиннических округов, впоследствии Владыка Игнатий открыл еще два. Для тесного контакта с благочинными святитель Игнатий предоставил им возможность обращаться к нему кроме официальных рапортов с конфиденциальными донесениями. Эта мера позволила святителю более ясно понять проблемы и нужды своей паствы.

Тесно общался святитель Игнатий и с рядовыми священнослужителями. Принимая приехавших в Ставрополь священников, Владыка подолгу беседовал с ними. Подробно расспрашивая их обо всех трудностях приходской жизни, выяснял недоумения, давал основанные на авторитете святых отцов советы. В общении с духовенством святитель Игнатий всегда старался избегать излишнего формализма.

Для воспитания достойных пастырей святитель Игнатий неустанно следил за духовной жизнью и за материальными нуждами Ставропольской семинарии, которая ко времени вступления святителя на кафедру была в запущенном состоянии. Не имея своего помещения, семи-

нария ютилась в нескольких частных домах. Лишь к 1860 году Владыке Игнатию удалось отстроить приличное здание для семинарии.

Но главной его заботой в этом плане было духовное состояние учащихся и учащихся. По мысли святителя Игнатия, духовные учебные заведения должны быть подобны монастырям, поэтому свое отношение к семинарскому начальству он строил на началах монастырской жизни: на взаимной откровенности, послушании младших старшим и преданности порученному делу. Жизнь воспитанников, по мнению святителя, должна быть строго христианской, в семинарии они должны приобретать твердые навыки в благочестии и хорошо знать богослужение и любить его. Однако эти навыки должны быть воспитаны личным примером, духовным авторитетом, а никак не насилием над учащимися, поэтому святитель Игнатий сделал следующее распоряжение: «Наказание заушениями, дранием за волосы и за уши да будет извергнуто из духовных училищ. В ту минуту, когда воспитатель собственноручно наказывает воспитанника, в эту жалкую минуту человечество терпит нравственное унижение и в лице воспитанника, и в лице воспитателя. Но в лице воспитателя такое унижение несравненно глубже, нежели в лице воспитанника. Воспитатель такими действиями лишает себя уважения воспитанников, их любви и доверенности. Высокий, благородный характер воспитателя есть главнейшая узда и гроза для воспитанников... Благочестивый и благонамеренный воспитатель должен положить себе за правило не прибегать в час своего гнева ни к выговору, ни к наказанию. Час гнева есть час безумия для всякого разгневавшегося, хотя бы разгневавшийся принадлежал к первейшим мудрецам. Наказание да будет плодом зрелого, беспристрастного суждения, только при этом условии оно благотворно для детей и возвышает в мнении их воспитателя». При этом умеренность и кротость в наказании семинаристов не была попустительством: в том случае, если ученик не соответствовал христианскому духу, Кавказский Владыка не останавливался даже перед исключением.

Часто святитель Игнатий приглашал к себе воспитанников старших классов на беседы. В откровенных разговорах с семинаристами святитель раскрывал им глубину догматов веры и их тесную связь с нравственной жизнью.

За время своего пребывания на кафедре святитель Игнатий дважды объехал свою епархию – в 1858 и в 1859 годах. Стараясь быть ближе к пастве, он входил во все нужды местного населения, особое внимание уделяя национальным меньшинствам. Представителей этих народов он старался привлечь в семинарию и даже за короткий срок пребывания на Кавказской кафедре смог подготовить и рукоположить их в священный сан.

Полемика с А.И. Герценом

Но не только делами Кавказской епархии был занят святитель Игнатий. В это время он вынужден был вступить в полемику с А.И. Герценом.

Тогда в обществе повсеместно обсуждалась подготовка освобождения крестьян от крепостной зависимости. Как христианин и как епископ, святитель Игнатий не мог не остаться в стороне от обсуждения этого важного вопроса. Основываясь на святоотеческом понимании подлинной свободы и одобряя желание государя облегчить положение крестьян, святитель Игнатий предостерегал от увлечения свободой внешней, социально-правовой. Он высказал свой взгляд твердо, невзирая на мнения, распространяемые в печати.

Он напечатал обращение к кавказскому духовенству (от 17 января 1859 года), а затем другое, более подробное обращение (от 6 мая 1859 года). Целью ставилось и предостережение общества от возможных крестьянских волнений. В частности, святитель Игнатий писал: «Пастыри, научайте как помещиков, так и крестьян, которые будут обращаться к вам за советами, чтобы они в кротости духа, в благочестивом самоотвержении обращались с частыми молитвами к Богу, умоляя Его благостыню, да дарует мудро задумать, обработать, совершить великое отечественное дело, долженствующее возвести государство на высшую ступень благоденствия. Научайте овец Христовых, чтобы они паслись на пажити Христовой, то есть постоянно питали душу учением Христовым, которое заповедует тщательно и постоянно сохранять любовь, взаимный мир, милосердие, благость, которое отвергает все страсти, в какое бы благодидное облачение и покров ни одевались эти страсти для обольщения человека. Обратите все внимание ваше, чтобы в деле духовная сторона его, самым законом Божиим, самым священным призванием порученная вам, сохраняла свое достоинство, ясно указанное ей Евангелием. Благочестивое и благоугодное направление душ, которое вы будете питать и поддерживать, несомненно, подействует благотворительно и на вещественную сторону дела. Вместе с этим тщательно сторонитесь не только вмешательства в гражданские распоряжения и всякого суждения о них, но и всяких, даже частных, как бы конфиденциальных бесед и советов о вещественной стороне дела». Из этого отрывка видно, что святитель Игнатий придерживается традиционно церковной точки зрения, высказанной Господом в Евангелии: *Кто поставил Меня судить или делить вас?* (Лк. 12: 14).

В ответ, издаваемая в Лондоне русскими иммигрантами газета «Колокол» опубликовала оскорбительную статью А.И. Герцена «Во Христе сапер Игнатий». В данной статье Герцен называл святителя Игнатия «наставителем московских Магдалин», обвинял его в «христолюбивом доносе на архимандрита Казанской Духовной академии Иоанна» и утверждал, что святитель Игнатий считает, «что рабство в России учреждено самим Богом, что христианин должен только терпеть и не смеет даже думать об освобождении».

Сам святитель Игнатий, хотя и тяжело переживал свою вовлеченность в эту полемику, однако не считал возможным отвечать на пасквиль подобного уровня. Но сотрудники его по Ставропольской епархии, тем не менее, ответили Герцену в печати, обстоятельно опровергнув его клевету на святителя. К сожалению, невольное участие в этой истории окончательно подорвало силы святителя Игнатия, незадолго до того перенесшего тяжелую болезнь.

Удаление на покой в Николо-Бабаевскую обитель

Чувствуя окончательное изнеможение сил телесных, святитель Игнатий 24 июля 1861 года подал рапорт в Святейший Синод, прося уволить его на покой в Николо-Бабаевский монастырь. Указом от 5 августа 1861 года святитель Игнатий был уволен на покой, и ему был предоставлен в управление Николо-Бабаевский монастырь.

При отъезде из Ставрополя, так же как и прежде из Петербурга, у святителя не было собственных де нежных средств; он должен был опять прибегнуть к посторонней помощи, чтоб рассчитаться с некоторыми долгами и покрыть путевые издержки. В Николо-Бабаевский монастырь святитель Игнатий приехал 13 октября 1861 года. С ним приехали: игумен Иустин, иеромонах Каллист, иеромонах Феофан и несколько послушников.

В то время Николо-Бабаевская обитель пребывала в достаточно тяжелом состоянии. В монастыре было всего 67 рублей денег и две тысячи долгу. Не было хлеба, дров, сена. Многие монастырские здания обветшали и нуждались в срочном ремонте, особенно в запущенном состоянии были келейные корпуса. Соборный храм также находился в аварийном состоянии. Прежний настоятель обители незадолго до того перевелся в другой монастырь, так что обитель находилась в расстройстве и запустении.

Тем не менее, святитель Игнатий писал своему другу, схимонаху Михаилу Чихачеву: «Никогда в жизни моей я не был так доволен моим положением, как доволен им теперь. Кажется, мой Ангел Хранитель, по повелению Божию, продиктовал Святейшему Синоду указ о мне, так как этот указ удовлетворяет требованиям моего душевного настроения и телесного здравия».

С мудрой осторожностью принялся святитель Игнатий за возрождение Бабаевской обители. Своим наместником сделал он игумена Иустина, благочинным монастыря был назначен иеромонах Каллист, а иеромонах Феофан сделан вторым духовником. Им всем предстояло сделать очень многое. Чин богослужения, порядки келейного жительства, братская трапеза и жилища – все было улучшено. Под руководством игумена Иустина был устроен хороший монастырский хор.

Некоторое время спустя, весной следующего года в обители начался капитальный ремонт. Были перестроены кельи, предназначенные для самого святителя Игнатия, также капитально отремонтирован был весь братский корпус. Была отремонтирована и меблирована монастырская гостиница, расположенная рядом с обителью. Так как на это требовались значительные средства, всю свою пенсию святитель Игнатий отдавал на нужды монастыря.

Чтобы обеспечить монастырь собственным хлебом, на восьмидесяти десятинах монастырской земли было заведено правильное хлебопашество. Поскольку земля была болотисто-песчаной, прорыты каналы для осушки болот, и чрез них болотная вода спущена в Волгу. Также было улучшено и остальное монастырское хозяйство.

Следующим этапом преобразования Николо-Бабаевской обители стало храмостроительство. Это было необходимо, поскольку с поселением в обители святителя Игнатия резко возрос поток богомольцев, желающих посоветоваться с великим старцем. А Никольский храм был очень мал, храм же во имя Иверской иконы Божией Матери находился в аварийном состоянии.

Для сооружения просторного храма были нужны значительные средства. Благодаря духовному авторитету святителя Игнатия быстро нашелся жертвователю – строитель-подрядчик ярославский, мещанин Федотов, пообещавший все строительные работы исполнить своими рабочими безвозмездно и пожертвовать для начала 1000 рублей. Святитель Игнатий вызвал из Санкт-Петербурга знакомого ему архитектора, профессора Академии художеств И.И. Горностаева, и поделился с ним своими идеями. В результате был составлен проект вели-

чественного храма. Также было получено разрешение Святейшего Синода на разбор ветхого Иверского храма.

С понедельника второй недели Великого поста началась разборка старого храма; дело шло быстро, кирпич заготавливался на заводах, устроенных при монастыре, добывался на месте дикий камень, который пошел в цоколь здания, распланирована была местность, так как новый храм воздвигался немного далее вглубь берега, размеры фундамента обозначены; твердый грунт не требовал свайных укреплений; предполагено было с наступлением весны приступить к сооружению здания; ждали утверждения проекта, которое замедлилось. Министр путей сообщения находил, что архитектурные линии в нем слишком смелы, чтобы могли быть благонадежно исполнены; только по личным объяснениям архитектора Горностаева министерство согласилось на утверждение.

Как писал Владыка своему брату: «Над построением храма Богоматери очевиден перст Богоматери. Даруется человекам, труждающимся в деле, помощь; вместе даруется им побороться с препятствиями и поскорбеть для их же душевной пользы, чтобы очистить дело от примеси тщеславия и других увлечений, чтобы оно было совершено в богомудром смиреномудрии. Таков обычный ход дел, покровительствуемых Богом». К сожалению, несмотря на все труды и понесенные хлопоты по строительству этого храма, святитель Игнатий так и не дожил до его освящения.

Последние годы

Поселившись в Николо-Бабаевском монастыре, святитель Игнатий лишь в хорошую погоду ненадолго покидал стены обители, выезжая на прогулки по окрестностям. Обычно в те дни, когда он не служил, святитель вставал около шести часов утра и затем, прочитав келейное правило, около семи часов утра садился пить чай. Сам он говорил об этом так: «Вот что значит старость: не напившись чаю, и Богу не способна помолиться».

С девяти часов святитель Игнатий обычно или шел в церковь, или принимался за дела – осматривал производившиеся строительные работы или принимал посетителей. Иногда, чтобы побеседовать со святителем о духовной жизни, люди приезжали издалека. Но большей частью посетителями его были местные жители, они обращались к Владыке не столько с духовными, сколько с житейскими вопросами. Крестьяне, обремененные различными нуждами, приходили к святителю Игнатию просить о помощи. И он никогда не отказывал им ни в денежной помощи, ни в совете, ни даже в лечении. Прием посетителей обычно заканчивался после полудня. После вечерни и до восьми часов вечера святитель Игнатий возобновлял прием посетителей.

Почти все остальное время до вечера святитель Игнатий посвящал литературным трудам, поскольку, лишь живя на покое, он получил возможность тщательно просмотреть все написанное им и подготовить к изданию. До этого все его время уходило на служебные обязанности, так что попытки издать свои сочинения приводили лишь к конфликту с духовной цензурой. В последние годы жизни святителю Игнатию удалось найти деятельных помощников, способствовавших изданию его сочинений. Духовные чада занимались корректурой творений святителя, а брат Петр Александрович, к тому времени оставивший службу, взял на себя всю практическую сторону этого дела – договоренность с издательствами и цензурой.

Не останавливаясь на достигнутом, святитель Игнатий уже в Николо-Бабаевской обители продолжил написание духовных творений. Вообще, в это время он считал духовное писательство главным своим послушанием, не завершив которого он не мог и умирать. Вот как писал он об этом одному из своих помощников: «Не бойтесь, я не умру до тех пор, пока не кончу дела своего служения человечеству и не передам ему слов истины, хотя действительно так ослабел и изнемог в телесных силах, как это вам кажется».

Однако даже в это время он не считал себя вправе уклоняться от духовного общения с братией Николо-Бабаевской обители. Он регулярно проводил духовные беседы с братией, а особенно с новоначальными послушниками, толкуя им Священное Писание и наставляя их в монашеских добродетелях.

Так, в мире Христовом спокойно протекала жизнь бабаевского затворника. Все окружающие привыкли видеть святителя постоянно больным, но при этом занятым работой за письменным столом или молитвенным подвигом. Лишь самые близкие помощники догадывались о скорой кончине святителя Игнатия.

Кончина святителя Игнатия

Наступил 1867 год. Святитель Игнатий настолько ослабел телесно, что все приезжавшие к нему замечали это. При этом духовно он был бодр. Весьма вероятно, он был заранее предвещен о времени своей кончины.

В день светлого Христова Воскресения, 16 апреля 1867 года, святитель Игнатий совершил литургию, но так утомился, что келейники с трудом довели его до кельи. Ему нужен был получасовой отдых, чтобы собраться с силами и принять пищу. В этот день он объявил окружающим, чтоб после вечерни никто его не беспокоил, ибо с этого часа дня он никого принимать не будет, объявив причиной этого распоряжения «необходимость свою готовиться к смерти». В последующие затем дни святитель чувствовал себя все слабее, но при этом лицо его выражало все большее умиление, иногда прямо светилось радостью, что поражало всех.

В это время из Петербурга прислали только что напечатанные третий и четвертый тома его творений. Увидев их, святитель Игнатий перекрестился, сказал: «Слава Богу!», но не проявил никакого интереса. Объясняя архимандриту Иустину свое духовное состояние, святитель говорил, что потерял всякий интерес ко всему земному, потерял даже внимание ко вкусу пищи, причем прибавил: «Я долго не потяну».

30 апреля, в воскресенье недели жен-мироносиц, к семи часам утра келейник Василий, войдя в келью святителя, нашел орлец не убраным пред иконами, что случалось очень редко – большей частью святитель Игнатий, всегда употреблявший его при келейном правиле, сам убирал его. Умывшись, он, по обычаю, выпил Богоявленской воды и вышел в столовую комнату пить чай. Выпив две чашки чаю, он поспешил в свою внутреннюю келью. Около девяти часов, пред самым благовестом к поздней литургии, Василий, войдя к нему с обычной молитвой, нашел святителя Игнатия лежащим на кровати, на левом боку, лицом к стене. Видя, что Владыка, всегда очень чуткий, не обращает внимания на вход его, келейник сначала приписал это особенно углубленному молитвенному деланию, что иногда с ним случалось. Постояв несколько, Василий повторил молитву, но ответа не было. Вглядываясь пристальнее, он заметил, что святитель уже скончался. Голова его, лежавшая на подушке, была несколько наклонена вперед, ладонь левой руки воздета кверху, как бы в молитве, правая рука, опущенная вдоль тела на кровать к стороне стены, лежала близ раскрытого канонника. Смерть, придя к святителю, застала его ум занятым молитвословием. Начав молитву на земле, угодник Божий продолжил ее на небе.

Прославление и обретение мощей святителя Игнатия

Епископа Кавказского Игнатия (Брянчанинова) еще при жизни почитали как аскета и духовного писателя. По кончине его почитание продолжилось. Более того, почитатели были уверены в том, что, перейдя в вечность, святитель Игнатий не оставил их молитвенным попечением. Об этом свидетельствовали и посмертные явления святителя. Вот примеры таких явлений.

Явление епископа Игнатия А.В. Жандр, на 20-й день по кончине его, 1867 года 19 мая

«Тяжелая скорбь подавила все существо мое с той минуты, как дошла до меня весть о кончине Владыки. Скорбь эта не уступала и молитве: самая молитва была растворена скорбью, невыносимую, горькою. Ни днем, ни ночью не покидало сердца ощущение духовного сиротства. И душа, и тело изнемогли до болезни. Так прошло время до двадцатого дня по кончине Владыки. На этот день я готовилась приобщиться Святых Тайн в одном из женских московских монастырей.

Так сильно было чувство печали, что даже во время таинства исповеди не покидало оно меня, не покидало оно меня и во время совершения Литургии. Но в ту минуту, как Господь сподобил меня принять Святые Тайны, внезапно в душу мою сошла чудная тишина, и молитва именем Господа нашего Иисуса Христа, живая, ощутилась в сердце. Так же внезапно, для меня самой непонятно, печаль о кончине Владыки исчезла.

Прошло несколько минут, в течение которых я отошла на несколько шагов от Царских врат и, не сходя с солеи, стала, по указанию матери игумении, на левый клирос прямо против иконы Успения Божией Матери. В сердце была молитва, мысль в молчании сошла в сердце, и вдруг, пред внутренними глазами моими, как бы также в сердце, но прямо против меня у иконы Успения, возле одра, на котором возлежит Царица Небесная, изобразился лик усопшего святителя – красоты, славы, света неописанных! Свет озарял сверху весь лик, особенно сосредоточиваясь наверху главы. И внутри меня, опять в сердце, но вместе и от лика, я услышала голос, мысль, поведение, – луч света, ощущение радости, проникнувшее все мое существо, – которое без слов, но как-то дивно передало моему внутреннему человеку следующие слова: «Видишь, как тебе хорошо сегодня. А мне без сравнения так всегда хорошо, и потому не должно скорбеть о мне».

Так ясно, так отчетливо я видела и слышала это, как бы сподобилась увидеть Владыку, слышать от него лицом к лицу. Несказанная радость объяла всю душу мою, живым отпечатком отразилась на лице моем так, что заметили окружающие. По окончании Литургии начали служить панихиду. И какая это была панихида! В обыкновенных печальных надгробных песнопениях слышалась мне дивная песнь духовного торжества, радости неизглаголанной, блаженства и жизни бесконечных. То была песнь воцерковления вновь перешедшего из земной, воинствующей Церкви воина Христова в небесную Церковь торжествующих в невечерней славе праведников. Мне казалось, что был Христов день, таким праздником ликовало все вокруг меня, и в сердце такая творилась молитва.

Вечером того же дня я легла в постель: сна не было. Около полуночи, в тишине ночи, откуда-то издали донеслись до слуха моего звуки дивной гармонии тысячи голосов. Все больше и больше приближались звуки: начали отделяться ноты церковного пения ясно, наконец стали определительно, отчетливо выражаться слова... И так полно было гармонии это пение, что невольно приковывалось к нему все внимание, вся жизнь... Мерно гудели густые басы, как гудит в пасхальную ночь звон всех московских колоколов, и плавно сливался этот гул с мягкими, бархатными тенорами, с серебром рассыпавшимися альтами, и весь хор казался одним голосом – столько было в нем гармонии. И все яснее и яснее выделялись слова. Я отчетливо расслышала: «Архиереев богодухновенное украшение, монашествующих славо и похвало». И вместе с тем для самой меня необъяснимым извещением, без слов, но совершенно ясно и понятно, сказалось внутреннему существу моему, что этим пением встречали епископа Игнатия в мире небесных духов.

Невольный страх объял меня, и к тому же пришло на память, что Владыка учил не внимать подобным видениям и слышаниям, чтобы не подвергнуться прелести. Усиленно стара-

лась я не слышать и не слушать, заключая все внимание в слова молитвы Иисусовой, но пение все продолжалось помимо меня, так что мне пришла мысль, не поют ли где на самом деле в окрестностях. Я встала с постели, подошла к окну, отворила его: все было тихо, на востоке занималась заря.

Утром, проснувшись, к удивлению моему, я припоминала не только напев, слышанный мною ночью, но и самые слова. Целый день, несмотря на множество случившихся житейских занятий, я находилась под необычайным впечатлением слышанного. Отрывками, непоследовательно припоминались слова, хотя общая связь их ускользала из памяти. Вечером я была у всенощной: то была суббота – канун последнего воскресенья шести недель по Пасхе; канон Пасхи. Но ни эти песнопения, ни стройный хор Чудовских певчих не напоминали мне слышанного накануне: никакого сравнения нельзя было провести между тем и другим.

Возвратившись домой, утомленная, усталая, я легла спать, но сна опять не было, и опять, только что начал стихать городской шум, около полуночи, слуха моего снова коснулись знакомые звуки, только на этот раз они были ближе, яснее, и слова врезывались в памяти моей с удивительной последовательностью. Медленно и звучно пел невидимый хор: «Православия поборниче, покаяния и молитвы делателю и учителю изрядный, архиереев богодухновенное украшение, монашествующих славо и похвало: писаньми твоими вся ны уцеломудрил еси. Цевнице духовная, новый Златоусте: моли Слова Христа Бога, Егоже носил еси в сердце твоём, даровати нам прежде конца покаяние!»

На этот раз, несмотря на то, что я усиленно творила молитву Иисусову, пение не рассеивало внимания, а еще как-то неизъяснимым образом и моя сердечная молитва сливалась в общую гармонию слышанного песнопения, и сердце живо ощущало и знало, что то была торжественная песнь, которую небожители радостно приветствовали преставившегося от земли к небесным – земного и небесного человека, епископа Игнатия.

На третью ночь, с 21 на 22 мая, повторилось то же самое, при тех же самых ощущениях. Это трехкратное повторение утвердило веру и не оставило никакого смущения, запечатлело в памяти и слова тропаря, и тот напев, на который его пели, как бы давно знакомую молитву. Напев был сходен с напевом кондаков в акафистах. После, когда я показала голосом, какой слышала напев, мне сказали, что это осьмый глас».

Явление епископа Игнатия С.И. Снесаревой

«В 1867 году, 30 апреля, Преосвященный Игнатий скончался в Николаевском монастыре; я поехала на его погребение, совершавшееся 5 мая. Невыразима словом грустная радость, которую я испытала у гроба его.

В субботу, 12 августа 1867 года, ночью худо спала, к утру заснула. Вижу – пришел Владыка Игнатий в монашеском одеянии, в полном цвете молодости, но с грустью и сожалением смотрит на меня: «Думайте о смерти, – говорил он. – Не заботьтесь о земном! Все это только сон – земная жизнь, только сон! Все, что написано мною в книгах, все – истина! Время близко, очищайтесь покаянием, готовьтесь к исходу. Сколько бы Вы ни прожили здесь, все это – один миг, один только сон». На мое беспокойство о сыне Владыка сказал: «Это не Ваше дело; судьба его в руках Божиих! Вы же заботьтесь о переходе в вечность». Видя мое равнодушие к смерти и исполняясь сострадания к моим немощам, он стал умолять меня обратиться к покаянию и чувствовать страх смерти. «Вы слепы, ничего не видите и потому не боитесь, но я открою Вам глаза и покажу смертные муки». И я стала умирать. О, какой ужас! Мое тело стало мне чуждо и ничтожно, как бы не мое, вся моя жизнь перешла в лоб и глаза; мое зрение и ум увидели то, что есть действительно, а не то, что нам кажется в этой жизни. Эта жизнь – сон, только сон! Все блага и лишения этой жизни не существуют, когда наступает со смертью минута пробуждения. Нет ни вещей, ни друзей, – одно необъятное пространство, и все это пространство наполнено существами страшными, непостижимыми нашим ослеплением; они живут вокруг нас в разных образах, окружают и держат нас. У них тоже есть тело, но тонкое, как будто слизь

какая, ужасное! Они лезли на меня, лепились вокруг меня, дергали меня за глаза, тянули мои мысли в разные стороны, не давали перевести дыхания, чтобы не допустить меня призвать Бога на помощь. Я хотела молиться, хотела осенить себя крестным знамением, хотела слезами к Богу, произношением имени Иисуса Христа избавиться от этой муки, отдалить от себя эти страшные существа, но у меня не было ни слов, ни сил. А эти ужасные кричали на меня, что теперь уже поздно, нет молитвы после смерти!

Все тело мое деревенело, голова неподвижна, только глаза все видели, и в мозгу дух все ощущал. С помощью какой-то сверхъестественной силы я немного подняла руку, до лба не донесла, но на воздухе я сделала знамение креста, тогда страшные корчились. Я усиливалась не устами и языком, которые не принадлежали мне, а духом представить имя Господа Иисуса Христа, тогда страшные прожигались, как раскаленным железом, и кричали на меня: «Не смей произносить этого имени, теперь поздно!» Мука неопишная!

Лишь бы на одну минуту перевести дыхание! Но зрение, ум и дыхание выносили невыразимую муку от того, что эти ужасные страшилища лепились вокруг них и тащили в разные стороны, чтобы не дать мне возможности произнести имя Спасителя. О, что это за страдание! Опять голос Владыки Игнатия: «Молитесь непрестанно, все истина, что написано в моих книгах. Бросьте земные попечения, только о душе, о душе заботьтесь». И с этими словами он стал уходить от меня по воздуху как-то кругообразно, все выше и выше над землею. Вид его изменялся и переходил в свет. К нему присоединился целый сонм таких же светлых существ, и все как будто ступенями необъятной, невыразимой словом лестницы.

Как Владыка по мере восхождения становился неземным, так и все присоединившиеся к нему в разных видах принимали невыразимо прекрасный, солнцеобразный свет. Смотря на них и возносясь духом за этою бесконечною полосой света, я не обращала уже внимания на страшилища, которые в это время бесновались вокруг меня, чтобы привлечь мое внимание к ним новыми муками. Светлые сонмы тоже имели тела, похожие на дивные, лучезарные лучи, пред которыми наше солнце – ничто.

Эти сонмы были различных видов и света, и чем выше ступени, тем светлее. Преосвященный Игнатий поднимался все выше и выше. Но вот окружает его сонм лучезарных святителей, он сам потерял свой земной вид и сделался таким же лучезарным. Выше этой ступени мое зрение не достигало. С этой высоты Владыка Игнатий еще бросил на меня взгляд, полный сострадания. Вдруг, не помня себя, я вырвалась из власти державших меня и закричала: «Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего Преосвященного Игнатия и святыми его молитвами спаси и помилуй меня, грешную!» Мгновенно все ужасы исчезли, настала тишина и мир. Я проснулась в жестоком потрясении.

Никогда ничего я не боялась и охотно оставалась одна одиноконька в доме, но после этого сна несколько дней я чувствовала такой ужас, что не в силах была оставаться одна. Много дней я ощущала необыкновенное чувство на середине лба: не боль, а какое-то особенное напряжение, как будто вся жизнь собралась в это место. Во время этого сна я узнала, что, когда мой ум сосредотачивается на мысли о Боге, на имени Господа нашего Иисуса Христа, ужасные существа мигом удаляются, но лишь только мысль развлекается, в тот же миг они окружали меня, чтобы мешать моей мысли обратиться к Богу и молитве Иисусовой».

Даже после революции, во время гонения на Церковь творения святителя Игнатия были для многих путеводной звездой в деле вечного спасения. И, наконец, в рамках подготовки празднования 1000-летия Крещения Руси историко-каноническая группа подготовила материал для общецерковного прославления святителя Игнатия.

Незадолго до прославления были обретены и мощи святителя. Вот как вспоминает об этом игумен Борис (Долженко).

Игумен Борис (Долженко) об обретении мощей святителя Игнатия (Брянчанинова)

В 1988 году состоялось прославление святителя Игнатия, и было решено поднять его мощи. Договорились с администрацией санатория. В храме, где находились мощи, располагались палаты с туберкулезными больными. При вскрытии присутствовали: Владыка Платон, протоиерей Владимир Пчелкин, протоиерей Михаил Перегудов и судмедэксперт Владимир Иванович Смирнов. Склеп был нарушен, так как при установке какой-то машины на месте, где были мощи, открыли склеп, потом засыпали и при этом все перемешали. Когда обретали мощи, то приходилось все просеивать. Мощи складывали на мантию Владыки Платона. Не нашли череп и большую кость ноги. Потом все положили в гроб и на машине отвезли на Толгу, где святые мощи встретили сестры обители и отнесли их в Спасский храм. Мощи снова закопали, и они находились год под спудом, а через год их достали и положили в раку. Ныне мощи святителя Игнатия (Брянчанинова) пребывают в Свято-Введенском Толгском женском монастыре.

* * *

Прославление святителя Игнатия состоялось на Юбилейном Поместном Соборе РПЦ в июне 1988 года.

Свято-Троицкая Сергиева пустынь

Свято-Троицкая Сергиева пустынь была основана в 1732 году архимандритом Троице-Сергиевой лавры Варлаамом (Высоцким).

Архимандрит Варлаам (в миру священник Василий Антипьевич Высоцкий) родился в 1665 году в подмосковном селе Домодедове и происходил из духовного сословия. Известно, что Василий Высоцкий с ранних лет стремился к монашеству, в юности он пришел в Борисо-Глебский Переславский монастырь и стал послушником при преподобном Корнилии. Но затем, по неизвестным обстоятельствам, оставил обитель, вступил в брак и был рукоположен во священники.

В 1692 или 1693 году о. Василий был переведен в Москву, в церковь Рождества Богородицы, что в Кремле. Через некоторое время о. Василий был уже первым священником в той же церкви. В это же время о. Василий становится духовником царевен Натальи Алексеевны, Екатерины Алексеевны и Марии Алексеевны, а также их невестки царицы Прасковьи Федоровны.

В начале XVIII века о. Василий, вероятно, овдовев, принимает постриг с именем Варлаама в Переславском Борисо-Глебском монастыре. Вскоре он был избран настоятелем этой обители. При этом он по-прежнему наезжает в Москву и продолжает общение с высокопоставленными духовными чадами. Есть предположение, что именно о. Варлаам наставлял в истинах Православия подругу императора Петра I Марту Скавронскую, и он же впоследствии в 1707 году совершил над ней чин присоединения к Православной вере. Ставшая

Екатериной Алексеевной Марта также избирает игумена Варлаама своим духовником.

Около 1709 года о. Варлаам был назначен настоятелем Свято-Троицкого Данилова монастыря в Переславле с возведением в сан архимандрита. Пребывая в Борисоглебском и Даниловском монастырях, о. Варлаам старался украсить и обновить старые храмы и воздвигнуть новые. Архимандрит Варлаам, как духовник высочайших особ, часто наезжает в Петербург, бывает в присутственных местах, в торжественных собраниях и при различных церемониях.

В 1726 году архимандрит Варлаам, по указу императрицы Екатерины I, назначен настоятелем Троицко-Сергиевой лавры. Настоятельство архимандрита Варлаама было благотельно для Лавры и оставило о нем добрую память, особенно в отношении ее внутреннего и внешнего благоустройства.

Примерно в это же время, хотя точная дата неизвестна, архимандрит Варлаам становится духовником Курляндской герцогини Анны Иоанновны. Известно лишь, что в описании ее коронации он уже упоминается как духовник.

Архимандрит Варлаам переехал в Петербург вслед за императрицей и поселился на Троицком подворье, построенном на месте, которое было пожаловано Лавре Петром I. Он был назначен в состав конференции Синода с Сенатом, но и в звании присутствующего члена Синода ни разу не был в его собрании и не подписывался под его протоколами. При дворе архимандрит Варлаам был весьма уважаем за строгую жизнь и благочестие.

Но пребывание в столице было тягостно для него. Тогда, в 1732 году, императрица Анна Иоанновна, по кончине сестры своей царевны Екатерины Иоанновны, подарила духовнику принадлежавшую царевне дачу на Петергофской дороге.

Этот подарок и положил начало Сергиевой пустыни. Архимандрит Варлаам устроил на даче церковь во имя преподобного Сергия и поселил при ней небольшую братию. Пустынь была приписана к Свято-Троицкой Сергиевой лавре, чем и было узаконено ее существование.

Для братии были построены деревянные кельи, а для настоятеля – каменный флигель. Все постройки были обнесены деревянной оградой. Также архимандрит купил три участка земли, прилегавших к территории дачи. На эти земли был переселены семь крестьянских семейств, принадлежавших Лавре.

25 июля 1737 года архимандрит Варлаам скончался, на 73-м году жизни, в Петербурге. Согласно его предсмертной воле, он был погребен в созданной им обители.

По кончине архимандрита Варлаама Сергиева пустынь около десятилетия пребывала в полном запустении и разорении. Это было связано с тем, что, будучи приписным монастырем, Сергиева пустынь не имела ни упорядоченного управления, ни сложившейся братии.

Так продолжалось до 1755 года, когда на обитель обратил внимание архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой лавры Афанасий (Вольховский). Он пригласил знаменитого архитектора П.А. Трезини, который в 1756 году заложил в Сергиевой пустыни каменный пятиглавый соборный храм во имя Святой Троицы. Строительство продолжалось в течение семи лет, до 1763 года. Уже при преемнике архимандрита Афанасия, архимандрите Гедеоне (Криновском), был построена церковь во имя преподобного Сергия и несколько келейных корпусов.

В 1764 году, согласно указу о секуляризации церковных земель и введении монастырских штатов, Троице-Сергиева пустынь получает независимость и признается второклассным штатным монастырем. 4 мая 1764 года из конторы Святейшего Синода последовал указ, в котором говорилось: «Состоящую при С.-Петербурге, по Петергофской дороге недавно построенную пустыню, за неимением при С.-Петербурге монастырей, приписать к С.-Петербургской епархии».

Этот период времени характерен тем, что в Троице-Сергиевой пустыни очень часто сменяются настоятели. Обычно настоятелями столичной обители назначались то ректоры семинарий, то ученые архимандриты, вызываемые в столицу для несения череды богослужения и проповеди, то законоучители разных учебных заведений. Занятые в столице, они не могли полноценно управлять обителью. И это неизбежно сказывалось на духовном состоянии братии.

В то же время период правления Екатерины II был достаточно благоприятен для Сергиевой пустыни в материальном плане. Поскольку у Екатерины II с Сергиевой пустыней были связаны незабываемые переживания. В дни государственного переворота 1762 года гвардейские войска под предводительством Екатерины II дошли в походе на Петергоф до монастыря и остановились за его стенами. В покоях настоятеля Екатерина дождалась ответ на свой ультиматум: император Петр III дал согласие на отречение от престола. В тот же час в пустыни состоялось самое первое богослужение по случаю счастливого исхода опасного предприятия. С тех пор Екатерина II щедро одаривала монастырь и ежегодно в памятный день справляла в его храме благодарственный молебен. Здесь же она хотела обрести и земное успокоение. В архивных источниках сохранилась ее записка следующего содержания: «Ежели умру в городе, положить меня в Александро-Невском монастыре, в Соборной церкви, мною построенной. Ежели в Царском Селе – на Софийском кладбище, у Казанской Богородицы. Буде в Петергофе – в Сергиевой пустыни».

Вместе с императрицей Троице-Сергиеву пустынь посещали и вельможи царского двора, устроившие в пустыни несколько храмов и благотворительных учреждений. Таким образом, к началу XIX столетия Троице-Сергиева пустынь внешне казалась довольно благоустроенной обителью.

С 1819 года при Петербургской митрополии был открыт викариат. Сергиева пустынь перешла в ведение викариев, епископов Ревельских, которые и управляли ею 15 лет – до 1834 года. За это время монастырские строения ветшали, а новые практически не возводились. В монастыре была очень малочисленная братия, оставленная без настоятельного присмотра. Нравственность братии стояла на низком уровне.

Современники говорили, что монастырь находился в запустении.

В конце концов, на плачевное состояние Троице-Сергиевой пустыни обратили внимание светские власти. В 1834 году император Николай I вызвал из Лопотова монастыря игумена Игнатия (Брянчанинова), которого знал по учебе в инженерном училище, и поручил ему сделать из Троице-Сергиевой пустыни образцовый монастырь.

1 января 1834 года в Казанском соборе игумен Игнатий был возведен в сан архимандрита, а 5 января он прибыл в свою обитель в сопровождении друга – рясофорного инокa Михаила Чихачева и келейника Иоанна Малышева – впоследствии преемника святителя Игнатия (Брянчанинова) в управлении Сергиевой пустыни.

Как уже говорилось, Сергиева пустынь была в то время в самом расстроенном состоянии. Практически все постройки нуждались в ремонте. Даже храм преподобного Сергия, расширенный в 1821 году. Настоятельские кельи зимой были закрыты и не отапливались, что привело их к быстрому разрушению. Впоследствии архимандрит Игнатий (Малышев) писал: «Настоятельские кельи были необитаемы, так что предместнику моему, вновь назначенному настоятелю архимандриту Игнатию, на первое время отведены были в Инвалидном доме графов Зубовых две кельи... В такой тесноте прожили мы полтора года. Прочие здания были в крайнем упадке: главный собор стоял в воде, деревянный пол его лежал на балках и сваях, а под полом, на полтора аршина, стояла вода... О кельях говорить нечего. Их было 12, каждая в сажень квадрата с подопрелыми стенами... Воспоминаний много, но все они унылы». В жизни братии также было много недостатков. В то время братии в пустыни было всего 12 человек. Все они не отличались добродетельной жизнью и высокой нравственностью.

Благом было то, что предшественники архимандрита Игнатия (Брянчанинова) – викарные епископы Санкт-Петербургской епархии – собрали достаточные суммы для ремонта обительских зданий. Также было закуплено до 400 000 штук кирпича. Поэтому, собрав все имеющиеся средства, архимандрит Игнатий приступил к внешнему украшению пустыни.

Настоятель составил проект работ в пустыни и получил разрешение на проведение его в жизнь. Здесь ему пригодились все познания, полученные в инженерном училище. Видя положительные результаты трудов настоятеля, государственное казначейство в 1835 году отпустило на ремонт Троицкого Собора 96 808 руб. 19 коп.

Успешно проводя строительные работы, архимандрит Игнатий одновременно предпринял ряд мер к улучшению ведения хозяйства, которое также находилось в запущенном состоянии. Земля, на которой был расположен монастырь, не имела ни одного межевого столба. Причем большей частью монастырских земельных владений незаконно пользовались крестьяне деревни Подмонастырской слободы. В 1835 году архимандрит подал прошение о восстановлении на монастырской земле межевых знаков и о скорейшем разборе прав на владение землей. Это дело тянулось несколько лет и было полностью разрешено лишь в 1840 году, причем часть земли пришлось уступить крестьянам.

Архимандрит Игнатий устроил монастырское хозяйство, прекратив отдачу в аренду небольшого участка земли, сохранявшегося во владении обители. Одновременно он обратился с рапортом в духовную консисторию Санкт-Петербургской епархии, прося наделить Сергиеву пустынь участком земли, пригодной для хлебопашества, а также небольшим участком леса, в пятьдесят десятин. Он смог добиться просимого. Так что в 1836 году в пустыни всей земли с лесными участками было 269 десятин. В монастырском саду росло 300 яблонь и 100 вишен.

Для развития монастырского хозяйства архимандрит Игнатий в 1838 году взял ссуду в фонде Комиссии Духовных Училищ. Выручил его и друг о. Михаил Чихачев, пожертвовавший Сергиевой пустыни свое наследство.

Были куплены необходимые для успешного ведения хозяйства лошади и коровы. Через несколько лет все было настолько налажено, что своего урожая монастырю хватало на целый год, а овес и сено в годы больших урожаев даже продавали. Масло и молоко в дальнейшем обитель не покупала, так как было достаточно своего. Монастырь в основном обеспечен был всем необходимым. Это позволило ему увеличить число братии.

Приводя в образцовый порядок строения и хозяйство, архимандрит не забывал и о внутренней жизни обители. Прежде всего, настоятель позаботился о том, чтобы братия ни в чем не

испытывала нужды. Для монахов были устроены прекрасные кельи, хороший стол, и созданы все условия, необходимые для монастырского быта.

В монастыре была введена абсолютная чистота, поддерживавшаяся и следующими настоятелями. От братии же требовалось точное и усердное исполнение монастырского устава и всех послушаний. Через некоторое время все недостатки в жизни братии были устранены.

Улучшение материального положения обители и увеличение числа братии позволило архимандриту Игнатию хлопотать об изменении статуса обители и об официальном увеличении штата обители. Святейший Синод, на усмотрение которого представлено было это дело, 23 мая 1836 года постановил следующее определение: «Принимая в рассуждение, что Сергиева пустыня, находясь близ столицы, посещается многими богомольцами, что в ней при управлении нынешнего настоятеля нравственное состояние братии, благочестие и порядок между ними и в самом церковном служении ощутительно улучшаются, и что монашествующие ее нередко командированы во флот для морских кампаний, Святейший Синод нашел справедливым и полезным вместо предполагаемого епархиальным начальством только увеличения в этой пустыне штата иеромонахов шестью человеками, возвести оную из второго в первый класс, с присвоением ей штата людей и со держания общего для монастырей первоклассных и тем доставив пустыне способ приуготовлять большее число хороших монашествующих, поддерживать достоинство ее во мнении народа, для богомоления туда стекающегося».

После изменения статуса обители архимандрит Игнатий открыл в Сергиевой пустыни школу для мальчиков из семей штатных военнослужащих и окрестных поселян.

Постепенно обитель благоуукрашалась. Был заново перестроен Троицкий собор, в нем были устроены приделы во имя святых апостолов Петра и Павла и в честь Усекновения главы св. Иоанна. На средства князя М. В. Кочубея, над могилой его супруги Марии Ивановны, урожденной Барятинской, была построена каменная церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Проект этого храма составлен архитектором Тибленом в норманнском стиле, а строили архитекторы Р.И. Кузьмин и Боссе. Также в Сергиевой пустыни была построена церковь во имя св. Григория Богослова, под церковью преподобного Сергия был устроен придел, в честь происхождения честных древ Животворящего Креста Господня, а в нижнем этаже Сергиевской церкви был вновь построен храм во имя Всемиловитого Спаса.

Внешнее величие и внутреннее изящество возобновленных и вновь построенных храмов дали архимандриту Игнатию возможность привести богослужение и церковное пение в образцовое состояние. Помощь в этом деле оказал протоиерей Петр Турчанинов, проживавший одно время в соседней Стрельне. По просьбе архимандрита Игнатия, он обучил церковному пению сформированный настоятелем монастырский хор и с этой целью написал для него несколько лучших своих музыкальных произведений. Строгое уставное богослужение и прекрасное пение привлекали в Сергиеву пустынь многочисленных богомольцев.

«Таким образом, в течение 23-х летнего управления пустыней архимандрита Игнатия Брянчанинова, благодаря его неусыпным трудам обитель приведена была в такое состояние, что сделалась предметом религиозного утешения для православных русских и удивления для иностранцев, которые во множестве стали приезжать для того, чтобы посмотреть на нее».

27 октября 1857 года архимандрит Игнатий был рукоположен во епископа Кавказского и Черноморского. Его преемником в управлении Сергиевой пустыней стал его ученик архимандрит Игнатий (Малышев). Братия Троице-Сергиевой пустыни была искренне рада этому назначению, потому что дело, начатое прежним настоятелем, не погибнет, но найдет поддержку в лице его ученика. В этом они не ошиблись. Архимандрит Игнатий (Малышев) оказался достойным учеником своего учителя и духовного отца.

Архимандрит Игнатий (в миру Иван Васильевич Малышев) родился 24 марта 1811 года в деревне Шишкине, Ярославской губернии. В двенадцать лет был привезен в Петербург и пристроен на работу к купцу Лесникову. Уже тогда он стремился к монашеству. Вот как вспоми-

нал он впоследствии: «В эти три года настолько созрело во мне желание удалиться от мира, что только и помышлял о монастыре. Бывало, по обязанности ходишь по широким улицам Петербурга, идешь как в густом лесу и смотришь на небо; но каждый раз зайдешь в Казанский собор, который находился на пути моей деятельности, и там насладишься сладкою пищею. Также часто посещал я и Преображенский собор или храм св. Пантелеимона. Рано утром отправлялся я за провизией в пустой рынок и никогда не проходил мимо храма Господня. С кулечком стоишь, бывало, у утрени сзади, с нищими».

Около 1834 года Иван Малышев познакомился с архимандритом Игнатием (Брянчаниновым) и сразу же стал его келейником. Вместе они приехали в Троице-Сергиеву пустынь. Заметив, что послушник Иван Малышев хорошо рисует, святитель Игнатий благословил его учиться в Академии художеств. Впоследствии он с радостью вспоминал время, проведенное «между знаменитыми профессорами того времени». Закончив курс обучения в Академии художеств, послушник-живописец стал писать иконы для своего монастыря.

В 1842 году Иван Малышев был пострижен с именем Игнатия. 1 апреля 1844 года он был рукоположен в сан иеродиакона, а 2 апреля – во иеромонаха.

О. Игнатий (Малышев), видя труды настоятеля, старался помочь ему. Когда стали перестраивать храм преподобного Сергия, то сказался большой недостаток в камне. Желая помочь настоятелю, о. Игнатий ежедневно уходил в лес на поиски гранита. Тогда еще не бывало случая, чтобы вблизи был обнаружен гранит. Обычно строительный материал привозился из северных местностей. Но о. Игнатий упорно продолжал поиски камня. Господь благословил труды настойчивого искателя, и в один из ноябрьских дней камень был обнаружен. «Немедленно приступили к раскопке и нашли огромного размера камень, в роде яшмы, которого хватило на все колонны, и с этих пор недостатка в граните не было, и его хватило на все последующие постройки».

15 апреля 1857 года о. Игнатий был назначен наместником Троице-Сергиевой пустыни. Став настоятелем после архиерейской хиротонии своего предшественника, архимандрит Игнатий (Малышев) и в духовном, и в деятельном отношении продолжил дело святителя Игнатия (Брянчанинова). Он управлял Троице-Сергиевой пустынью около сорока лет.

Архимандрит Игнатий (Малышев) умел правильно разрешать вопросы управления братией. Держал себя просто и с любовью, принимая всех во всякое время. Недостатки братий старался исправить незаметно для других. Бывали случаи, когда иеромонахи приходили к нему разрешать вопрос: кому совершать службу? Архимандрит говорил, что он сам начнет, если больше некому. Видя смирение, кротость, терпение и простоту настоятеля, монахи полюбили своего старца и старались не огорчать его.

Одновременно с духовным процветанием, монастырь продолжал развиваться и внешне. В июле 1859 года состоялась закладка большого каменного корпуса на 40 келий с церковью. О строительстве такого келейного корпуса хлопотал еще святитель Игнатий (Брянчанинов). Корпус строился на средства Михаила Васильевича Шишмарева, пожертвовавшего более 40 000 рублей.

При нем была завершена архитектором А.М. Горностаевым перестройка храма преподобного Сергия Радонежского, освящение которого состоялось 20 сентября 1859 года. Храм освящал митрополит Григорий. Андрей Николаевич Муравьев в 1861 году пожертвовал для этого храма «малый крест» с частицей мощей преподобного Сергия.

В 1862 году было закончено строительство братского корпуса с надвратной церковью во имя Саввы Стратилата. Через год была освящена новая церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В 1864 году около алтаря Троицкого собора была устроена часовня над гробом основателя пустыни архимандрита Варлаама. В часовне была помещена чтимая Тихвинская икона Божией Матери.

В 1869 году на средства княгини Ширинской-Шихматовой в Троице-Сергиевой пустыни была открыта больница. Сначала в больнице лечилось по 6 человек, а затем число больничных коек было увеличено. Из окружающих поселений крестьяне обращались в монастырскую больницу и пользовались амбулаторным лечением. Одновременно в пустыни действовал и инвалидный дом, в котором содержалось 30 инвалидов. Инвалидный дом также находился в ведении монастыря.

В 1880 году архимандрит устроил в пустыне свечной завод. Часть братии не одобрила этого начинания, в результате на архимандрита Игнатия (Малышева) был сделан донос. Ему пришлось оправдываться перед митрополитом Исидором и Духовной консисторией. Но, в конце концов, начинание архимандрита было одобрено. Это принесло обители большую пользу.

В 1884 году в Троице-Сергиевой пустыни был построен грандиозный храм Воскресения Христова.

Проект этого храма был сделан профессором Академии художеств А.А. Парландом. Выполненный в византийском стиле, вмещающий до 2500 человек, этот храм стал украшением Сергиевой пустыни. Храм освящал митрополит Исидор.

В 1897 году архимандрит Игнатий сильно простудился и заболел. В это время его посетил праведный Иоанн Кронштадтский. Видя плохое состояние больного, он прочел разрешительную молитву из канона на исход души. 16 мая 1897 года настоятель Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий (Малышев) скончался.

За 160 лет в пустыни было погребено только два ее настоятеля: первый настоятель – архимандрит Варлаам (Высоцкий) и второй – архимандрит Игнатий (Малышев). Его преемником стал о. Варлаам, до назначения – ризничий Троице-Сергиевой пустыни.

Архимандрит Варлаам (Никифоров) родился в 1848 году в Петербурге. В 1867 году поступил в Сергиеву пустынь, где через одиннадцать лет принял монашество. В 1879 году о. Варлаам был рукоположен в иеродикона, а в 1882 году – во иеромонаха. 7 марта 1883 иеромонах Варлаам был назначен ризничим.

Архимандрит Варлаам управлял Троице-Сергиевой пустынью только четыре года. За это время он успел значительно расширить существовавшую при монастыре школу. Также его считают основателем монастырской библиотеки, поскольку до него книги в обители находились в разрозненном состоянии и, по большей части, были личной собственностью братий. Однако архимандрит Варлаам был не таким хорошим хозяйственником, как его предшественники. При нем обитель влезла в долги. 8 декабря 1901 года он скончался, и после его смерти на пустыни остался долг более чем в 38 тысяч рублей.

Новым настоятелем был назначен ризничий Троице-Сергиевой пустыни о. Михаил (в миру Матвей Трофимович Горелышев). Он родился в 1850 году в семье крестьянина Витебской губернии. В 1868 году поступил в Гефсиманский скит, Московской епархии. В мае 1873 года перешел в Троице-Сергиеву пустынь, где в 1880 году принял монашеский постриг. 1 февраля 1881 был рукоположен во иеродиакона, а 17 апреля 1885 года – во иеромонаха.

По примеру своих предшественников, архимандрит Михаил старался поддерживать Троице-Сергиеву пустынь в образцовом состоянии. Однако и на его пути встречались искушения – в 1906 году сгорела обительская больница. Получив благословение архиерея и разрешение от гражданских властей, архимандрит Михаил выстроил новую, которая была открыта в 1908 году. Во время Первой мировой войны в Троице-Сергиевой пустыни был открыт госпиталь для раненых.

На 1915 год в пустыни было: свыше 20 коров лучшей породы, конюшня с ценными лошадьми, птичник с несметными стаями совершенно ручных кур, пчельник, обеспечивавший обитель медом, фруктовый сад, огородное и полевое земледельческое хозяйство. Годовой доход Троице-Сергиевой пустыни равнялся примерно 15 тысячам рублей.

В мае 1915 года, по болезни и собственному прошению, архимандрит Михаил был уволен на покой, а на его место назначен о. Сергей – ризничий. Архимандрит Сергей (в миру Иван Прохорович Друнин) родился в 1863 году, в семье крестьянина Тверской губернии. В 1887 году поступил в Троице-Сергиеву пустынь, в 1894 году пострижен в монашество. В том же году он был рукоположен в сан иеродиакона, а в 1898 году – во иеромонаха. С 1902 года ризничий. Также он был духовником великих князей Константина Константиновича и Дмитрия Константиновича Романовых, живших в Стрельне.

Архимандрит Сергей был ревностным подвижником и хорошим хозяйственником. В первые несколько лет его управления пустынь процветала. Но революционный дух, носившийся в обществе, проник и в Троице-Сергиеву обитель. В 1917 году часть братии, увлеченная общественными переменами, стала требовать удаления настоятеля. Однако вскоре в обители был установлен хоть и непрочный, но мир, результатом которого стало письмо в Синод, подписанное всей братией, в нем признавались несомненные заслуги о. Сергия перед Троице-Сергиевой пустынью: «Личность архимандрита Сергия нам всем, братии, хорошо известна, как человека хорошего и безукоризненного поведения, а будучи ризничным, благодаря его неусыпным заботам об обители, им сделано очень много хорошего, как то: при его содействии была выстроена монастырская каменная больница, произведена реставрация братской трапезы, церкви монастыря украсились разными ценными пополнениями в украшении, а также и св. Престолы, ризница обогатились весьма ценными богослужебными принадлежностями, словом, Архимандрит Сергей своими трудами и заботами сделал для управляемой им обители очень много хорошего и полезного».

Архимандрит Сергей был оставлен настоятелем, но для управления пустынью, на основании резолюции священномученика архиепископа Вениамина от 13 июня 1917 года, был учрежден Духовный Собор пустыни.

В 1918 году архимандрит Сергей с частью старшей братии был арестован и сослан в Соловецкий лагерь, впоследствии он был расстрелян. Его преемником стал наместник обители – игумен Иоасаф.

Игумен Иоасаф (в миру Иван Алексеевич Меркулов) родился в 1863 году. Пришел в пустынь в 1871 году. Пострижен в монашество 5 февраля 1889 году. В 1889 году рукоположен во иеродиакона, а в 1892 году – во иеромонаха. С 1903 года – наместник Троице-Сергиевой пустыни.

В 1919 году, указом советской власти, Троице-Сергиева пустынь была закрыта. Братии разрешили лишь совершать богослужения в храмах, которые планомерно отнимались и превращались в посторонние учреждения. Но даже в таком положении постоянно притесняемая братия продержалась почти до начала тридцатых годов, когда обитель была упразднена окончательно, а практически вся братия оказалась за решеткой.

К моменту разгона братии на территории Троице-Сергиевой пустыни размещалась детская трудколлония. Происходили как планомерные, так и разбойные вскрытия и разграбления могил на кладбище пустыни. 14 сентября 1930 года президиум Леноблисполкома передал часть храмовых зданий в пользование школе ВОХР под клуб, библиотеку.

В середине тридцатых годов территория монастыря была передана Школе переподготовки начсостава военизированной охраны промышленности ВСНХ СССР имени Куйбышева. Сразу же после этого начинается планомерное разрушение храмов.

Снос храмов был прерван Великой Отечественной войной; в сентябре 1941 – январе 1944 годов вблизи Стрельны проходила линия обороны города. В послевоенные годы начались реставрационные работы. Архитектор А.А. Кедринский восстановил Настоятельский корпус и трапезную. И.Н. Бенуа составила проект реставрации Троицкого собора.

Однако в начале шестидесятых годов территория бывшей обители была передана средней специальной школе милиции Ленинграда. Все реставрационные работы были прекращены, а храмы или разрушены, или перестроены.

Лишь в 1993 году было принято решение о возвращении части монастырской территории Русской Православной Церкви. В 1994 году в Троице-Сергиевой пустыни был вновь возрожден мужской монастырь. Шесть лет насельникам монастыря приходилось делить территорию пустыни со школой милиции, которая наконец-то, в 1999 году, освободила здания обители.

В настоящее время идут восстановительные работы, особое внимание уделяется храмовым сооружениям и кладбищу. Современная братия обители старается поддерживать традиции, заложенные еще святителем Игнатием, наставляя местное население в истинах духовной жизни. В монастыре открыты воскресная и общеобразовательная школы.

Храмы Свято-Троицкой Сергиевой пустыни

В XIX веке Свято-Троицкую Сергиеву пустынь по праву называли жемчужиной русской архитектуры. К сожалению, в годы советской власти уникальный архитектурный ансамбль пустыни был почти полностью уничтожен. Снесены замечательные по красоте соборы Святой Троицы и Воскресения Христова вместе с нижним храмом Архангела Михаила (собор строился по совместному проекту архимандрита Игнатия (Малышева) и архитектора А.А. Парланда), «Кочубеевская церковь» Покрова Пресвятой Богородицы, часовня Рудненской иконы Божией Матери, где находилась чудотворная Рудненская икона, и часовня Тихвинской иконы Божией Матери, где был похоронен схимонах Михаил (Чихачев). В 1973 году, всего через несколько лет после того как были снесены вышеперечисленные храмы, архитектурный комплекс монастыря был поставлен под охрану государства.

Существенно повреждены и частично перестроены церкви преподобного Сергия Радонежского, Зубовская церковь святого мученика Валериана при инвалидном доме, Кушелевская церковь святителя Григория Богослова (одно из лучших творений А.И. Штакеншнейдера) и «Шишмаревская» надвратная церковь святого Саввы Стратилата. Часовни во имя Покрова Пресвятой Богородицы и Спаса Нерукотворного Образа сохранились в полуразрушенном виде. Полному разрушению и разграблению подверглось и существовавшее при монастыре кладбище, на его месте был размещен милицейский плац-парад.

Церковь во имя преподобного Сергия Радонежского

В настоящее время главным храмом монастыря является церковь преподобного Сергия Радонежского. Этот храм был сооружен в 1854–1859 годах, по проекту архитектора А.М. Горностаева, и освящен в сентябре 1859 года.

Внешний облик церкви не представляет собой ничего необычного. Это трехэтажное здание с алтарной апсидой на востоке, пятью главами, двумя церквами: нижней и верхней. Входной портал находится в центре южного фасада и отмечен гранитными колоннами. Лучковые формы фронтонов окон, тройные пилястры, обработанные рустами, словно повторяют декор стоящих рядом трапезной и настоятельского корпуса.

Внутреннее же пространство храма не повторяло ни одного из построенных в России. Здание церкви представляет собой базилику с тремя нефами и двумя рядами темно-красных гранитных колонн, высотой пять метров, поддерживающих хоры. Колонны имеют различные по рисунку капители. Высокие арки, послушно следуя за колоннами, ритмично вторят этому плавному движению, направляя молящихся к алтарю. Вмещающий 2000 человек храм получает свет из высоких полуциркульных окон-витражей, расположенных на южной и северной стенах. Потолок, как в ранне-византийских базиликах, был перекрыт деревянными балками. Меж арок Р.Ф. Виноградов (по эскизам М.Н. Васильева) написал на золотом фоне византийский орнамент. Алтарную часть церкви отделял невысокий, византийского типа, двухъярусный иконостас, выполненный из мрамора со вставками из малахита, ляпис-лазури и мозаики. Образа в Царских вратах исполнили академик Н.А. Лавров, автор фресок, и М.Н. Васильев. В боковых нефам находились небольшие мраморные иконостасы, инкрустированные цветными камнями. Плоскости стен, соединяющие церковь с трапезной, были расписаны художником Беляковым и архимандритом Игнатием (Малышевым). Над западной частью церкви были устроены хоры. Мозаичный пол, выполненный по проекту Горностаева, представляет собой многоцветную орнаментальную композицию. Создавая храм, А.М. Горностаев вдохновлялся образами раннехристианских построек Святой Земли.

Нижняя, поминальная, церковь была устроена по типу древних крипт или христианских катакомб и имела многочисленные захоронения. В приделе, освященном 4 июля 1857 года во имя Христа Спасителя, находилась усыпальница графов Апраксиных с 20 захоронениями. Придел во имя мученицы Зинаиды, освященный 28 апреля 1861 года, где был иконостас из розового кипариса, имел 33 захоронения Юсуповых. Кроме того, в нижней церкви нашли свой последний приют князья Чернышевы, Шишмаревы, Карцевы, Строгановы, Волконские, Щербатовы, граф Клейнмихель, барон Фредерикс.

Ныне, закрытый в 1919 году, частично разрушенный и перестроенный храм восстанавливается и украшается. Восстановлена лепнина фасадов церкви, восстанавливаются росписи интерьеров.

Спасская и Покровская часовни

Две часовни – Покровская и Спасская – перед монастырем были построены архитектором А.М. Горностаевым из красного гранита в 1845 году. Обе нарядные, с завершающими их килевидными киотами, образами и крестами, не мешают панораме монастырских сооружений, распахнувшейся в сторону Большой Петергофской дороги.

За часовнями и оградой А.М. Горностаев в 1859–1863 годах возвел Святые ворота с кельями, высокой шатровой башней и домовою церковью святого Саввы Стратилата, устроенной на средства штаб-ротмистра М.В. Шишмарева, в память деда его жены, Саввы Яковлевича Яковлева, умершего в 1784 году и похороненного в Троице-Сергиевой пустыни. Церковь по неизвестным причинам так и не была освящена.

Мотив шатровой башни со Святыми воротами часто встречается в русском зодчестве XVI–XVII веков и удачно здесь использован. Однако идея объединения аркады въездных ворот, увенчанных шатром, с двумя симметричными корпусами келий была, несомненно, оригинальной. Декор центральной башни типичен для архитектора. Здесь и окна с полуциркульными завершениями и разделяющими их колонками-столбами с перехватами, и широкие лопатки, увенчанные шатровыми башенками.

В 1899 году на башне над Святыми воротами были установлены часы, а затем корпус надстроен. Церковь и кельи выстроены в кирпиче, красивы, и живописны в зеленом окружении, и сказочны в зимнее время. Их оригинальный силуэт в постоянно меняющемся ракурсе созвучен пейзажному окружению.

Церковь во имя святителя Григория Богослова (Кушелевская)

Освященная в мае 1857 года церковь святителя Григория Богослова (Кушелевская) находится в северо-восточной части обители. Она была возведена в 1855–1857 годах по проекту придворного архитектора А.И. Штакеншнейдера в русско-византийском стиле над могилой любимца Павла I, генерал-лейтенанта графа Григория Григорьевича Кушелева, на деньги его вдовы Екатерины Дмитриевны. В церкви был двухъярусный иконостас, образа которого написаны на золотом фоне. В центре храма – спуск в усыпальницу, облицованную белым мрамором. Церковь эта была закрыта в 1919–1920 годах. Одно из лучших творений архитектора А.И. Штакеншнейдера сохранилось, хотя и в переделанном виде.

Наставления святителя Игнатия

Святитель Игнатий один из самых плодотворных духовных писателей XIX века. Несмотря на то, что святитель Игнатий не получил богословского образования, его труды по праву считаются энциклопедией духовной жизни. Смолodu отличаясь выдающимися литературными талантами, он посвятил их на службу Богу и ближним. Как писал сам святитель Игнатий: «Я был только орудием милости Божией к современным православным христианам, крайне нуждающимся в ясном изложении душевного христианского подвига, решающего навечно участь каждого христианина». Действительно, он тщательно изучил святых отцов, проверил их учение собственным опытом и на основании этого переложил святоотеческое учение в более доступных для современных ему христиан формах.

Труды святителя Игнатия весьма многогранны. С одной стороны, вся совокупность его творений обладает значительным смысловым единством, так как в последние годы жизни он тщательно отредактировал свои сочинения. А с другой – адресованы они к достаточно широкому кругу читателей: творения святителя Игнатия предназначены, как для мирян, так и для монахов. К мирской аудитории в основном адресованы «Аскетическая проповедь», «Аскетические опыты», отчасти «Слова» и т. п. Монашествующим, в первую очередь, адресовано «Приношение современному монашеству» и «Отечник», который являет собой непосредственный опыт древних подвижников, изложенный в доступной форме.

Сам святитель, издавая свои сочинения, старался расположить их так, чтобы сначала мирской читатель начал с основ духовной жизни, а затем, возрастая духовно, мог сделать выбор и в пользу монашеской жизни.

Немаловажной частью наследия святителя Игнатия являются и его письма, собранные и опубликованные уже после его кончины. Они также разделены на адресованные к монашествующим и мирянам, однако личные советы святителя носят универсальный характер. Поскольку сам он, будучи бескомпромиссным христианином, и мирянам советовал не поддаваться «духу времени», но строго следовать требованиям веры и нравственности. Одновременно он был чужд фарисейства, так что даже монашествующим советовал следовать Духу, а не букве православной веры.

В целом, рассматривая труды святителя Игнатия, можно заметить, что он не богослов-теоретик, он – монах, изучивший духовное делание на практике и этот опыт предложивший всем жаждущим духовной жизни. Поэтому все представленные здесь поучения – это именно практический взгляд на все, связанное с христианской жизнью.

Наставления

о Боге

Цель пришествия Христова на землю состояла в том, чтоб освободить души человеческие от обладавшего ими греха и восстановить в нас падший Божественный образ. [1, с. 53.]

—

Свойственно любви часто вспоминать и помышлять о любимом; свойственно любви часто направляться и устремляться сердцем и душою к любимому. Непрестанно помнить любимого и помышлять о нем, непрестанно ощущать себя привлеченным к любимому свойственно любви совершенной. Богу угодно, чтоб такую совершенную любовью мы любили Его. Это – естественно. Бог – совершен, и Он должен быть любим любовью совершенною. [1, с. 249, 250.]

—

Начало непрестанного памятования Бога уже заключается в тщательном изучении Закона Божия, во внимательном чтении Евангелия и всего Нового Завета, в чтении святых отцов Православной Церкви. Невозможно не вспоминать в течение дня часто о том, чем занимались с особенным вниманием в течение часа. Исполнение евангельских заповедей составляет собою памятование Бога. Духовным утешением и просвещением, которые являются от исполнения заповедей, возбуждается и согревается сердце к сугубому памятованию о Боге. Жизнь, всецело посвященная исполнению заповедей, есть постоянное памятование Бога. Весьма важным вспоможением к непрестанному памятованию Бога служат неупустительное исполнение келейного правила и частое, по возможности каждого, посещение храма Божия для участия в общественном богослужении. Время молитвы, само собою, есть время особеннейшего воспоминания о Боге, время единения с Богом. Молитвенное настроение, полученное в храме Божиим и при совершении келейного правила, продолжает сопутствовать человеку и действовать в нем при всех его занятиях, приводя на память уму и сердцу Бога. Наконец, дополнительным превосходным средством к памятованию Бога служит молитвенное обращение к Богу пред всяким начинанием, с прошением у Него благословения, наставления, помощи, милости. [1, с. 255.]

—

Посредством святых таинств мы поставляемся в непрестанное общение с Господом; мы можем усилить и развить это общение непрестанным размышлением о Нем, деятельностью, направленною по Его всесвятым заповедям, постоянным молитвенным отношением к Нему и призыванием Его. Точно: Господь наш Иисус Христос – посреди нас. Его нет только для того, кто отвергает Его присутствие. [1, с. 273.]

—

Достойно и праведно созданию непрестанно славословить Тебя, Бога Создателя, извлекшего нас в бытие из ничтожества, по единой, бесконечной, непостижимой Твоей благодати, украсившего нас красотою, славою Твоего образа и подобия, введшего нас в блаженство и наслаждение рая, для которых окончания не было назначено. [2, с. 391.]

-

Прошений, исполнение которых сопряжено с вредными последствиями, Бог не удовлетворяет; не удовлетворяет Он и тех прошений, которые противны Его святой воле, противны Его премудрым, непостижимым судьбам. [2, с. 142.]

* * *

О Боге мы можем открыть только то, что Он открыл нам. [2, с. 500.]

-

Люби Бога так, как Он заповедал любить Его, не так, как думают любить Его самообольщенные мечтатели. [2, с. 129.]

* * *

Господь есть Любовь и столько желает спасения всех, что мы и постичь не можем. Предоставим этой Любви спасение наше и всех, а с своей стороны постараемся о том, что зависит от нас – об очищении себя. Тогда этого достигнем, когда умрем ко всему. Богу слава! [3, с. 54.]

* * *

Бог всемогущ: по усердной и смиренной молитве родителей, Он может даровать детям христианское направление. [3, с. 350.]

* * *

«Кто мне служит, Мне да последствует, и идее есмь Аз, ту и слуга Мой будет: И аще кто Мне служит, почитит его Отец Мой (Ин. 12: 26). Где находился Господь, когда Он произнес эти слова? Человечеством, соединенным с Божеством, Он находился посреди человеков, на земле, в юдоли их изгнания и страданий, пребывая Божеством и там, где находился от безначального начала. Слово бе у Бога (Ин. 1: 1) и в Боге. Это Слово возвестило о себе: во Мне Отец, и Аз в Нем (Ин. 10: 38). Туда достигает и последователь Христов: иже аще исповестъ устами, сердцем и делами, яко Иисус есть Сын Божий, Бог в Нем пребывает, а той в Бозе (1 Ин. 4: 15). [2, с. 85.]

* * *

Милосердый и всемогущий Господь принимает всякого приходящего к Нему, простирает десницу для поддержания немощи нашей. И потому, хотя бы ты был весь в злых навыках, как в тяжких цепях, не отчаивайся в получении свободы. Вступи в невидимую брань, сражайся мужественно и постоянно, с великодушием переноси свои побеждения. По временам предоставляет Бог нас самим себе, чтоб мы познали опытом, как мы слабы в нашем одиночестве, и по причине этого познания неотступно держались Бога, Который Един может быть победителем греха в истинно произволяющих узреть в себе грех побежденным. [3, с. 381.]

-

Надо, чтоб наш образ мыслей был проникнут Истиною. Кроме Христа не понимаю и не знаю другой Истины. И слепцы ли те, кто бы они ни были, которые в то время, когда предстоит им Христос в страшном величии смирения, вопрошают: что Истина? [3, с. 222.]

О Божией матери

Божия Матерь, Приснодева Мария есть высшее существо из всех сотворенных разумных существ, несравненно высшее самых высших Ангелов, Херувимов и Серафимов, несравненно высшее всех святых человеков. Она – Владычица и Царица всей твари, земной и небесной. Она – Приснодева, то есть до рождения Ею Богочеловека – Дева, в рождении Его – Дева, по рождении Его – Дева. Имя Мария дано Ей по повелению Божию, и значит *Госпожа* (Святой Иоанн Дамаскин. *Точное изложение Православной веры*. Кн. 4, гл. 14). [1, с. 391.]

—

Божия Матерь есть величайшая заступница и помощница всех труждающихся о благоугождении Богу, всех посвятивших земную жизнь на служение Богу. Явившись некоему святому иноку, Она исцелила его от тяжкого недуга и назвала его принадлежащим Ее роду (блаженному Серафиму Саровскому). Она – скорое утешение скорбящих и плачущих; Она – предстательница кающихся; Она – благонадежное пристанище для грешников, желающих обратиться к Богу; Она – теплейшая ходатаица за них пред Богом. [1, с. 428.]

О блаженной вечности

Все земные блага и преимущества оставляют человека, остаются на земле, когда человек, по неизбежному и неумолимому закону смерти, оставит землю, переселится невозвратно в вечность. Иному уставу последует Божественная благодать: она сопутствует в загробную область стяжавшему ее здесь. Лишь свергнет человек с себя, как оковы, тело, – благодать, как бы стесняемая доселе плотью, развивается обширно и величественно. Она служит залогом и свидетельством для избранника Божия. Когда предстанет он на суд, ожидающий каждого человека после его смерти, и предъявит свое свидетельство и залог свой, тогда, сообразно им, как логичное последствие их, предоставляются ему на небе духовные, вечные, неизреченные и неограниченные богатства, великолепие, наслаждение. *В век грядущий он живет вечный наследит* (Мф. 19: 29; ср. Мк. 10: 30), – сказал Господь, – живот, столько преизобильный и изящный, что плотской человек, основывающийся в суждениях о неведомом на понятиях о ведомом, не может составить о нем никакого понятия при посредстве собственного суждения. Да даруется и нам, за точное исповедание Господа, наследовать этот живот, уготованный для всех нас непостижимою, безграничною милостью искупившего нас Собою Господа. [1, с. 42.]

—

Жестоко есть слово сие, – говорили об учении Спасителя даже такие люди, которые по наружности были последователями Его и считались учениками Его: *кто может Его послушати?* (Ин 6: 60). Так судит о слове Божиим плотское мудрование из бедственного настроения своего. Слово Божие – *жизнь* (Ин 6: 63), жизнь вечная, жизнь существенная. Этим словом умерщвляется *плотское мудрование* (Рим. 8: 6), родившееся из вечной смерти, поддерживающее в человеках вечную смерть: слово Божие, для погубляемых плотским мудрованием и производящих погибнуть от него, *юродство есть*. Оно *спасаемых сила Божия есть* (1 Кор. 1: 18). [1 с. 49.]

—

Нет на земле выше счастья, как познать Бога и прилепиться к Нему всею душою. Этот союз – от ныне и до века. В этом союзе – условие истинного блаженства вечного, предвкушение которого уже начинается здесь, на земле. [2, с. 50.]

—

Пребудьте в служении Богу краткое время земной жизни – и наследуете вечность, полную радостей и непрерывного наслаждения духовного. Надо же наследовать вечность! [2, с. 50.]

—

Точно, как Вы говорите, переселение в вечность – близко для каждого из нас, и необходимо покаянием омыwać наше прошедшее и покаянием же привлекать к себе милость Божию, чтоб в надежде и радости переселиться в вечность. [1, с. 127.]

—

И ведет Господь усердно послужившего братии в вечный покой и наслаждение рая. Помни, что чаша холодной воды не лишится мзды своей на Небе, и не упускай случаев увеличить мзду твою. Имей мысль, что служишь не человекам, а ангелам – и усладится тебе служение твое. Оказывай любовь и услугу ближним ради Бога, а не по сердечному чувству, влечению, избранию, тем менее пристрастию – и очистится от нечистоты служение твое, будет жертвою, благоприятною Богу. [1, с. 129.]

—

Жизнь наша коротка. Что в ней ни приобретешь – все должно оставить при входе в вечность. Одно благо, которое пойдет с нами туда – любовь к Богу и любовь ради Бога к ближнему. [2, с. 51.]

—

Надо благодарить Бога за посланное наказание во время земной жизни: оно подает надежду избавления от казней в вечности, составляющих необходимое последствие греховности. [2, с. 51.]

—

Охранимся от привязанности к временному и о вещественному, чтоб она не воспрепятствовала нам приобрести вечное, небесное. Охранимся от удовлетворения наших неудовлетворимых и ненасытных прихотей, от удовлетворения которых развивается наше падение и достигает страшных размеров. Охранимся от излишеств, довольствуясь только существенно нужным. Устремим все внимание к ожидающей нас загробной жизни, не имеющей уже конца. [1, с. 202.]

О Промысле Божиим

Зрением Промысла Божия внушается беспредельная покорность Богу. Окружат ли раба Божия отовсюду различные и многосплетенные скорби? – Так утешает он свое уязвленное сердце: «Все это видит Бог. Если б по причинам, Ему, премудрому, известным, скорби были мне не полезны и не нужны, то Он, всемогущий, отвратил бы их. Но Он не отвращает их: есть же Его всесвятая воля на то, чтоб они угнетали меня. Драгоценна для меня эта воля, драгоценнее жизни! Лучше умереть созданию, нежели отвергнуть волю Создателя! В этой воле – истинная жизнь! Кто умирает для исполнения воли Божией, тот вступает в большее развитие жизни. За все – *слава Богу!*» [2, с. 387.]

—

От зрения Промысла Божия образуются в душе глубокая кротость и неизменная любовь к ближнему, которых никакие ветры взволновать, возмутить не могут. Для такой души нет оскорблений, нет обид, нет злодеяний: вся тварь действует по повелению или попущению Творца; тварь – только слепое орудие. В такой душе раздается голос смирения, обвиняющий ее в бесчисленных согрешениях, оправдывающий ближних, как орудия *правосудного промысла*. Отрадно раздается этот голос среди страданий, приносит спокойствие, утешение; он тихо вещает: «Я приемлю достойное по делам моим. Лучше мне пострадать в кратковременной жизни, нежели вечно страдать в вечных муках ада. Грехи мои не могут быть ненаказанными: того требует правосудие Божие. В том, что они наказываются в краткой земной жизни, вижу неизреченное Божие милосердие». [2, с. 388.]

—

Несомненная вера в Промысл Божий утверждает в терпении и способствует самоукорению. [2, с. 324.]

—

Иногда немедленно бывает услышано наше прошение; иногда же, по словам Спасителя, *Бог долготерпит о нас* (Лк. 18: 7), т. е. нескоро исполняет просимое нами: Он видит, что нужно остановить на время это исполнение для нашего смирения, что нужно нам утомиться, увидеть нашу немощь, которая всегда обнаруживается очень резко, когда мы бываем предоставлены самим себе. [2, с. 142.]

—

Зрение Творца и Господа всех видимых и невидимых созданий облекает зрителя силою вышеестественною: с этим зрением соединено признание неограниченной власти всемогущего Царя твари над тварью. Власы главы нашей, власы столько ничтожные по немощному мнению человека, изочтены у этой неограниченной, всеобъемлющей Премудрости и хранятся Ею (Мф. 10: 30; Лк. 21: 8). Тем более без мановения Ее не может совершиться никакого приключения, никакого переворота в жизни человеческой. Христианин, смотрящий неуклонно на Промысл Божий, сохраняет среди лютейших злоключений постоянное мужество и непоколебимую твердость. Он говорит с святым псалмопевцем и пророком: *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15: 8). Господь мне помощник: не убоюсь никаких бед, не предамся унынию, не погружусь в глубокое море печали. [2, с. 387.]

—

Все совершающееся совершается под недремлющими взорами Всеблагаго и Всемогущаго Бога: одно по воле Божией, другое по попущению Божию. «Горе миру от соблазнов», – сказал Спаситель, – «но подобает придти соблазнам», – предрек Спаситель же. Попущение соблазнов, как логическое следствие употребления произвольного человеками их свободы и воли и как казнь, сама собою вытекающая из злоупотребления воли (так как Богом и дана свобода воле, и вместе дан закон, как употреблять ее), должно созерцать с благоговением, покорностью, исповеданием своей греховности и правосудия Божия. [3, с. 31.]

—

Вера рождает простоту. Верующий идет путем жизни, надеясь на Промыслителя своего, как говорит Писание: *ходяй просто, ходит надеясь*. Неверующий не видит Промысла, думает, что судьба его зависит от ухищрения разума его, все благо полагает в земном; стремясь к нему, лукавствует словом и делом. Чем более будем углубляться в Слово Божие, чем более будем возрастать возрастом духовным, тем более будем убеждаться, что приблизиться к Богу невозможно иначе, как простотою, в которой и вера, и чистота совести, и образ мыслей, созданный заповедями Вышнего. Одни простосердечные способны преуспевать духовно, как говорит Писание: *в душу злохудожну не внидет Премудрость*. [3, с. 260.]

—

Жизнь христианина на земле есть цепь страданий. Должно бороться с телом своим, со страстями, с духами злобы. В этой борьбе – наша надежда. Наше спасение есть Бог наш. Возложившись на Бога, должно переносить с терпением бремя борьбы. Искушения как бы топчут человека, претворяя зерно в муку. Они попускаются нам по Промыслу Божию, к великой душевной пользе нашей: от них получаем сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничтожит. [3, с. 292.]

—

Мы, по свойству недугующего падением естества нашего, заботимся наиболее об устроении нашего земного положения, а Бог устраивает наше вечное положение, о котором мы забыли бы, если б земное наше положение не было потрясаемо скорбями, если б скорби, посылаемые по временам Промыслом Божиим, не напоминали нам, что все временное и земное преходит и что главные заботы должны быть о вечном. [3, с. 291.]

—
Встаньте в ряды грешников, припадите в смирении к стопам Христовым, предаваясь воле Его, поручая Его воле Ваше настоящее и будущее. А Он прольет мир и спокойствие в душу Вашу, тем самым покажет, что Он близ Вас, что Промысел Его бдит над Вами. [3, с. 177.]

—
Господь воспретил суетные попечения, чтоб они не рассеивали нас и не ослабляли существенно нужного попечения о стяжании Небесного Царства (Мф. 6: 24–34). Суетное попечение есть не что иное, как недуг души, выражение ее неверия. Потому-то Господь и сказал: *Маловери! не пе́цтытеся ду́шею вашею, что ясте, или что пиете, ни телом вашим, во что облечетесь* (Мф. 6: 30, 25). Возненавидь ненавистную Богу праздность, возлюби возлюбленный Богу труд, но души твоей не расслабляй пустою заботливостью, всегда бесполезною и излишнею. Чтob ты был тверд душою и ревностен в деле Божиим, в деле твоего спасения, Господь дал обетование доставлять тебе все, потребное для временной жизни, Своею всемогущею десницею, то есть Своим Божественным Промыслом (Мф. 6: 33). [2, с. 514.]

—
Уверяюсь, что вел меня странными и трудными стезями непостижимый Промысл Божий; уверяюсь, что Он бдит надо мною и как бы держит меня за руку Своею всемогущею десницею. Ему отдаюсь! Пусть ведет меня куда хочет; пусть приводит меня, как хочет, к тихому пристанищу, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание». [3, с. 47, 48.]

О страхе Божиим

Чувство священного страха, чувство глубочайшего благоговения к Богу указывается нам, с одной стороны, необъятным величием Существа Божия, с другой – нашей крайней ограниченностью, нашей немощью, нашим состоянием греховности, падения. Страх предписывается нам и Священным Писанием, которое начало заменять для нас голос совести и естественного закона, когда они омрачились, стали издавать неясные, по большей части, лживые звуки; которое вполне заменило их, когда явилось Евангелие. [2, с. 60.]

—
Напрасно... исполненные самомнения и самообольщения мечтатели гнушаются страхом Божиим, как принадлежностью презренных рабов, когда к страху призывает нас Бог, возвещает, что Сам Он будет нашим учителем страха, что подаст нам духовный дар страха Божия. Не низко для человека, ничтожной твари, падшей, отверженной, погибшей, усвоившей себе вражду к Богу, перейти из состояния вражды и гибели к состоянию рабства и спасения. Уже это рабство – великое приобретение! Уже это рабство – великая свобода! Страх законополагается нам как средство существенно нужное, необходимое для нас. Страх очищает человека, предуготовляет для любви: мы бываем рабами для того, чтобы законно соделаться чадами. По мере очищения покаянием начинаем ощущать присутствие Божие; от ощущения присутствия Божия является святое ощущение страха. Опыт открывает высоту чувствования. Высоко и вожделенно ощущение страха Божия! [2, с. 61.]

—
Желающий приступить к Богу, для служения Ему, должен предаться руководству страха Божия. [2, с. 60.]

О мире Христовом

Мир Христов, «превосходяй всяк ум», соединяющий воедино человека, рассеченного грехом, – мир Христов, исполняющий все существо наше непостижимой силою и небесною сладою, начинает нисходить в душу, когда она очистится от страстей хранением заповедей

Христовых и благочестивым подвигом. Чтоб сохранить мир Христов в себе, чтоб вкусить его обильно, чтоб измениться им из ветхого в нового человека – необходимо уединение. Сокровище, поверженное на распутии, непременно должно быть расхищено и похищено. [3, с. 212.]

—

Мир Христов уничтожает все смущения и страхи, так сильно действующие на человека плотского; обновленный Духом начинает чувствовать в себе обновление живой веры. Бог пре-
стает быть для него мертвым, каковым Он представляется для умерщвленных плотским муд-
рованием, считающих свою смерть – жизнью, а истинную и существенную жизнь – признаю-
щих как бы не существующею. За дарованием «мира» следует, как видно из Евангелия, другое
дарование: отверзается ум ученика Христова для разумения Писаний. Крест Христов делается
понятным и удобоносимым, страдания начинают источать из себя сладость. [3, с. 95.]

—

Мир Христов – свят! Мир Христов – весь во Христе! Мир Христов засеивается в душе
Словом Божиим, зарождается от возделывания сердечной нивы заповедями Христовыми,
питается этим невидимым, но небеструдным подвигом, возрастает от него. От действия Свя-
того Духа мир Христов объемлет ум, сердце и тело совершенного христианина, соединяет
эти части, рассеченные и разъединенные грехом, воедино; человека, примиренного в себе и с
самим собою, составляющего уже собою единое и целое, каким он был до падения, соединяет
с Богом. Такой мир испрашиваю себе и вам, возлюбленные братия, у единого Подателя истин-
ного и святого мира, у Господа нашего Иисуса Христа. [1, с. 5.]

—

Мир Христов совершил мучеников и преподобных: он выводит христианина из-под вла-
сти плоти и крови, исторгает страну греховную из души и тела, уничтожает насильственное
влияние демонов на душу и тело, вводит в христианина свойства Христовы, кротость, смире-
ние, благость. Душа, ощутив эти свойства, начинает вкушать чудный покой – залог и начало
вечного покоя праведных в селениях вечного блаженства. [3, с. 212.]

—

Подобает душе и телу истончиться, как паутине, пройти сквозь огонь скорбей и воду очи-
стительную покаяния и войти в покой духовный – в духовный разум или мир Христов. [3, с. 45.]

О церкви

Церковные постановления очень полезны и нужны, как для каждого христианина, так
и для христианского общества, доставляя поведению порядок и правила; порядок и правила
способствуют жизни благочестивой, но заповеди должны быть душою каждого христианина и
христианского общества. [1, с. 251.]

—

Кто хочет спастись, тот должен принадлежать единой святой Православной Церкви, быть
ее верным сыном, во всем покоряться ее установлениям. Если кто не повинуется Церкви, если
кто отделился от Церкви, если кто раскольник, то, сколько бы он ни клал поклонов, сколько
бы ни постился, сколько бы ни молился, ему не спастись. Господь сравнил неповинующегося
Церкви с идолопоклонником: *еще кто Церковь преслушает*, – сказал Он, – *буди тебе якоже*
язычник и мытарь (Мф. 18: 17). [1, с. 366, 367.]

—

Не обольщайся самомнением и учением тех, обольщенных самомнением, которые, пре-
небрегая истиною Церкви и Божественным откровением, утверждают, что истина может
вещать в тебе самом без звуков слова и наставлять тебя сама собою, каким-то неопределенным
и неясным действием. [2, с. 119.]

—

Немощь священника, как человека, отнюдь не препятствует совершению таинств, совершающихся по причине благодати священства, которою облечен человек, а не по причине собственных его достоинств, хотя и приятно видеть в одном лице соединение достоинств собственных с дарами благодати. [3, с. 26.]

О Евхаристии

Посредством чудного таинства Евхаристии наше тело соединяется с Телом Самого Христа – соединяется тело с Божественным Телом, кровь с Божественною Кровию. *Ядый Мою плоть и пий Мою кровь*, – сказал Господь, – *во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6: 56). Ядущий всесвятое Тело Христово и пьющий всесвятую Кровь Христову, при посредстве такой полноты вкушения, приходит в совершенное соединение с Богочеловеком: тело его делается Телом Богочеловека, Кровь его соделывается Кровию Богочеловека. Истинный христианин почивает в Господе, и Господь почивает в нем; христианин облечен во Христа, и опять в христианине – Христос. Созерцая это величие христиан, апостол взывает к нам: *Тела ваша удове Христовы суть* (1 Кор. 6: 15). *Тело Господеви и Господь телу* (1 Кор. 6: 13). *Облецытесь Господем нашим Иисус Христом, и плоти угодия не творите в похоти* (Рим. 13: 14). [1, с. 75.]

–
Неужели Иисус, вошедший святыми тайнами в сердца ваши, принужден будет уклониться из них по причине множества помышлений, намерений, слов, дел греховных, которые вы допустите себе? (1 Ин. 3: 24). Он сохранит вас на пути земной жизни от всякого преткновения, введет вас безмятежною и нестрашною смертию в пристанище блаженной вечности. [1, с. 77.]

–
Ясно ощущается при причащении святых тайн прикосновение души Христовой к душе причащающегося, соединение души Христовой с душою причащающегося. Без слов, без наставления словами начинает душа ощущать в себе чуждые падшему естеству ее успокоение, кротость, смирение, любовь ко всем, холодность к тленному и преходящему, сочувствие к будущему веку. [1, с. 121.]

–
Святые Христовы тайны, будучи Телом и Кровью Богочеловека, будучи Духом, сохраняют для телесных чувств наружный вид хлеба и вина. И видится хлеб и вино, и обоняваются хлеб и вино, и осязаются хлеб и вино, и вкушаются хлеб и вино. Обнаруживаются и являются святыне тайны чрез действие свое. Так обличался Бог, прикрытый человечеством: Он обнаруживался и свидетельствовался действиями Своими. Так обличались святыне Божии, сосуды Духа: обнаруживались они и разоблачались действиями. Наружность глубоко смиренная, покровенная простотою, чуждая изысканности, чуждая эффекта, – действие сверхъестественное, Божественное! Действием Божественным возвышается достоинство дивно-смирненной наружности. Точно! Бог смирился несказанно вочеловечением и земною жизнью Своею: все действия Его несказанно смиренны, несказанно благолепны и величественны в смирении своем. Это относится и к святым тайнам. Что может быть по наружности смиреннее, обыкновеннее пищи, предлагаемой обновленным человекам, той необыкновенной, чудной, страшной пищи, в которой преподается в снедь Святой Дух, в которой преподается в снедь Богочеловек? [1, с. 120.]

–
Достойное причащение святых тайн возможно только при постоянно благочестивой жизни или после решительного раскаяния в жизни греховной и решительного оставления ее, засвидетельствованного и запечатленного принесением покаяния. [1, с. 127.]

При постоянно благочестивой и внимательной жизни действие святых тайн делается яснее, ощутительнее, обильнее. Действие это уподоблено Писанием помазанию главы, то есть ума, духовным елеем, уподоблено державной, царственной чаше, властительски упоевающей душу ощущениями, исходящими из Святого Духа, исходящими из Христа. При постоянно внимательной и благочестивой жизни делается отчасти постижимой непостижимая милость Божия, явленная человекам в даровании им небесной пищи. [1, с. 123.]

—

Невозможно, невозможно приять Бога в душу, заимствовавшую свое настроение от сатаны! Невозможно приять Бога в тело, которым владевают нечистые вожеления. [1, с. 123.]

—

Если мы не отзовемся на любовь Господа к нам любовью к Нему, то Кровь Богочеловека не пролита ли за нас напрасно? Не напрасно ли за нас истерзано Его всесвятное Тело? Не напрасно ли возложена на крестный жертвенник и заклана великая Жертва? Всесильно ходатайство ее за нас во спасение; всесильна и жалоба ее на тех, которые пренебрегут ею. [1, с. 139.]

—

Падшие духи ведают силу святых тайн. Они трепещут ее, ненавидят ее, завидуют причащающимся, завидуют той зависти, к которой способны демоны. Часто с исступлением нападают они на готовящегося к причащению, расхищают его мысли, наводят на сердце холодность и ожесточение, приносят тяжкие греховные воспоминания и мечтания, стараются осквернить совесть, привести христианина в недоумение, воспрепятствовать причащению; часто после приобщения совершают духи подобное нападение, опять с целью ввергнуть в недоумение, смущение, с целью поколебать веру, насеять мысль, что причащение святым тайнам не приносит никакой пользы. Эта невидимая брань, воздвигаемая духами злобы на причащающихся, служит свидетельством величайшей важности и пользы святых тайн. Драгоценно сокровище, к получению которого так усиливаются не допустить человека враги его! Драгоценно сокровище, которое так неистово стараются восхитить у человека враги его! [1, с. 368, 369.]

—

Должно приобщаться, по крайней мере, во все четыре поста, четырежды в год. Если ж, к сожалению и несчастью, житейские заботы и до сего не допустят, то непременно должно приобщиться однажды в год. [1, с. 370.]

—

Христос пришел на землю спасти грешников, не праведников. Точно так нисходит Он Своим святым Телом и Своею всесвятою Кровью в грешного человека и спасает его. Не сочувствие к нашей праведности и к нашим достоинствам привлекает к нам Господа, но Его милосердие к нашей греховности и немощи, нами сознаваемой и оплакиваемой. Кто по возможности употребляет все усилия, чтобы воздерживаться от грехов и при сознании своей греховности и немощи приступает к Господу, того Господь приемлет. Он отвращается от тех грешников, которые приступают к Нему без благоговения и без намерения оставить греховную жизнь. Такие принимают Святые Тайны в осуждение себе. [3, с. 276.]

—

Утвердимся верою и противостанем мужественно супостатам нашим. Постараемся при приготовлении нашем к принятию Святых Тайн сохранить всевозможное бодрствование над собою; постараемся по принятии Святых Тайн сохранить это бодрствование над собою. Не убоимся душевной бури, производимой нашествием духов! Не допустим уныния и смущению овладеть нами. Действие Святых Тайн не преминет явиться в душе терпеливого подвижника, как является солнце на небе по очищении его от облаков. [1, с. 122.]

О Священном Писании

Желающие приступить к Господу и присовокупиться к Нему всеблаженным совокуплением навеки должны начать это святое дело с тщательнейшего изучения слова Божия, должны начать с изучения Евангелия, в котором сокровен Христос, из которого говорит и действует Христос. [1, с. 7.]

—

Положивший себе в цель жизни исполнение воли Божией старается подробно и с точностью узнать эту всесвятую волю посредством тщательнейшего изучения священного Писания, особливо Нового Завета, посредством чтения отеческих Писаний, посредством беседы и совещания с преуспевшими христианами, посредством исполнения евангельских заповедей, и наружным поведением, и умом, и сердцем. [1, с. 23.]

—

Что значит – последовать Христу? Значит: изучать Евангелие, иметь Евангелие единственным руководителем деятельности ума, деятельности сердца, деятельности тела. Значит: заимствовать свой образ мыслей из Евангелия, настроить сердечные чувства по Евангелию и служить выражением Евангелия всеми поступками, всеми движениями, тайными и явными. [1, с. 95.]

—

Духовное рассуждение приобретает чтением Священного Писания, преимущественно же Нового Завета, и чтением святых отцов, писания которых соответствуют роду жизни, проводимой христианином. Христианин, живущий посреди мира, должен читать отцов, написавших наставление для всех вообще христиан; христианин, живущий в общежительном монастыре, должен напиваться чтением отеческих наставлений для общежительных иноков; христианин, пребывающий в уединении, да погружается в глубины учения святых отшельников, пребывавших постоянно в самовоззрении и от духовного, благодатного видения себя переходивших к духовному, благодатному видению Бога... Необходимо, чтоб чтению соответствовало жительство, чтоб чтение могло быть осуществляемо деятельностью, чтоб им не возбуждалась одна бесплодная мечтательность, приводящая в состояние разгорячения и самообольщения. [1, с. 204.]

—

Всякий, кто захочет беспристрастно и основательно исследовать состояние души своей, усмотрит в ней недуг нечувствия, усмотрит обширность значения его, усмотрит тяжесть и важность его, сознается, что он – проявление и свидетельство мертвости духа. Когда мы захотим заняться чтением Слова Божия, какая нападает на нас скука! Как все, читаемое нами, представляется нам малопонятным, не заслуживающим внимания, странным! Как желаем мы освободиться скорее от этого чтения! Отчего это? Оттого, что мы не сочувствуем Слову Божию. [1, с. 152.]

—

Слово Божие обнаруживает козни и замыслы врага нашего диавола, вразумляет нас, как мы должны отражать этого лукавого супостата, жаждущего гибели нашей. Слово Божие непрестанно призывает нас к покаянию, поведая нам бесконечное милосердие Божие к падшему и страждущему под игом греха человечеству; оно наставляет нас, как приносить покаяние, как соделать это покаяние действительным и многоплодным. Слово Божие представляет нам всю превратность и суетность сего мира; оно живописует пред нами погибельные следствия от обольщения миром и грехом; оно раскрывает пред нами величественную вечность с ее наградами за благочестивую земную жизнь и с ее страшными казнями за беззакония, совершенные на земле. Слово Божие преподает нам подробнейшее и точнейшее учение о добродетели

телях и о средствах, как приобрести добродетели, как сделаться угодными Богу. Короче сказать, слово Божие научает нас спасению. [1, с. 373.]

—

Святое Евангелие можно уподобить зеркалу. Каждый из нас, если захочет, увидит в нем состояние души своей и то всемогущее врачевание, которое предлагается всемогущим врачом, Богом. Бог-Сын называет Себя *Сыном Человеческим*, потому что Он принял человечество и обращался между людьми, ничем не отличаясь от них по наружности. Это – следствие бесконечной Божественной любви, неизреченного Божественного смирения. *Сын Человеческий* — скажем по обычаю человеческого – имел право прощать все грехи людям, как принесший Себя, всесовершенного Бога, в искупительную жертву за человечество и уничтоживший все грехи людей, и малозначительные, и многозначительные, необъятным, безмерным значением искупительной цены. Суд *Сына Человеческого* над людьми, как видим в Евангелии, совсем иной, нежели прочих людей, судящих о ближних из собственной, отринутой

Богом и поврежденной грехом праведности. Всех грешников, принявших искупление при посредстве покаяния и веры, Спаситель оправдал, хотя люди и осуждали; напротив того, всех, отвергших искупление чрез отвержение покаяния и веры, осудил, хотя люди признавали их праведными, достойными и уважения, и наград. [1, с. 344, 345.]

—

Ум наш, как омраченный грехом, никак не может удовлетвориться по отношению к спасению собственными помышлениями, немощными, колеблющимися, обманчивыми; ему необходимо посредством внимательного чтения или тщательного слышания слова Божия заимствовать из него помышления Божественные и вразумляться ими. Должно заниматься изучением слова Божия весьма благоговейно и весьма часто, чтоб оно было руководителем нашим в деле спасения, потому что наши собственные помышления легко могут отвлечь нас от спасительного пути, приняв неправду за правду. Наши собственные помышления столько повреждены грехом, что они даже противоречат и противодействуют слову Божию. Великая беда верить им! Напротив того, великое благо, когда кто неупустительно держится слова Божия, как слепец держится за руку своего провожатого. [1, с. 372.]

—

Мы обязаны направить к Богу всю волю свою. Как заботимся исполнять желания любимых нами и для этого стараемся узнать их желания, изучить наклонности, так должны поступить и относительно Бога. Мы должны тщательно и подробно ознакомиться с волею Божией. Воля Божия открыта нам в Законе Божиим, который – Евангелие. [1, с. 252.]

—

При чтении Евангелия не ищи наслаждения, не ищи восторгов, не ищи блестящих мыслей: ищи увидеть непогрешительно святую Истину. Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия; старайся исполнять его заповедания, читай его делами. Это – книга жизни, и надо читать ее жизнью. [2, с. 108.]

—

Какое счастье, какое богатство – стяжание Евангелия памятью! Нельзя предвидеть переворотов и бедствий, могущих случиться с нами в течение земной жизни. Евангелие, принадлежащее памяти, читается слепым, узнику сопутствует в темницу, говорит с земледельцем на ниве, орошаемой его потом, наставляет судию во время самого присутствия, руководит купца на торгу, увеселяет больного во время томительной бессонницы и тяжкого одиночества. [2, с. 109.]

—

Недостаточно только с удовольствием прочесть веления Евангелия, и подивиться высокой нравственности, которую они в себе содержат. К сожалению, многие этим удовлетворяются. [2, с. 125.]

—
После молитвенного правила, опять всеми силами заботясь *о внимании*, читай Новый Завет, преимущественно же Евангелие. При этом чтении тщательно замечай все заветы и заповедания Христа, чтоб по ним можно было направлять свою деятельность, видимую и невидимую. Количество чтения определяется силами человека и обстоятельствами. Не должно обременять ум излишним чтением молитв и Писания, также не должно упускать обязанностей своих для неумеренного упражнения молитвою и чтением. [2, с. 298, 299.]

—
Многие приступают к Господу – немногие решаются последовать Ему. Многие читают Евангелие, услаждаются, восхищаются высотой и святостью учения его, немногие решаются направить поведение свое по правилам, которые законополагает Евангелие. Господь, всем приступающим к Нему и желающим усвоиться Ему, объявляет: *Аще кто грядет ко Мне*, и не отречется от мира и от себя, *не может Мой быти ученик*. [2, с. 86.]

—
Читай Евангелие с крайним благоговением и вниманием. В нем не сочти ничего маловажным, малодостойным рассматривания. Каждая йота его испускает луч жизни. Пренебрежение жизни – смерть. [2, с. 109.]

—
Постарайся, чтоб Евангелие усвоилось твоему уму и сердцу, чтоб ум твой, так сказать, плавал в нем, жил в нем: тогда и деятельность твоя удобно соделается евангельскою. Этого можно достичь непрестанным благоговейным чтением, изучением Евангелия. [2, с. 109.]

—
Познавать истину из отцов, посредством Евангелия и святых отцов посредством чтения причащаться живущему в Евангелии и святых отцах Святому Духу – великое счастье. [2, с. 121.]

—
Кажется, достаточно прочесть одну главу Евангелия, чтоб познать говорящего в нем Бога. *Глаголы живота вечного имаша*, Господь и Бог наш, явившийся нам в смиренном виде человека, *и мы веровахом, и познахом, яко Ты еси Христос, Сын Бога живаго* (Ин. 6: 68–69). [2, с. 120.]

—
Кажется, Дух Святой, сообщив апостолам в день к Пятидесятницы знание языков, со всею ясностию указал волю Божию, состоящую в том, чтоб Слово Божие имелось и провозглашалось на всех языках. [Письма к монашествующим: Письмо № 8.]

—
И для иноков всех вообще, и для христиан, живущих посреди мира – полезнейшее чтение – Новый Завет, в особенности Евангелие.

Но его надо читать со смирением, не позволяя себе собственных толкований, а руководствуясь толкованием Церкви. [3, с. 217.]

—
Бдеть над собою можно только при свете Нового Завета. Свет, при котором совершается духовное бдение, изливают из себя и писания св. отцов. Божественное Писание и отцы непрестанно напоминают нам Бога, Его благодеяния, наше назначение, будущность, вечно блаженную и вечно несчастную, обличают коварство мира, его козни, показывают средства, как избежать этих козней и войти в пристанище спасения. [3, с. 170.]

—
Великая и всесвятая книга – Евангелие!

В нем изображен новый, богоподобный человек; а какие должны быть свойства нового человека, это являют Христовы заповеди. В них Христос открыл нам Свои свойства, Свой

образ мыслей и действий. Вглядываясь в Евангелие, смотрясь в это зеркало на себя, мы можем мало-помалу узнавать наши недостатки, мало-помалу выбрасывать из себя понятия и свойства ветхости нашей, заменять их мыслями и свойствами евангельскими, Христовыми. В этом состоит задача, урок, который должен разрешить, выполнить христианин во время земной жизни своей. Надо изобразить на душе портрет Христов, сообщить ей сходство с ее Первообразом. [3, с. 218.]

О святых отцах

Небо приняло в свое блаженное недра святых отцов. Этим оно засвидетельствовало, что мысли, чувствования, деяния святых отцов благоугодны ему. Святые отцы изложили свои мысли, свое сердце, образ своих действий в своих писаниях. Значит, какое верное руководство к небу, засвидетельствованное самим небом, – писания отцов. [2, с. 212.]

—

Писания святых отцов все составлены по внушению или под влиянием Святого Духа. Чудное в них согласие, чудное помазание! Руководствующийся ими имеет, без всякого сомнения, руководителем Святого Духа. [2, с. 112.]

—

Чтение писаний отеческих – родитель и царь всех добродетелей. Из чтения отеческих писаний научаемся истинному разумению Священного Писания, вере правой, жительству по заповедям евангельским, глубокому уважению, которое должно иметь к евангельским заповедям, словом сказать, спасению и христианскому совершенству. [2, с. 113.]

—

Не сочти для себя достаточным чтение одного Евангелия, без чтения святых отцов! Это – мысль гордая, опасная. Лучше пусть приведут тебя к Евангелию святые отцы, как возлюбленное свое дитя, получившее предварительное воспитание и образование посредством их писаний. [2, с. 113.]

—

Христианину, которого жребий – проводить и окончить жизнь среди мира, должно читать святых отцов, писавших вообще для всех христиан. [3 с. 186.]

—

Вы спрашиваете, почему необходимо чтение святых отцов? Не довольно ли словом Божиим руководствоваться, одним Священным Писанием, чистым словом Божиим, в котором нет примеси слова человеческого? Отвечаю: непременно нужно при чтении Писания чтение святых отцов Восточной Церкви. Вот что говорит святой апостол Петр о Священном Писании: *Всяко пророчество книжное по своему сказанию не бывает* (Русский перевод: *никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою*). *Ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа просвещаемии глаголаша святии Божии человецы* (2 Пет. 1: 20–21). Как же Вы хотите произвольно понимать духовное слово, которое и произнесено не произвольно, а по внушению Духа, и само запрещает произвольное толкование себя? Дух произнес Священное Писание, и только Дух может истолковать его. Вдохновенные Богом мужи – святые отцы – истолковали его. Поэтому всякому, желающему стяжать истинное познание Священного Писания, необходимо чтение святых отцов. [3, с. 227.]

О несении креста

Что значит взять крест свой? Крест был орудием поношной казни для черни и пленников, лишенных права гражданского. Гордый мир, мир враждебный Христу, лишает учеников Христовых тех прав, которыми пользуются сыны мира. [1, с. 92.]

—
Взять крест свой – значит великодушно переносить те насмешки и поношения, которыми мир осыпает последователя Христова, те скорби и гонения, которыми грехолюбивый и слепотствующий мир преследует последователя Христова. [1, с. 92.]

—
Взять крест свой – значит доблестно претерпевать тяжкий невидимый труд, невидимое томление и мученичество ради Евангелия при борьбе с собственными страстями, с живущим внутри нас грехом, с духами злобы, которые с яростью восстанут против нас и с ожесточением воспротивятся нам, когда мы вознамеримся свергнуть с себя иго греха и подчиниться игу Христову. [1, с. 92.]

—
Взять крест свой – значит с покорностью и смирением подчиниться тем временным скорбям и бедствиям, которые благоугодно Божественному Промыслу попустить нам в очищение наших согрешений. Тогда крест служит для человека лестницею от земли к небу. Восток по этой лестнице упоминаемый в Евангелии разбойник, восток из среды ужаснейших преступлений в светлейшие обители рая: он с креста своего произнес исполненные смиренномудрия глаголы; смиренномудрием вступил в богопознание, богопознанием приобрел небо. [1, с. 93.]

—
Взять крест свой – значит добровольно и с усердием подчиниться лишениям и подвигам, которыми обуздываются бессловесные стремления нашей плоти. [1, с. 93.]

—
Ечто значит взять крест, и взять крест именно ^{^^}*свой*? Это значит, что каждый христианин должен терпеливо переносить именно те оскорбления и те гонения от мира, которые его постигают, а не какие-либо другие. Это значит, что каждый христианин должен с мужеством и постоянством бороться именно с теми страстями и с теми греховными помыслами, которые возникают в нем. Это значит, что каждый христианин должен с покорностью, с преданностью воле Божией, с исповеданием правосудия и милосердия Божия, с благодарением Богу переносить те именно скорби и лишения, какие попустит ему Божественный Промысл, а не другие какие-либо, рисуемые и предлагаемые гордостным мечтанием. Это значит – довольствоваться именно теми телесными подвигами, которые соответствуют нашим телесным силам, в которых именно нуждается плоть наша для содержания ее в порядке. [1, с. 94.]

—
Чтобы воспринять на рамена крест, должно прежде отказать телу в его прихотливых пожеланиях, доставляя ему одно необходимое для существования; должно признать свою правду лютейшею неправдою пред Богом, свой разум – совершенным неразумием и, наконец, предавшись Богу со всею силою веры, предавшись непрестанному изучению Евангелия, отречься от воли своей. Совершивший такое отречение от себя способен к принятию креста своего. С покорностью Богу, призывая Божию помощь для укрепления своей немощи, он смотрит без боязни и смущения на приближающую скорбь, уготовляется великодушно и мужественно перенести ее, уповает, что посредством ее он соделается причастником страданий Христовых, достигнет таинственного исповедания Христа не только умом и сердцем, но и самым делом, самую жизнью. [2, с. 356.]

—
Крест дотоле тягостен, доколе он пребывает крестом своим. Когда же он преобразится в крест Христов, то получает необыкновенную легкость: *иго Мое благо, и бремя Мое легко есть*, сказал Господь (Мф. 11: 30). [2, с. 356.]

—

Ученик Христов тогда несет правильно крест свой, когда признает, что именно неисполненные ему скорби, а не другие, необходимы для его образования о Христе и спасения. [2, с. 356.]

—

Терпеливое несение креста своего есть истинное зрение и сознание греха своего. В этом сознании нет никакого самообольщения. Но признающий себя грешником и вместе с тем ропщущий и вопиющий с креста своего доказывает тем, что он поверхностным сознанием греха лишь льстит себе, обманывает себя. [2, с. 356.]

—

Терпеливое несение креста своего есть истинное покаяние. Распятый на кресте! Исповедаясь Господу в праведности судеб Его. Обвинением себя оправдай суд Божий – и получишь отпущение грехов твоих. [2, с. 357.]

—

Что значит *крест свой*? Почему этот *крест свой*, то есть отдельный каждого человека, вместе называется и *крестом Христовым*. Крест *свой*: скорби и страдания земной жизни, которые у каждого человека – свои. Крест *свой*: пост, бдение и другие благочестивые подвиги, которыми смиряется плоть и покоряется духу. Эти подвиги должны быть сообразны силам каждого, и у каждого они – свои. Крест *свой*: греховные недуги, или страсти, которые у каждого человека – свои! С одними из них мы рождаемся, другими заражаемся на пути земной жизни. *Крест свой* делается для ученика Христова *крестом Христовым*: потому что ученик Христов твердо убежден, что над ним неусыпно бдит Христос, что Христос попускает ему скорби, как необходимое и неминуемое условие христианства, что никакая скорбь не приблизилась бы к нему, если бы не была попущена Христом, что скорбями христианин усваивается Христу, соделывается причастником Его участи на земле, а потому и на небе. *Крест свой* делается для ученика Христова *крестом Христовым*: потому что истинный ученик Христов почитает исполнение заповедей Христовых единственной целью своей жизни. Эти всесвятые заповеди соделываются для него крестом, на котором он постоянно распинает своего ветхого человека *со страстями и похотями* его (Гал. 5: 24). [2, с. 355.]

Распятому на кресте по воле Божией, славословящему Бога с креста своего открывается **таинство креста** и вместе с этим таинством – таинство искупления человеков Богочеловеком. Таков плод самоукорения. По отношению к всемогущей и всесвятой воле Божией не может быть иных соответствующих чувств в человеке, кроме неограниченного благоговения и столько же неограниченной покорности. Из этих чувств, когда они сделаются достоянием человека, составляется *терпение*. [2, с. 331.]

—

С креста твоего благодари Господа за бесценный дар, за крест твой – за драгоценную участь, за участь подражать Христу страданиями твоими. С креста богословствуй: потому что крест есть истинное и единственное училище, хранилище и престол истинного богословия. Вне креста нет живого познания Христа. [2, с. 357.]

—

Точно Крест Господень есть иго благое и бремя легкое, а со Иисусом и на Голгофе рай. [2, с. 347.]

—

Между духовным раем и жизнью плотскою, душевною, обыкновенною, которою живут вообще все люди, положены в разграничение, как бы обширное море, крест и распятие. В рай нет другого пути! Кого Бог хочет возвести в рай, того начинает сперва наводить на путь к нему – на крест. [3, с. 78.]

—

Кто последует Христу, как верховный Петр и первозванный Андрей, тому предназначен крест. Кто обращается ко Христу, как разбойник, того удел – опять крест. В первом случае крест соделывается венцом, во втором он бывает лестницею. Но каковы бы ни были наши обстоятельства, к какому бы образцу мы ни подходили, – невозможно быть Христовым без креста. [3, с. 64.]

—

—

Где бы я ни был, в уединении или в обществе человеческом, свет и утешение изливаются в мою душу от креста Христова. Грех, обладающий всем существом моим, не престаёт говорить мне: «Сниди со креста». Увы! Схожу с него, думая обрести правду вне креста, и впадаю в душевное бедствие: волны смущения поглощают меня. Я, сошедши с креста, обретаюсь без Христа: как помочь бедствию? Молюсь, Христу, чтоб возвел меня опять на крест. Молясь, и сам стараюсь распяться, как наученный самым опытом, что не распятый – не Христов. На крест возводит вера – низводит с него лжеименный разум, исполненный неверия. Как сам поступаю, так советую поступать и братьям моим. [3, с. 50.]

—

Против правды Христовой, которая – Его Крест, вооружается правда испорченного естества нашего. Бунтуют против Креста плоть и кровь наши. Крест призывает плоть к распятию, требует пролития крови; а им надо сохраниться, усилиться, властвовать, наслаждаться. Путь к Кресту – весь из бед, поношений, лишений; они не хотят идти по этому пути; они – горды, они хотят процветать, величаться. [3, с. 123.]

-

Крест – готовность к благодушному поднятию всякой скорби, попускаемой Промыслом Божиим. Потому познается, что человек находится под особенным Промыслом Божиим, когда этому человеку попускаются постоянные скорби. [3, с. 88.]

О молитве

По величайшей пользе, доставляемой краткою, внимательною, сосредоточенною молитвою, Святая Церковь завещает чадам своим благовременно обучиться какой-либо краткой молитве. Обучившийся такой молитве имеет готовое молитвословие на всяком месте и во всякое время. И путешествуя, и сидя за трапезой, и занимаясь рукоделием, и находясь в обществе человеческом, он может вопиать к Богу. При невозможности молиться устами возможно молиться умом. В этом отношении удобность краткой молитвы очевидна: при занятиях очень легко потерять смысл и последовательность продолжительного молитвословия; но краткая молитва всегда сохраняется в целостности своей. Оставив ее на некоторое время, опять можно без всякого затруднения возвратиться к ней. Даже при богослужении полезно повторять краткую молитву в душевной клети: она не только не препятствует вниманию читаемым и поемым в храме Божиим молитвословиям, но и способствует особенно тщательному вниманию им, удерживая ум от рассеянности. Если ум не будет удерживаться в самовоззрении краткою молитвою, наполняющею душу чувством покаяния, то он легко вдастся в рассеянность; во время богослужения, оставя без внимания церковное чтение и пение, уклонится к пустым размышлениям и мечтаниям. [1, с. 29.]

-

В течение всей святой Четыредесятницы при всех богослужениях часто повторяется во всеуслышание присутствующих в храме молитва: *Боже! очисти мя грешного*. Для чего это столь частое повторение одной и той же молитвы? Для того чтоб мы приучились часто повторять ее. С тою же целью повторяется часто и другая краткая молитва: *Господи, помилуй*. [1, с. 30.]

—

Действие на душу продолжительной, но не внимательной молитвы подобно действию обильного дождя на железную крышу, с которой сбегает вся вода, в каком бы количестве она ни пролилась, не производя на крышу никакого действия. Напротив того, внимательную молитву можно уподобить благотворному дождю, орошающему засеянное поле, дающему питание произрастаниям и приготовляющему богатую жатву. [1, с. 33.]

—

При неспешном чтении молитв возможно такое внимание; при поспешном чтении вниманию нет места. Молитва, лишенная внимания, лишена сущности своей, лишена жизни. Тогда бывает она подобна телу, оставленному душою: не благоухает она смирением, не восходит к Богу; пораженная и умерщвленная рассеянностью, она пресмыкается в земном тлении и смраде, сообщая их молящемуся небрежно и холодно. Внимание ума при молитве отражается в сердце блаженною печалью о грехах, которая и есть заповеданное Богом покаяние. Когда же сердце исполнится чувством покаяния, тогда оно, в свою череду, привлекает ум к сугубому вниманию. Вслед за вниманием и умилением все дары Святого Духа вступают в душу, содействуют ее храмом Божиим. [1, с. 33.]

—

Во всех благих начинаниях мы нуждаемся в помощи Божией: тем более нуждаемся в ней для свержения ига греховного, для вступления на стези правые и святые. Помощь Божия испрашивается усердною, внимательною молитвою. [1, с. 63.]

—

Для побеждения сатаны, стремящегося помыслами печали, безнадежия и отчаяния потрясти и погубить человека, подвергшегося напасти по Божью определению, для того чтоб не оскудела вера наша во время напасти, нужна молитва. [1, с. 107.]

—

Когда мы встанем на молитву, какую ощущаем сухость, холодность! Как спешим окончить наше поверхностное, исполненное развлечения моление! Это отчего? Оттого, что мы чужды Богу: мы веруем в существование Бога мертвою верою. [1, с. 153.]

—

Как семена, посеянные на ниве, необработанной сельскохозяйственными орудиями, пропадают, не принеся никакого плода, так и молитва остается бесплодною, если для нее не приготовлена плоть, не приготовлено сердце постом. Развлечение и отягчение мыслей, холодность, ожесточение сердца, суетные и греховные мечты, непрестанно возникающие в воображении, уничтожают молитву пресыщенного. И наоборот, как на ниве, тщательно обработанной сельскохозяйственными орудиями, но не засеянной полезными семенами, с особенною силою вырастают плевелы, так в сердце постящегося, если он, удовлетворяясь одним телесным подвигом, не оградит ум подвигом духовным, то есть молитвою, густо и сильно вырастают плевелы самомнения и высокоумия. Высокоумие и самомнение в безрассудном, жестком постнике всегда соединены с уничижением и осуждением ближнего; с особенною способностью соблазняться; наконец, с самообольщением, гордынею, погибелью. [1, с. 103.]

—

Молитва всегда нужна и полезна для человека: она содержит его в общении с Богом и под покровом Бога; она охраняет его от самонадеянности, от обольщения тщеславием и гордостью, как собственными своими, прозябающими из падшего естества, так и приносимыми в помыслах и мечтах из области падших духов. Во времена скорбей и опасностей, видимых и невидимых, особенно нужна молитва: она, будучи выражением отвержения самонадеянности, выражением надежды на Бога, привлекает к нам помощь Божию. Всемогущий Бог содействуется деятелем молящегося в затруднительных обстоятельствах его и изводит из них раба Своего дивным Промыслом Своим. Богопознание, живая вера, благодатное смиренномудрие,

чистая молитва – принадлежности духовного разума; они – составные части его. Так, напротив того, неведение Бога, неверие, слепота духа, гордость, самонадеянность и самомнение – принадлежности плотского мудрования. Оно, не зная Бога, не приемля и не понимая средств, предлагаемых Богом к получению богопознания, составляет само для себя ошибочный, душепагубный способ к приобретению богопознания, сообразно своему настроению: оно просит *знамения с небесе*. [1, с. 326.]

—

Главное условие преуспевания в молитве заключается в том, чтоб молитва всегда совершалась с величайшим благоговением и вниманием. [1, с. 338.]

—

Когда при молитве мы подвергаемся постоянной рассеянности, это служит признаком, что сердце наше находится в плену у земных пристрастий и попечений, которые не допускают ему устремиться всецело к Богу и пребывать при Нем. Внимательная молитва служит признаком, что сердце расторгло нити пристрастий и потому уже свободно направляется к Богу, прилепляется к Нему, усваивается Ему. На переход от рассеянной молитвы к молитве внимательной, или от любви мира к любви Бога, требуются продолжительное время, продолжительный труд, многие усилия, многие пособия. Нужно пособие от поста, нужно пособие от целомудрия и чистоты, нужно пособие от нестяжательности, нужно пособие от веры, нужно пособие от смирения, нужно пособие от милости, нужно пособие от Божественной благодати. При совокупном действии этих пособий сердце отторгается от любви к миру; человек, освобожденный от невидимых цепей падения и греховности, устремляется всем существом своим к Богу. Познав высоту и блаженство этого состояния, он старается чаще быть в нем. Любовь Божия доказывает ему опытно свое присутствие в нем, и он доказывает свою любовь к Богу внимательною, постоянною молитвою, не расхищаемую помышлениями о предметах и делах преходящего мира. [1, с. 257.]

—

Чтоб преуспеть в молитвенном подвиге, ^чтоб в свое время, по неизреченной милости Божией, вкусить сладчайший плод молитвы, состоящий в обновлении всего человека Святым Духом, надо молиться постоянно, надо мужественно переносить те трудности и скорби, с которыми сопряжен молитвенный подвиг. [1, с. 345.]

—

Вообще молитва есть величайшая добродетель, средство соединения человека с Богом. [1, с. 368.]

—

Молитву должно совершать с верою; основывать ее должно на незлобии. Что душа для тела, то вера для молитвы; как тело без души мертво и неспособно к движению, так молитва без веры мертва, лишена силы и действия. Что основание, фундамент для дома, то незлобие для молитвы. Как дом не может стоять без фундамента, но должен упасть, так молитва, если она не основана на незлобии, не может вознестись к Богу, но погрязает в плотском мудровании и уничтожается им. [1, с. 369.]

—

Желающий заняться подвигом молитвы! Прежде, нежели приступишь к этому подвигу, постарайся простить всякому огорчившему, оклеветавшему, уничивившему тебя, всякому, причинившему тебе какое бы то ни было зло. [2, с. 155.]

—

Молитва – обращение падшего и кающегося человека к Богу. Молитва – плач падшего и кающегося человека пред Богом. Молитва – излияние сердечных желаний, прошений, воздыханий падшего, убитого грехом человека пред Богом. [2, с. 140.]

—

Не нужны Богу наши молитвы! Он знает и прежде прошения нашего, в чем мы нуждаемся; Он, Премилосердый, и на не просящих у Него изливает обильные щедроты. Нам необходима молитва: она усваивает человека Богу. Без нее человек чужд Богу, а чем более упражняется в молитве, тем более приближается к Богу. [2, с. 141.]

—

Молитва, как беседа с Богом, сама собою – высокое благо, часто гораздо большее того, которого просит человек, – и милосердый Бог, не исполняя прошения, оставляет просителя при его молитве, чтоб он не потерял ее, не оставил это высшее благо, когда получить просимое – благо гораздо меньшее. [2, с. 142.]

—

Тягостным, скучным, сухим представляется молитвенный подвиг для ума, привыкшего заниматься одними тленными предметами. С трудом приобретается навык к молитве; когда ж приобретается этот навык, тогда он делается источником непрестанного духовного утешения. [2, с. 150.]

—

Молитва усваивает человека Богу. [2, с. 158.]

-

Жертву любви к молитве принеси наслаждение чувствами и наслаждения умственные, любознательность, любопытство; храни душу твою от всех внешних впечатлений, чтоб на ней не запечатлелся, при посредстве молитвы, Бог. Его всесвятый, невидимый, духовный Образ не терпит пребывать в душе, засоренной образами суетного, вещественного, преходящего мира. [2, с. 157.]

* * *

Приноси Богу молитвы тихие и смиренные, а не пылкие и пламенные. [2, с. 149.]

-

Путь к Богу – молитва. Измерение совершаемого пути – различные молитвенные состояния, в которые постепенно входит молящийся правильно и постоянно. [2, с. 140.]

—

Приготовь себя к молитве беспристрастием и беспопечением. От пристрастий – попечения. Удерживаемая пристрастиями, развлекаемая попечениями, мысль твоя не возможет неуклонно стремиться молитвою к Богу. [2, с. 156.]

—

Многоглаголение, осужденное Господом в молитвах языческих (Мф. 6: 7–8), заключается в многочисленных прошениях о временных благах, которыми преисполнены молитвы язычников. [2, с. 152.]

-

Если б во время молитвы твоей представился тебе чувственно или изобразился сам собою в тебе умственно вид Христа, или ангела, или какого святого – словом сказать, какой бы то ни было образ – никак не принимай этого явления за истинное, не обрати на него никакого внимания, не вступи с ним в беседу. Иначе непременно подвергнешься обману и сильнейшему повреждению душевному, что и случилось со многими. [2, с. 147.]

-

Что воздух для жизни тела, то Дух Святой для жизни души. Душа посредством молитвы дышит этим святым, таинственным воздухом. [2, с. 141.]

-

На ближних сильнее действует молитва о них, нежели слово к ним: потому что молитва вводит в действие Самого все сильного Бога, и Бог творит с созданием Своим все, что Ему благоугодно. [3, с. 159.]

—

Относительно правила молитвенного – знайте, что оно для Вас, а не Вы для него, но для Господа. Почему имейте свободу с рассуждением. При немощи убавляйте, при силе прибавляйте – то и другое с умеренностью и осторожностью; потому что мы крайне немощны и окружены татями и убийцами отовсюду. [3, с. 54.]

—

Желающий заниматься богоугодною молитвою должен заботиться только о том, чтоб во время молитвы ум его сохранял внимание, а сердце содействовало уму чувством покаяния. [3, с. 281.]

—

Новоначальным должно заниматься молитвою понемногу, но часто, чтоб сохранить вкус к молитве и не произвести в уме утомления, от которого происходит оставление молитвы. [3, с. 274.]

—

Если при молитве не имеешь должного внимания, то этим не смущайся. Бог даст внимание в свое время тому, кто постоянством в упражнении молитвою и в понуждении себя ко вниманию докажет, что он действительно желает молиться со вниманием. [3, с. 275.]

—

При попущениях Божиих должно покориться воле Божией и, сознавая себя достойным гнева Божия, умолять со смирением Бога о помиловании. Такую молитву Бог принимает. [3, с. 352.]

Повторяйте почаще сию молитву: *Господи, буди воля Твоя!* Она краткая, но заключает в себе обширный смысл и весьма сильно действует к успокоению человека, находящегося в печали. [3, с. 245.]

—

Надо в молитве поручать детей Богу и затем пребывать совестью в спокойствии, не предаваясь тревожному состоянию души. [3, с. 350.]

—

Поминайте в молитвах Ваших оскорбивших Вас, да исцелеее от страшного недуга вражды к ближнему. [3, с. 89.]

—

При молитве нужно отрицаться от себя, т. е. не признавать себя достойными какого-либо преуспевания, а решительно положиться на Бога. Даже не должно думать о преуспевании, а заботиться о том, чтоб молитва была совершаема со вниманием. [3, с. 385.]

—

Господь заповедал постоянную, то есть учащаемую и непрестанную молитву. Не сказал Он, чтоб мы единовременно попросили, потом престали от прошения, но повелел просить усиленно, неотступно, соединил с повелением просить обетование услышать и исполнить прошение. *Просите, и дастся вам; ищите, и обряцете: тощете, и отвержется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкующему отвержется* (Мф. 7: 7–8). Будем просить с терпением и постоянством, отрицаясь своей воли и своего разума, предоставляя все святой воле Божией и время, и способ исполнения, и самое исполнение просимого. Мы не постыдимся: *Бог же не имать ли сотворити отмищение избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, и долготерпя о них* (Лк. 18: 7), то есть замедляя исполнением прошения их. Деннонощный вопль к Господу избранных изображает постоянную, неотступную, непрестанную, усиленную их молитву. [2, с. 215.]

—
Для правильности молитвы надобно, чтоб на приносилась из сердца, наполненного нищеты духа; из сердца сокрушенного и смиренного. Все другие состояния сердца, до обновления его Духом Святым, признавай – каковы и точно они – несвойственными кающемуся грешнику, умоляющему Бога о прощении грехов своих и об освобождении – как из темницы и оков – из порабощения страстям. [2, с. 140.]

—
Научись молиться Богу правильно. Научившись молиться правильно, молись постоянно – и удобно наследуешь спасение. Спасение является от Бога в свое время, с неоспоримым сердечным известованием о себе молящемся правильно и постоянно. [2, с. 140.]

О чудесах

В чудесах Господа не было никакой суетности, никакого эффекта, ни одного чуда не сделано напоказ человекам, все чудеса прикрывались покровом Божественного смирения. Они составляют собою цепь благодеяний страждущему человечеству. Вместе с тем они выразили со всею удовлетворительностью власть Творца над вещественною тварью и над сотворенными духами, выразили и доказали достоинство Бога, принявшего на Себя человечество, явившегося человеком между людьми. [1, с. 301.]

—
Стремление, встречающееся в современном христианском обществе, видеть чудеса и даже творить чудеса не должно быть оставленным без внимания. Это стремление нуждается в тщательном рассмотрении. Стремление к совершению чудес очень порицается святыми отцами: таким стремлением обнаруживается живущее в душе и овладевшее душою самообольщение, основанное на самомнении и тщеславии. [1, с. 312.]

—
Желающие совершать знамения желают этого по плотскому разгорячению, по увлечению непонимаемыми ими страстями, хотя, может быть, и представляется им, что они руководствуются ревностью к делу Божию. В таком же состоянии самообольщения и разгорячения находятся и те, которые хотят видеть знамения. Испытать Бога, нарушать благоговение к Нему воспрещается во всяком случае; дозволяется просить помощи Божией в крайней нужде, когда не имеется собственных средств, чтоб выйти из нее; но избрание средств к вспоможению должно предоставить Богу, предавая себя Его воле и милости. Господь всегда ниспосылает средство вспоможения душеполезное: оно доставляет нам и помощь, в которой нуждаемся, и в самой этой помощи преподает святое вкушение смирения. Помощь не бывает соединена с наружным блеском, как желалось бы того плотскому мудрованию, чтоб душа не повредила от удовлетворения тщеславию ее. И в деле Божию, в самом служении Церкви, должно непрестанно призывать благословение Божие и помощь Божию, должно веровать, что единственно способы Божественные, духовные могут быть полезны для веры и благочестия, а отнюдь не способы, предлагаемые плотским мудрованием. [1, с. 313, 314.]

—
Человеки, потеряв благоговение и уважение ко всему священному, потеряв смирение, признающее себя недостойным не только совершать знамения, но и видеть их, жаждут чудес более, нежели когда-либо. Человеки, в упоении самомнением, самонадеянностью, невежеством, стремятся безразборчиво, опрометчиво, смело ко всему чудесному, не отказываются сами быть участниками в совершении чудес, решаются на это, нисколько не задумываясь. Такое направление опасно более, нежели когда-либо. Мы приближаемся постепенно к тому времени, в которое должно открыться обширное позорище многочисленных и поразительных

ложных чудес, увлечь в погибель тех несчастных питомцев плотского мудрования, которые будут обольщены и обмануты этими чудесами. [1, с. 223.]

—

Духовный разум видит и в недугах, посылаемых Промыслом Божиим, и в исцелениях, даруемых Божественною благодатью, милость Божию к человеку. Озаряемый светом слова Божия духовный разум научает богоугодному и душеспасительному поведению в обоих случаях. Он научает, что позволительно искать и просить у Бога исцеления недугу при твердом намерении употребить возвращенное здравие и силы в служение Богу, отнюдь не в служение суетности и греху. В противном случае чудесное исцеление послужит только к большему осуждению, привлечет большее наказание во времени и в вечности. [1, с. 316.]

—

Еще знамений и чудес не видите, не имате веровати (Ин. 4: 48), – упрекал Господь людей чувственных, просивших у Него исцеления телу и не подозревавших даже, что души их находятся в несравненно ужаснейшем недуге и потому нуждаются несравненно более в исцелении и небесном Враче, нежели тела. [2, с. 120.]

—

Относительно гласов и явлений нужна *еще* большая осторожность: здесь ближе и зловреднее прелесть бесовская. Многие из святых и искусных отцов были обмануты бесами, хитро скрывающими и обличающими свою ложь и тьму призраками истины и света – тем удобнее могут быть обмануты ныне. [3, с. 96.]

—

Точно достойны сожаления оставляющие слово, ищущие убеждения от чудес. Этою потребностью обнаруживается особенное преобладание плотского мудрования, грубое невежество, жительство, принесенное в жертву тлению и греху, отсутствие упражнения в изучении Закона Божия и в боголюбезных добродетелях, неспособность души сочувствовать Святому Духу, ощутить присутствие и действие Его в слове. Знамения были наиболее предназначены для убеждения и приведения к вере людей чувственных, занятых попечениями мира. Погруженные в житейские заботы, постоянно пригвожденные душою к земле и делам ее, малоспособны оценить достоинство слова; милосердное Слово привлекало их к спасению, даруемому словом, посредством видимых знамений, которые, составляя собою вещественное убеждение, действовавшее чрез чувства, приводили немощную душу к всемогущему, спасительному Слову. [1, с. 306.]

О вере

Отчего мы не имеем веры? Оттого, что не принимали, не хотели принять никакого труда к изучению христианства, к стяжанию веры от слуха (Рим. 10: 17), которою доставляется ясное теоретическое познание христианства, к стяжанию веры от дел (Иак. 2: 18), доставляющей деятельное познание христианства. От этих двух познаний возводится стяжавший их, возводится Самим Богом, как засвидетельствовавший зависевшими от него и возможными ему свидетельствами искренность желания познать Бога, возводится к таинственному, существенному духовному познанию, всегда соединенному с живою верою. *Имей заповеди Моя*, сказал Господь, *и соблюдая их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю Его и явлюся ему Сам* (Ин. 14: 21). [1, с. 143.]

—

Доколе действует вера, доколе человек руководствуется евангельскими заповедями, доколе сияет в нем духовный разум. С прекращением действия веры оставляется деятельность по учению Евангелия, начинается деятельность по собственным соображениям и по внушениям сердца; разум нисходит с высоты состояния духовного в состояние плотское, чувство

благости оставляет сердце, вступают в него раздраженные изгнанием своим страсти, мир заменяется разнообразными возмущениями. Испытавший в душе своей изложенные здесь противоположные состояния опытно познает существенную важность наставления Господа, опытно познает союз веры с духовным разумом и милостью. *Вящиее закона: суд, и милость, и вера.* В союзе этих добродетелей заключается обновление и спасение человека. [1, с. 192.]

—

Живая вера – зрение и познание Бога (Евр. 11: 27). Живая вера – жизнь, посвященная всецело благочестию и умерщвлению для мира. Живая вера – дар Божий. Испрашивали себе этот великий дар у Господа Его святые апостолы, когда говорили Ему: *приложи нам веру* (Лк. 17: 5). Только при посредстве живой веры может человек отречься от мнимых достоинств падшего естества своего, соделаться учеником и последователем Господа разумом и деятельностью, подобающими естеству обновленному. [1, с. 207.]

—

Вера – основание молитвы. Кто уверует в Бога, в как должно веровать, тот непременно обратится к Богу с молитвою и не отступит от молитвы, доколе не получит обетований Божиих, доколе не усвоится Богу, не соединится с Богом. [1, с. 340.]

—

Вера во Христа – жизнь. Питающийся верою вкушает уже во время странствования земного жизнь вечную, назначенную праведникам по окончании этого странствования. Господь сказал: *Веруй в Мя, имать живот вечный* (Ин. 6: 47). [2, с. 177.]

—

Без самоотвержения человек не способен к вере: его падший разум противоборствует вере, требуя дерзостно отчета у Бога в Его действиях и доказательствах в открываемых Им человеку истинах; падшее сердце хочет жить жизнью падения, к умерщвлению которой стремится вера: плоть и кровь, несмотря на предстоящий им ежечасно гроб, также хотят жить жизнью своею, жизнью тления и греха. [2, с. 498.]

—

Справедливо избрана Богом *вера* в орудие спасении человеков: мы погибли, поверив льстивым словам врага Божия и нашего. Раздался некогда в раю шум слов из уст злодея, вняли им наши праотцы, поверили – и были изгнаны из рая; теперь, в юдоли изгнания, раздается для потомков их голос Слова Божия – Евангелие – и снова входят в рай те, которые внимают и *веруют Евангелию*. [2, с. 499.]

—

Истинная живая вера, лишь человек исповедует ее устами, доставляет ему спасение. Доставила она спасение разбойнику на кресте; доставила она спасение, посредством покаяния, многим грешникам в последние, предсмертные минуты их жизни. [1, с. 501.]

—

Евангелие, как Откровение Бога, превысшего всякого постижения, недоступно для падшего разума человеческого. Необъятный разум Божий объемлется верою, потому что вера может принять все, и непостижимое для разума, и противоречащее разуму. К вере способна только та душа, которая решительным произволением отверглась греха, направилась всею волею и силою своею к Божественному добру. [2, с. 497.]

—

Святая вера, над которою смеялись и смеются рационалисты, называя ее слепую, столько тонка и возвышенна, что может быть постигнута и преподана только одним духовным разумом. Разум мира противен ей, отвергает ее. Когда же по какой-нибудь материальной необходимости найдет ее нужною или терпимую, тогда понимает ее ложно и объясняет ее ложно: потому что слепота, приписываемая им вере, есть его неотъемлемая принадлежность. Тогда только вера

свята и истинна, когда она – вера в святую Истину, когда она – вера, принесенная на землю вочеловечившеюся Божественною Истиною, Господом нашим Иисусом Христом. [3, с. 237.]

–

То, что скорби сменяются утешениями, а утешения скорбями, рождает веру к Богу и мертвость к миру. Вера, взяв человека за руку, поставляет его пред Богом. Такой человек возносится превыше мира: под ногами его – мрачный хаос сомнений, неверия, заблуждений, умствований напыщенных и вместе суетных. [3, с. 166.]

–

Приступающий к Богу должен приступать с верою в Его всемогущество, а не с двоедушием и тогда получит помощь свыше. Зло, желая удержать человека в оковах, всегда его стращает – угроз этих бояться не должно: сильный Бог избавит приступающих к Нему от всех нападений греха. [3, с. 167.]

–

Без Божией помощи и благодати никто из человеков не силен противостать борениям, невидимым, возникающим в его сердце и производящим душевную бурю. Молитва и чтение слова Божия помогают в бурях душевных, но и при этом пособии нескоро человек справится с самим собою, не скоро взойдет в пристанище нерушимого спокойствия, потому что нескоро мысли и ощущения Божественные усваиваются падшему естеству нашему, нескоро вера делается живою. От живой веры в Бога рождается полная покорность Богу, а от покорности Богу – мир помыслов и спокойствие сердца. [3, с. 240.]

О покаянии

Братия! Чтобы уверовать в Господа нашего Иисуса Христа, нужно покаяние; чтоб пребывать в этой спасительной вере, нужно покаяние; чтоб преуспеть в ней, нужно покаяние; чтоб наследовать Царство Небесное, нужно покаяние. [1, с. 8.]

–

Покаяние подает свою могущественную десницу человеку, находящемуся в глубокой пропасти, во аде грехопадения, – извлекает его оттуда, возносит превыше земли; оставляет только тогда, когда введет спасенным во врата вечности. [1, с. 11.]

–

За покаяние Бог дарует прощение грехов и доступ к Себе, а вере открывает Себя и дарует то богопознание, к какому только способен человек, какого он собственными средствами приобрести никак не может. Вера доставляет уму познания, превышающие разума: ум, путем суждения и исследования, приемлет только те познания, которые подвергаются его постижению; вера усваивает уму познания, недоступные для его постижения. Таковы все откровенные познания о Боге и о таинствах христианства. Покаяние вводит в сердце ощущения благодатные, чуждые падшему естеству, научает ум и сердце истинному богослужению, научает приносить Богу единую приемлемую Им жертву от падшего человеческого естества – сокрушение и смирение духа (Пс. 50: 19). Дух человеческий, пришедший в это состояние, вступает в общение с Духом Божиим, в чем и заключается обновление и спасение человека. [1, с. 11, 12.]

–

Возлюбим покаяние – и получим спасение. Примем от руки Господа пожизненный дар покаяния – и получим в свое время вечный дар спасения. [1, с. 19.]

–

В чем заключается подвиг святой Четырехдесятницы? Это подвиг покаяния. В настоящие дни мы стоим пред временем, преимущественно посвященном покаянию, как бы пред вратами его, и воспеваем исполненную умиления песнь: *покаяния отверзи нам двери, Жизнодавец!* [1, с. 35.]

—
Покаяние – всемогуще, как установление всемогущего Бога. Нет греха, который бы устоял против лица покаяния. Оно – дар, данный падшему естеству человеческому, оно – остаток нашей первобытной непорочности, как сознание этой непорочности и сетование о потере ее, оно – воззвание крещения, оно – связь земли с небом, лестница к небу. Им очищается, изглаживается всякий грех. [1, с. 49.]

—
И малый грех остается неизглаженным, если согрешивший пренебрег покаяться в нем, как в ничтожном, по его мнению; и великий грех изглаживается вполне при посредстве покаяния неограниченными благодатью и всемогуществом Божиими. [1, с. 49, 50.]

—
Сохранивший себя от грехов смертных не должен думать, что он нуждается в покаянии немного. Твои согрешения легки пред твоими глазами, но ты не знаешь, какова тяжесть их на весах правосудия Божия. [1, с. 55.]

—
Спасительный Божий дар – покаяние – требует, чтоб мы приняли его с величайшим благоговением и тщательностью. Небрежное, презорливое поведение по отношению к дарам Божиим влечет за собою страшные бедствия, которые, естественно, возникают из такого поведения. Как не возникнуть величайшему, душевному, существенному, вечному бедствию, когда мы, принимая дар Божий, отвергнем должное изучение как самого дара, так и употребления, какое должно из него сделать? К несчастью, многие поступают крайне небрежно и невежественно с великим даром покаяния! Они не хотят познать, что покаяние не может быть совмещено с произвольною греховною жизнью. Пребывая в греховной жизни, по сочувствию к ней, по привязанности к ней, они в известные времена прибегают к покаянию, чтоб, омывшись на минуту, снова погрузиться в греховную скверну. О, страшный обман самих себя! О, страшная насмешка над даром Божиим! О, страшное ругательство над Богом! [1, с. 18.]

—
Остается объяснить: почему в ныне рассматриваемых нами словах Господа нашего заветное покаяние и возведение о близости Царства Небесного так тесно соединены между собою? Почему не выставлено между ними никакого промежуточного подвига, никакого промежуточного обстоятельства? Причина заключается в том, что Господь наш Иисус Христос – *Агнец Божий, взявляя грехи мира* (Ин. 1: 29), – сделал все для нашего спасения. Он примирил нас с Богом, уготовал и приобрел для нас Царство Небесное. Нам, человекам, предоставлен в деле спасения нашего один труд – труд принять спасение, дарованное нам Богом туне и всецело, труд покаяния. Царство Небесное и Царь Небесный несказанно близки к нам – несравненно ближе, нежели как мы полагаем. *Се стою при дверех* сердца человеческого, возвещает Этот Царь, и стучусь в них Моим всесвятым и всемогущим словом: *аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною* (Откр. 3: 20). Совершается отверзение дверей сердца для небесного Царя – покаянием. *Покайтесь, приблизится бо Царствие Небесное.* [1, с. 10.]

—
Блажен тот грешник, который в эту тяжкую годину придет в себя и вспомнит неограниченную любовь Отца Небесного, вспомнит безмерное духовное богатство, которым преизобилует дом Небесного Отца – Святая Церковь. Блажен тот грешник, который, ужаснувшись греховности своей, захочет избавиться от гнетущей его тяжести покаянием. [1, с. 37.]

—
Охраняя свою греховность, невозможно усвоиться Христу. Он усваивается одним чистым, то есть таким, которые из нечистых соделались чистыми посредством покаяния. [1, с. 181.]

—

Чтоб покаяние было действительным, доставило нам спасение и вечное блаженство, надо стяжать в самих себе, в душах наших покаяние; надо, чтоб самый дух наш сокрушился и смирился от боголюбезной печали, рождающейся от сознания и ощущения своей греховности; надо извергнуть из себя самомнение, в каком бы виде оно ни присутствовало в нас.

При самомнении покаяние невозможно. Одна неправильная мысль о себе может ввести в душу, питать, поддерживать и укреплять в ней самомнение, соделывать ее неспособною к покаянию. Самомнение есть гордость, столько мерзостная пред Богом! Самомнение есть та глупая, слепая и пагубная страсть, которая светлого ангела низвергла с неба, светлого ангела соделала мрачным демоном! Самомнение есть тот смертоносный яд, который излит древним змеем в человеческое естество. Самомнение есть недуг духа нашего, не примечаемый невнимающими своему спасению, но недуг столько сильный и важный, что он поставляет человека, по душе его, в число духов отверженных, враждебных Богу. Зараженный самомнением не способен усвоиться Богу. Для такого усвоения нужно полное отвержение самомнения. [1, с. 379, 380.]

—

Кто в надежде на покаяние позволяет себе согрешать произвольно и намеренно, тот поступает в отношении к Богу коварно. [2, с. 102.]

—

Сила покаяния основана на силе Божией: Врач всемогущ – и врачество, подаваемое Им, всемогуще. [2, с. 97.]

—

Покайтесь и веруйте во Евангелие! Покайтесь: приблизится бо Царство Небесное (Мк. 1: 15. Слич. Мф. 4: 17). Таковы были первые слова проповеди Богочеловека. Эти же слова доселе произносит Он нам при посредстве Евангелия. [2, с. 97.]

—

Оттого окончательно гибнут христиане вечною смертью, что во все время жизни земной занимаются одним нарушением обетов крещения, одним служением греху, они гибнут оттого, что не удостоивают ни малейшего внимания Слово Божие, возвещающее им о покаянии. В самые предсмертные минуты они не умеют воспользоваться всемогущею силою покаяния! Не умеют воспользоваться, потому что не получили о христианстве никакого понятия или получили понятие самое недостаточное и сбивчивое, которое должно быть названо скорее полным незнанием, нежели каким-нибудь познанием. [2, с. 101.]

—

Ведал Бог немощь человеков, ведал, что они по крещении будут впадать в согрешения: по этой причине Он установил в Церкви Своей Таинство Покаяния, которым очищаются грехи, совершенные после крещения. Покаяние должно сопутствовать вере во Христа, предшествовать крещению во Христа, а после крещения оно исправляет нарушение обязанностей уверовавшего во Христа и крестившегося во Христа. [2, с. 101.]

—

Если случится сказать или сделать что-нибудь противное заповедям Божиим, то немедленно врачуй погрешность покаянием и посредством искреннего покаяния возвращайся на путь Божий [2, с. 300.]

—

Покайтесь и веруйте во Евангелие (Мк. 1: 15), увещевает нас Евангелие. Просто, истинно, свято это увещание: надо покаяться, оставить греховную жизнь, чтоб сделаться способным приступить к Евангелию. Чтоб принять Евангелие, надо в него уверовать. [2, с. 497.]

—

Не наследовал я покаяния, потому что еще не вижу греха моего. Я не вижу греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, позволяющий себе вкушение его – хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца. [2, с. 122.]

—

От лица покаяния бежит всякий грех; никакой грех не может устоять пред всемогущим покаянием. Покаяние – евангельская добродетель, дар Божий бесценный, купленный для нас ценою Крови Сына Божия, этою ценою, выкупающей всякое наше согрешение. [3, с. 211.]

—

Вся наша жизнь должна состоять из покаяния, ибо мы дотоле вне истины, доколе не вполне во Христе, чего ожидать можем только после смерти. Чем больше погружаемся в покаяние, тем более находим, что нуждаемся в нем. Чем более очищаемся, тем более находим, что мы далеки от Пресвятого и Пречистого. Кто весь очернен, тот не видит на себе ни одного пятна. [3, с. 309.]

—

От покаяния рождается умиление: умиление о освещает клеть душевную, внося в нее свет духовный от Света Христа. [3, с. 68.]

—

Надо знать, что Бог дал покаяние единственно в помощь немощи нашей, отнюдь не для потачки греху. Дар Божий не должно употреблять во зло, должно обходиться с ним очень благоговейно, благоразумно, осторожно. [3, с. 191.]

—

Диавол не терпит воню покаяния, от той души, которая издает из себя эту воню, он бежит прочь с прелестями своими. [3, с. 108.]

Всемогущее покаяние – пристань Божественная, Божественная лечебница. Всякое согрешение исправляется покаянием, всякая язва, всякий недуг исцеляется покаянием. Объятия Отца Небесного отверсты для прибегающих в эти объятия блудных сынов. Христос, снисшедший на землю для грешников, а не для праведников, доселе пребывает невидимо, но вполне существенно между людьми, совершая великие знамения и исцеления; будет, по неложному обещанию Своему, пребывать между нами до скончания века.

Доселе раздастся Его голос, доселе слышатся Его действительные слова, сказанные некогда – всеми осужденной – грешнице, осудившей себя глубоким молчанием: «*Аз тебя не осуждаю: иди и отселе тому не согрешай*». С таким предостережением дается отпущение в тяжких согрешениях. [3, с. 98.]

—

Един Бог может даровать святую чистоту сердца верующему в Него и прибегающему к Нему покаянием. Он не требует от нас, лишь начинающих шествие к Нему, этой высокой чистоты, чуждой всяких пятен. Предшествует чистоте зрение и сознание своей нечистоты. И это уже дар Божий, о получении которого мы молимся с коленопреклонением: «Господи, даруй ми зрети моя прегрешения!» Но тот, кто видит нечистоту свою, должен оплакивать ее и у всемогущего, и всеблаготворного Врача просить исцеления. [3, с. 206.]

—

Будем соответствовать, по нашим слабым силам, великой любви к нам Господа, как могут соответствовать любви Создателя Его твари, и твари падшие: покаемся! Покаемся не одними устами, засвидетельствуем наше покаяние не одними немногими, кратковременными слезами, не одним наружным участием в церковном богослужении, в исполнении церковных обрядов, чем довольствовались фарисеи. Принесем вместе со слезами, с наружным благочестием, и плод достойный покаяния – изменим жизнь греховную на жизнь евангельскую. [2, с. 100.]

—

Покаяние – вера, покаяние – признание искупления и Искупителя! Покаяние – усвоение себе заслуг Искупителя верою в Искупителя! Покаяние – самоотвержение! Покаяние – признание падения и гибели, объявивших весь род человеческий! Покаяние – отречение от всякой добродетели человеческой! Всю надежду возлагает покаяние на Искупителя! Одни заслуги Искупителя имеют всю цену, необъятную цену! Без цены, без малейшей цены добродетели человеческие! Они заимствуют цену от веры в Искупителя, когда они – выражение этой веры, – исполнение воли Искупителя! Покаяние восполняет собою недостаток добродетелей человеческих, присваивает человеку добродетели Искупителя! Бог дал нам покаяние в помощь нашей немощи. [3, с. 191.]

–

Отчаяние – обличитель предваривших в сердце неверия и самости: верующий в себя и уповающий на себя не восстанет из греха покаянием; восстанет им верующий во Христа, всемогущего Искупителя и Врача. [3, с. 198.]

–

И славу, и богатство, и все прочие тленные приобретения и преимущества, на стяжание которых употребляет всю земную жизнь, все силы души и тела ослепленный грешник, он должен оставить в те минуты, в которые насильственно снимается с души одежда ее – тело, когда душа ведется неумолимыми ангелами на суд праведного Бога, ей неведомого, пренебреженного ею. [2, с. 98.]

О спасении

Кто примет христианство со всею искренностью сердца в лоне Православной Церкви, в которой одной хранится истинное христианство, тот спасется. [1, с. 143.]

–

Для спасения необходимо отречение от греха! Но грех столько усвоился нам, что обратился в естество, в самую душу нашу. Для отречения от греха сделалось существенно нужным отречение от падшего естества, отречение от души (Мф. 10: 39), отречение не только от явных злых дел, но и от многоуважаемых и прославляемых миром добрых дел ветхого человека; существенно нужно заменить свой образ мыслей разумом Христовым, а деятельность по влечению чувств и по указанию плотского мудрования заменить тщательным исполнением заповедей Христовых. [1, с. 168.]

Что делать нам, чтоб спастись? Ответ на этот вопрос, ответ удовлетворительнейший находим в Евангелии. Господь объявил, что для спасения тех, которые не веруют во Христа, необходима вера во Христа; а для спасения верующих во Христа необходимо жительство по заповедям Божиим. Неверующий во Христа погибнет навеки, и верующий во Христа устами, но не исполняющий Его всесвятых заповедей и потому отвергающийся Его делами, погибнет навеки. Иначе: для спасения нужна живая вера во Христа. [1, с. 206.]

–

Какое приобретение, сделанное нами на земле, может остаться навсегда нашею неотъемлемою собственностью? Это – наше спасение. Кто употребил земную жизнь для накопления богатств, тот оставит богатства при переходе в вечность. Кто употребил земную жизнь на приобретение почестей и славы, у того отнимет их жестокая смерть. Кто же употребил земную жизнь на стяжание спасения, тот возьмет с собою спасение свое в вечность и на небе будет вечно утешаться приобретением, сделанным на земле. [1, с. 206.]

–

Кто верный сын Православной Церкви, кто ежедневно, а еще лучше, если ежечасно, на всяком месте владычества Божия воспоминает Бога и просит у Него милости и помощи, кто

по воскресным и праздничным дням тщательно посещает храм Божий, а дома молится каждое утро и вечер, кто милостив к нищим и странникам, кто приносит раскаяние в своих грехах и приобщается Святых Христовых Тайн, кто терпит великодушно посылаемые ему Богом скорби, кто тщательно занимается изучением слова Божия, тот имеет у себя драгоценный залог спасения. [1, с. 373.]

—
Желающему спастись необходимо заниматься чтением Божественных книг. [3, с. 372.]

—
Кто хочет спастись, тот должен великодушно переносить все скорби, которые будут ему попущены во время сего краткого земного странствования. Случится ли неурожай, или и созревший уже хлеб истребит саранча, побьет град; случится ли падеж скота, пожар, болезнь своя и членов семейства, смерть кого-либо из ближайших родственников, придется ли потерпеть гонение и обиды от сильного человека – все это должно переносить великодушно, без ропота, особенно же без хуления. [1, с. 368.]

—
Кто хочет спастись, тот должен, по силе своей, творить милостыню душевную и телесную. Душевная милостыня состоит в прощении ближним их согрешений, т. е. оскорблений и обид, нанесенных нам ближними. Милостыня телесная состоит в посильном вспоможении ближнему хлебом, одеждою, деньгами и странноприимством. [1, с. 369.]

—
Кто хочет спастись, тот должен приносить Богу тщательное раскаяние в своих согрешениях, как при ежедневных молитвах своих, так, в особенности, пред отцом духовным при таинстве Исповеди. [1, с. 369.]

—
Кто хочет спастись, должен, хотя понемногу, но часто молиться Богу. В будни молись Богу дома: утром, восстав от сна, на ночь, отходя ко сну, пред обедом и пред ужином. Даже не позавтракай и не поужинай, не вспомнив о Боге и не изобразив на себе крестного знамения. В праздничные и воскресные дни должны принимать участие в общественных церковных молитвах. Ходи к утрени, к всенощному бдению, к Божественной литургии и к вечерне. Великое счастье для грешного человека, что ему дано посещать церковь Божию: он может умолить Бога, чтоб Бог простил ему грехи и даровал спасение. [1, с. 368.]

—
Желающий спастись должен так устроить себя, чтоб он мог сохранять *внимание к себе* не только в уединении, но и при самой рассеянности, в которую иногда против воли он вовлекается обстоятельствами. Страх Божий пусть превозможет на весах сердца все прочие ощущения: тогда удобно будет сохранять *внимание к себе*, и в безмолвии келейном, и среди окружающего со всех сторон шума. [2, с. 298.]

—
Усвой себе мысли и дух святых отцов чтением их писаний. Святые отцы достигли цели – спасения. И ты достигнешь этой цели по естественному ходу вещей. Как единомысленный и единокоренный святым отцам, ты спасешься. [2, с. 112.]

—
Многие говорят о спасении, многие желают спастись, но если спросить их, в чем заключается спасение, то ответ для них делается очень затруднительным. Не беда, если бы дело оканчивалось одной затруднительностью в ответе! Нет: вредное последствие, истекающее отсюда, очень значительно. Незнание, в чем состоит спасение, сообщает действиям нашим на поприще добродетели неопределенность, неправильность. По-видимому, мы делаем много добрых дел, но, в сущности, делаем очень мало дел для спасения. Отчего это? Ответ очень прост: оттого, что не знаем, в чем состоит спасение наше. [2, с. 328.]

—

Спасение наше – Бог наш, не наши дела. Делами веры, то есть исполнением евангельских заповедей, мы доказываем истину нашей веры и верность нашу Богу. [2, с. 531.]

—

Добродетели, и общественные и частные, истекающие из падшего человеческого естества, утратили, по вочеловечении Бога, значение: они заменены великим делом Божиим – верою в *Того, Егоже посла* Бог (Ин. 6: 29). В этом великом деле Божиим заключается и спасение, как засвидетельствовал Сам Спаситель: *Се же есть живот вечный* (спасение), *да знают Тебе, единого истинного Бога, и Егоже послал еси Иисус Христа* (Ин. 17: 3). [2, с. 330.]

—

Единственный непогрешительный путь ко спасению – неуклонное следование учению святых отцов, при решительном уклонении от всякого учения постороннего, от самых своих разумений, доколе разум не исцелится от недуга своего и не сделается из плотского и душевного – духовным. [3, с. 222.]

—

Спасение и разные способы его были даром Божиим человечеству, а отнюдь не собственным изобретением человечества. [3, с. 27.]

—

Горе, егда вам рекут добре вси человецы — это опасно, а потерпеть маленькое поношение весьма спаситель но. И потому стараемся предаваться воле Божией с благодарением. [Письма к монашествующим: Письмо № 30.]

—

Нищета духовная, сознание своего падения, сознание необходимости в Икупителе, стремление всем существом к исповеданию искупившего нас Сына Божия и Бога, Господа нашего Иисуса Христа – плоды борьбы со страстями. Эти плоды – залог вечного блаженства. [2, с. 533.]

—

Христианство принимает в недра свои человека во всяком возрасте, во всяком состоянии и положении, при всяких способностях, при всякой степени образования: принимает и спасает. [1, с. 143.]

О милости Божественной и человеческой

Человеческою милостью почти всегда нарушается правосудие, а правосудием устраняется милость. Напротив того, в Божественном законе суд и милость являются в чудном союзе. Этот союз составляет собою предмет духовного созерцания для ума, осененного Божественною благодатью. [1, с. 189.]

—

Отчего человеческая милость и человеческое правосудие находятся в разногласии между собою, а милость и суд, исходящие из Евангелия, в неразрывном союзе? Оттого, что человеческая милость и человеческое правосудие основаны на падшем разуме человеческом, на падшей его воле, на падшем его духе. Носят эти милость и правосудие на себе печать падения; источают эти милость и правосудие последствия, достойные своего характера. И милость, и правосудие человеческие лишены правильности, лишены чистоты, лишены святости, осквернены грехом. *Милость и суд*, сообщаемые человеку евангельским учением, основаны на вере в Бога, на вере живой, выражающейся делами, всем поведением. *Милость и суд* разумеются в *пути непо-рочне*, то есть постигаются единственно при непорочном, благочестивом жительстве. [1, с. 189.]

—

Чудный союз милости с правдою видим в образе действий Богочеловека: этот образ действия отражается в поведении истинных учеников Христовых. Нарушение благодати гневом и мира сердечного различными страстными ощущениями всегда вводит душу в неправильное состояние, всегда соединено с утратою умом его власти, всегда бывает нарушением благоразумия, отступлением от духовного разума. [1, с. 191.]

—

Во время напастей не ищи помощи человеческой – не трать драгоценного времени, не истощай сил души твоей на искание этой бессильной помощи. Ожидай помощи от Бога: по Его мановению, в свое время, придут люди и помогут тебе. [2, с. 548.]

—

Отвергните милосердие, действующее в вас от крови – иначе, от чувств сердечных, вдайтесь в снискание милосердия, возвещанного Евангелием, соделавшего человека богоподобным. Пред вами откроется необозримое поприще для подвига и течения. Какое бы вы ни стяжали преуспевание в милосердии, – оно покажется вам ничтожным в сравнении с образцом милосердия, начертанным в Евангелии. [3, с. 69.]

—

Господь, Спаситель мира, во время *пребывания* Своего на земле, возвещал однажды ученикам Своим, что Ему должно идти во Иерусалим: там много пострадать, быть убиту и в третий день воскреснуть. Тогда верховный из апостолов, святой Петр, движимый естественным милосердием, начал противоречить Господу. *Милосерд Ты, Господи*, – говорил он, – *не имать быти Тебе сие*. На это изъявление сострадания, милосердия естественных, Господь отвечал святому Петру: *Иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси, яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая*. Неужели в устах Богочеловека слово «сатано» было лишь укоризненное? Сохрани, Боже, допустить такое богохульство! Этим словом Господь изображает, что мысли и чувствования падшего человека находятся под властью сатаны, хотя, по-видимому, они и кажутся добрыми; действия человека по влечению его сердца сливаются в одно с действиями сатаны. [3, с. 69.]

—

Рассматриваю милосердие, заповеданное Господом: вижу бездну несоглядаемую, вижу высоту, уносящуюся от взоров. Он заповедует нам: *Будите убо милосерды, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6: 36). Чтоб исполнить эту заповедь, надобно сделаться столько милосердным, сколько милосерд бесконечно милосердый Господь. *Широка, Господи, заповедь Твоя зело!* (Пс. 118) Кто возможет ее исполнить вполне самым делом? Разве тот, кто, объятый Духом Твоим Святым, оставил так свойственное младенцам хождение с трудом и крайнею медленностью по стези заповедей Твоих, начинает шествовать по ним исполинскими шагами, более лететь, нежели шествовать, летать на крыльях Духа. Но я, грешник, мрачный грешник, как ни взгляну в себя, всегда вижу смешение добра со злом, доставленное человеческому роду его праотцем, дерзостно и погрешительно вкусившим от древа познания добра и зла. Кажусь я людям милосердным, но с точностью проверив себя, исследовав себя нахожу в себе одну глупую личину милосердия. Милосердствует во мне тщеславие, милосердствует во мне пристрастие, и милосердствует во мне корысть, милосердствует во мне плоть, милосердствует во мне кровь, но чтоб подвигла меня к милосердию заповедь Христова, чистая, святая, – этого я не нахожу в себе. Когда же я, мрачный грешник, опомнюсь на краткое мгновение и пожелаю быть милосердным, сообразно заповеди Христовой, то вижу, что должен учинить сердцу моему ужасное насилие. Обличается сердечный недуг мой святою заповедью: убеждаемый ею, признаю себя – по естеству милосердного – жестокосердным, человеконенавидцем по отношению к Евангелию. Мое сердце согласно быть милосердным по движению крови, но быть милосердным по заповеди Христовой для него – распятие. Так видя себя, сличая свое состояние с тем, которое начертано в Евангелии для ученика Христова, нахожу, что мне, имеющему естественное расположение к милосердию, не должно вверяться этому естественному расположению, должно умерщвлять

его. Я обязан принуждать себя к милосердию сообразно заповедям Евангелия, хотя б это и было сопряжено с насилием сердца, носящего в себе заразу греха, общую всем человекам. Естественное милосердие, как произведение плоти и крови, не может быть богоугодною добродетелью. Мало этого! Оно враждебно заповедям евангельским! Для посещения и умерщвления его принесен на землю меч евангельский. Водимые естественным милосердием пребывают во мраке под влиянием лютого, всезлобного миродержца. [3, с. 68, 69.]

—

На суде Христовом потребуется в оправдание милость, как деятельное выражение любви, и заслужит помилование одна милость, как опытное доказательство любви. *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9: 13), возвестил грядущий страшный и нелицеприятный Судия. Милость доставит оправдание возлюбившим ее, а отвергших ее предаст осуждению. Она с дерзновением предстанет пред Господом и приведет пред Него всех питомцев своих. Она приведет тех, которые совершали ее вещественно, которые насыщали алчущую братию, принимали в дома странников, одевали нагих, посещали болящих и заключенных в темнице. Приведет милость пред Христа тех, которые творили ее сокровенно в душах своих и миловали ближнего, охраняясь осуждать ближнего при его преткновениях, прощая ему оскорбления и обиды, воздавая ему за клятву благословением и за злодеяние благотворением. Приведет милость пред Христа пастырей церковных, которые преподавали братии своей нетленную пищу – Слово Божие, которые обнаженных грехом одевали в ризы добродетелей, доставляли духовное врачевство болящим душам и долготерпеливо посещали назиданиями своими заключенных в темницах неверия или мрачного заблуждения. Приведет милость пред Христа смиренных иноков, которые стяжали таинственное и существенное познание живущего в себе Христа, взлкались блаженною алчбою евангельской правды, потщились облечь себя в преподобие и святыню, очистились от самых утонченных недугов человечества – житейских пристрастий, и тем достигли евангельской свободы. Приведет милость пред Христа и тех, которые возмogli оказать милость лишь самим себе, посетив себя рассматриванием себя и освободив себя от нищеты, от болезни, от темницы греховной покаянием. Покаяние для ожесточенного сердца – невозможно: надо, чтоб сердце смягчилось, исполнилось соболезнования и милости к своему бедственному состоянию греховности. Когда обмыется и преисполнится сердце милостью, тогда только оно делается способным к покаянию; тогда только, покинув осуждение ближних, оно может обратиться к самовоззрению, а спасительно осудив себя, приложить к язвам своим врачевство покаяния. Христос искупил всех человеков и каждого человека Собою. Человек, который окажется способным только для милости к самому себе и сотворит эту милость, напав Слово Божием гладную душу свою, напоив ее ощущениями, исходящими из Святого Духа, отвлекая от гибельного странствования по различным видам греха, введши в дом благочестия и добродетели, одевая ее добрыми делами, исцелив прежние согрешения исповеданием их и противоположною им деятельностью, изведши себя из темницы плотского мудрования и состояния в разум и состояние духовные – признан будет соделавшим все это Самому Господу Иисусу Христу. Всех делателей своих милость приведет пред Христа и исходатайствует им у Христа помилование и вечное блаженство. [1, с. 42, 43.]

О смирении

По причине глубокого смирения своего, величайшие угодники Божии как бы не видели благодатных даров, которыми они обиловавали, видели одну свою греховность, которая уже была омыта Божественною благодатью, свидетельствовавшею явным присутствием своим в избранных сосудах отъятие греховности. В числе свойств, которыми отличаются святые мужи, замечается и то, что они всегда имеют пред очами свой грех, хотя он и прощен Богом, оплакивают

его, как бы только что соделанный и неудостоенный еще прощения. Так, святой Давид, плача, говорит: *Беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну* (Пс. 50: 5). [1, с. 17.]

—

Истинное смирение – от богопознания. [1, с. 72.]

—

Смирение и рождающееся из него покаяние – единственное условие, при котором приемлется Христос! Смирение и покаяние – единственная цена, которою покупается познание Христа! Смирение и покаяние – единственное нравственное состояние, из которого можно приступить ко Христу, усвоиться Ему! Смирение и покаяние – единственная жертва, которой выискует и которую приемлет Бог от падшего человечества (Пс. 50: 18–19). [1, с. 182, 183.]

—

Добродетель, противоположная гордости и особенному выражению ее в самом духе человеческом – самомнении – есть смирение. Как гордыня есть, по преимуществу, недуг нашего духа, грех ума, так и смирение есть благое и блаженное состояние духа, есть, по преимуществу, добродетель ума. По этой причине она весьма часто именуется в Священном Писании и в писаниях святых отцов смиренномудрием. Что такое смиренномудрие? Смиренномудрие есть правильное понятие человека о человечестве, следовательно, оно есть правильное понятие человека о самом себе. Прямое действие смирения, или смиренномудрия, заключается в том, что правильное понятие человека о человечестве и о самом себе примиряет человека с собою, с человеческим обществом, с его страстями, недостатками, злоупотреблениями, с обстоятельствами частными и общественными, примиряет с землею и небом. Добродетель – смирение – получила свое наименование от рождаемого ею внутреннего сердечного мира. Когда имеем в виду одно успокоительное, радостное, блаженное состояние, производимое в нас добродетелью, то называем ее смирением. Когда же намереваемся вместе с состоянием указать и на источник состояния, тогда именуем ее смиренномудрием. [1, с. 170, 171.]

—

Питаюсь святою пищею смирения, можно пребывать в святом доме терпения. Когда же неостанет этой пищи, то душа выходит из дому терпения. [2, с. 320.]

—

Истинное смиренномудрие состоит в послушании и последовании Христу (Флп. 2: 5–8). [2, с. 535.]

—

Истинное смиренномудрие – духовный разум. Оно – дар Божий, оно – действие Божественной благодати. [2, с. 535.]

—

Может быть и произвольное смиренномудрие: его сочиняет для себя душа тщеславная, душа обольщенная и обманутая лжеучением, душа, льстящая самой себе, душа, ищущая лести от мира, душа, всецело устремившаяся к земному преуспеянию и к земным наслаждениям. [2, с. 535.]

—

Смирение не видит себя смиренным. Напротив того, оно видит в себе множество гордости. [2, с. 536.]

—

Смирение надеется на Бога – не на себя и с не на человек, и потому оно в поведении своем просто, прямо, твердо, величественно. Слепотствующие сыны мира называют это гордостью. [2, с. 541.]

—

Смирение не дает никакой цены земным благам, в очах его велик Бог, велико Евангелие. Оно стремится к ним, не устаивая тление и суету ни внимания, ни взора. Святую хладность к тлению и суетности сыны тления, служители суетности, называют гордостью. [2, с. 541.]

—

Произвольное, собственного сочинения смиренномудрие состоит из бесчисленных разнообразных ухищрений, которыми человеческая гордость старается уловить славу смиренномудрия от слепотствующего мира, от мира, любящего свое, от мира, превозносящего порок, когда порок облечен в личину добродетели, от мира, ненавидящего добродетель, когда добродетель предстает взорам его в святой простоте своей, в святой и твердой покорности Евангелию. [2, с. 542.]

—

Начало смирения – нищета духа, середина преуспевания в нем – превысший всякого ума и постижения мир Христов, конец и совершенство – любовь Христова. [2, с. 542.]

—

Смирение никогда не гневается, не человекоугодничает, не предается печали, ничего не страшится. [2, с. 539.]

—

Слепые судьи часто признают смиренным лицемера и низкого человекоугодника: он – бездна тщеславия. Напротив того, для этих невежественных судей представляется гордым неищущий похвал и наград от людей и потому непресмыкающийся пред людьми, а он – истинный слуга Божий; он ощутил славу Божию, открывающуюся одним смиренным, ощутил смрад славы человеческой и отвратил от нее и очи, и обоняние души своей. [2, с. 540.]

—

Смиренный не способен иметь злобы и ненависти: он не имеет врагов. Если кто из людей причиняет ему обиды, он видит в этом человеке орудие правосудия или Промысла Божия. [2, с. 540.]

—

Смиренный предает себя всецело воле Божией. Смиренный живет не своею собственною жизнью, но Богом. Смиренный чужд самонадеянности, и потому он непрестанно ищет помощи Божией, непрестанно пребывает в молитве. [2, с. 540.]

—

Не сочиняй себе восторгов, не приводи в движение своих нервов, не разгорячай себя пламенем вещественным, пламенем крови твоей. Жертва, благоприятная Богу – смирение сердца, сокрушение духа. С гневом отвращается Бог от жертвы, приносимой с самонадеянностью, с гордым мнением о себе, хотя бы эта жертва была всежжением. [2, с. 129.]

—

Есть святой поклон от смирения, от уважения к ближнему, от уважения к образу Божию, от уважения ко Христу в ближнем. И есть поклон порочный, поклон корыстный, поклон человекоугодливый и вместе человеконенавидящий, поклон богопротивный и богомерзкий: его просил сатана у Богочеловека, предлагая за него все царствия мира и славу их (Лк. 4: 7). [2, с. 129.]

—

Пилат обиделся Христовым молчанием, которое ему показалось гордым. *Мне ли, сказал он, не отвечаешь? Или не знаешь, что я имею власть отпустить Тебя и власть распять Тебя?* (Ин. 19: 10). Господь объяснил Свое молчание явлением воли Божией, которой Пилат, думавший действовать самостоятельно, был только слепым орудием. Пилат от собственной гордости был не способен понять, что ему предстояло всесовершенное смирение: вочеловечившийся Бог. [2, с. 542.]

—

Смирение и одно, само по себе, полезно, а подвиг без смирения не только не приносит никакого плода, напротив того, приносит вред, вводя в высокое о себе мнение и в осуждение ближних. Смирение состоит в том, между прочим, чтоб признавать себя достойным того положения, в котором мы находимся, и недостаточным положения лучшего и высшего, даже и в духовном отношении, и покорно предавать себя воле Божией. [3, с. 347.]

—

Познание немощей своих есть познание существенно нужное для христианина. Оно ведет к смиренномудрию, а это – к духовному разуму. Кому Господь восхощет даровать Свой разум, тому Он открывает особенно его немощи. [3, с. 306.]

—

Истинное смирение – Божественное таинство: оно недоступно для постижения человеческого. Будучи высочайшею премудростью, оно представляется буйством для плотского разума. [3, с. 307.]

—

Ложное смирение так ослепляет человека, что вынуждает его не только думать о себе, намекая другим, что он смирен, но открыто говорить это, громко проповедовать. [3, с. 307.]

—

Ничто так не враждебно смирению Христову, как смиренномудрие своевольное, отвергшее иго послушания Христу и под покровом лицемерного служения Богу святотатственно служащее сатане. [2, с. 535.]

—

Вид смирения, приуготовляющий к терпению скорбей пред пришествием их и способствующий к благодушному терпению скорбей по пришествии их, святыми отцами назван **самоукорением**. [2, с. 536.]

О посте

Если... пост не украсится плодом покаяния, то и постный подвиг останется тщетным. Этого мало: он принесет нам вред, усилив в нас самомнение и самоуверенность. Таково свойство всех телесных подвигов и видимых добрых дел. Если мы, совершая их, думаем приносить Богу жертву, а не уплачивать наш неоплатный долг, то добрые дела и подвиги соделываются в нас родителями душепагубной гордости. [1, с. 20.]

—

Установление поста – Божие установление. Первая заповедь, данная Богом человечеству, – заповедь о посте. Она была необходимо нужною для нас в раю, до падения нашего, тем нужнее она по падении. Заповедь о посте дана в раю, повторена в Евангелии. Вознесем мысли к Божественному установлению поста и созерцанием этого установления оживим, как бы душою, самый подвиг поста. [1, с. 86.]

—

Подвиг поста не принадлежит исключительно телу, подвиг поста полезен и нужен не единственно для тела – он полезен и нужен преимущественно для ума и сердца. [1, с. 86.]

—

Пристрастие к земле, к кратковременной земной жизни, к ее сладостному, к ее великому и славному, самая склонность к греху сделались свойственными падшему естеству, как свойственны недугу производимые им беспорядочные влечения и ощущения. Мы пригвождены к земле, прилеплены к ней всею душою – не только телом, соделались совершенно плотскими, лишены духовного ощущения, не способны к помышлениям небесным. Заповедь о посте опять является первою, необходимою для нас заповедью. Только при помощи поста мы можем отторгнуться от земли; только при помощи поста мы можем противостоять увлекатель-

ной силе земных наслаждений; только при помощи поста мы можем разорвать союз с грехом; только при помощи поста дух наш может освободиться от тяжких оков плоти; только при помощи поста мысль наша может возникнуть от земли и воззреть к Богу! [1, с. 87, 88.]

—

Святые отцы нарекли пост основанием всех добродетелей, потому что постом сохраняется в должной чистоте и трезвенности ум наш, в должной тонкости и духовности наше сердце. Тот, кто колеблет основание добродетелей, колеблет все здание добродетелей. [1, с. 89.]

—

Пост приемлется Богом, когда предшествует ему великая добродетель – милость; посту готовится награда на небе, когда он чужд лицемерства и тщеславия; пост действует, когда сопряжена ему другая великая добродетель – молитва. И как действует? Не только укрощает страсти в человеческом теле, но вступает в борьбу с духами злобы, побеждает их. [1, с. 96.]

—

Пост доставляет уму трезвенность, а молитва есть оружие ума, которым он отгоняет от себя невидимых супостатов. Пост смиряет душу, освобождая ее от ожесточения и напыщения, являющихся от пресыщения, а молитва постящегося делается особенно сильною, произносится не поверхностно, произносится из самой души, из глубины сердца, направляет, возносит его к Богу. [1, с. 97.]

—

Не только во время святых постов, назначенных святою Церковью, будем смирять наши тела умеренным употреблением пищи, пищи известного качества, но и в прочее время будем употреблять пищу благоразумно, соразмерно существенной нужде, для поддержания телесных сил и телесного здоровья. [1, с. 109.]

—

Пост – это сильное орудие, когда он предоставлен самому себе, когда из орудия он уже претворяется как бы в цель жизни, в цель тщеславия, делается для подвижника орудием самоубийства. [1, с. 103.]

—

Пост вводит христианина в состояние духовное. Очищенный постом – смирен духом, целомудрен, скромен, молчалив, тонок по чувствам сердечным и мыслям, легок по телу, способен к духовным подвигам и умозрениям, способен к приятию Божественной благодати. [2, с. 134.]

—

Неумеренный пост, т. е. продолжительное излишнее воздержание в пище, не одобряется святыми отцами: от безмерного воздержания и происходящего от него изнеможения человек делается неспособным к духовным подвигам, часто обращается к объедению, часто впадает в страсть превозношения и гордости. [2, с. 137.]

—

Закон поста, будучи по наружности законом для чрева, в сущности есть закон для ума. [2, с. 133.]

—

Вновь созданному человеку, введенному в рай, дана единственная заповедь, заповедь – о посте. Конечно, дана одна заповедь потому, что она была достаточна для сохранения первозданного человека в его непорочности. [2, с. 133.]

—

Правила поста установлены Церковью с целью вспоможения чадам ее, как руководство для всего христианского общества. При этом предписано каждому рассматривать себя с помощью опытного и рассудительного духовного отца и не возлагать на себя поста, превышающего

силы: потому что, повторяем, пост для человека, а не человек для поста; пищу, данную для поддержания тела, не должно разрушать его. [2, с. 139.]

—

Умеренное, благоразумное, постоянное воздержание от пищи и питья делает тело легким, очищает ум, дает ему бодрость, а потому служит также приготовлением к молитве. Невоздержание чрева соделывает тело тяжелым, дебелим, ожесточает сердце, потемняет ум множеством испарений и газов, восходящих из желудка в мозг. Едва встанет пресыщенный или насытившийся на молитву – сонливость и леность нападают на него, множество грубых мечтаний рисуются в его воображении, сердце его не способно придти в умиление. [2, с. 145.]

О гордости

Самомнение и гордость в сущности состоят в отвержении Бога и в поклонении самому себе. Они – утонченное, труднопонимаемое и трудноотвергаемое идолопоклонство. [1, с. 25.]

—

Гордый смотрит на себя как на самобытное существо, а не как на создание Божие; земная жизнь представляется ему бесконечною, смерть и вечность – несуществующими. Промысла Божия нет для него: он признает правителем мира разум человеческий. Все помышления его пресмыкаются по земле; жизнь его принесена всецело в жертву земле, на которой хотелось бы ему учредить непрестанное наслаждение грехом. [1, с. 171.]

* * *

Гордость и самомнение, исходатайствование и погибель человечеству, не видят и не сознают падения в природе человеческой: они видят в ней одни достоинства, одни совершенства и изящества; самые недуги душевные, самые страсти почитают доблестями. [1, с. 172.]

* * *

Удел несчастных горделивцев, преисполненных самомнения и плотского мудрования, – вечная смерть, смерть души, состоящая в решительном отчуждении от Бога, в усвоении себе ненависти к Богу и человечеству, той ненависти, которою заразил себя сатана и которую он сообщает всем, вступившим в общение с ним. [1, с. 388.]

—

Молитва гордых уничтожается рассеянностью. Они лишены власти над собою: не повинуются им ни мысли их, ни чувствования. Их ум не может сосредоточиваться в самовоззрение, от которого рождается в душе чувство покаяния и умиления. [1, с. 348.]

—

Гордый человек! Ты мечтаешь так много и так высоко о уме твоём, а он – в совершенной и непрерывной зависимости от желудка. [2, с. 133.]

—

Гордость приводит нервы в движение, разгорячает кровь, возбуждает мечтательность, оживляет жизнь падения; смирение успокаивает нервы, укрощает движение крови, уничтожает мечтательность, умерщвляет жизнь падения, оживляет жизнь о Христе Иисусе. [2, с. 129.]

—

Страсть гордостная действует иначе, нежели страсть блудная или гневная. Эти две страсти действуют очевидно, и самые оправдания их и лукавство в оправданиях яснее. А гордость вкрадывается неприметно. Ее посевают способности, пышность, а паче похвалы человеческие.

Хотя, по-видимому, мы не принимаем похвал и не соглашаемся внутренне с похваляющими, но тайная печать похвал остается на уме и сердце, и когда случится уничтожение, то оно бывает тягостно, и тем тягостнее, чем более мы были налиты похвалами. Этим самым доказывается существование печатей и тайное вселение гордости. [3, с. 93.]

—
Какой страшный недуг душевный – самомнение! Оно в делах человеческих лишает гордого помощи и совета ближних, а в деле Божиим, в деле спасения оно лишило и лишает надменных фарисеев драгоценнейшего сокровища – дара Божия, принесенного с неба Сыном Божиим, лишило и лишает Божественного Откровения и соединенного с принятием этого Откровения блаженнейшего общения с Богом. [1, с. 170.]

О лицемерии

Лицемерство, рождаясь от тщеславия, то есть от искания похвалы и славы человеческой, питает успехами своими тщеславие. Когда же тщеславие достигнет зрелого возраста, тогда действие его из порывов обращается в постоянное стремление; тогда из тщеславия образуется безумная и слепая страсть – гордость. Гордость есть смерть души в духовном отношении: душа, объятая гордостью, не способна ни к смирению, ни к покаянию, ни к милости, ни к какому помышлению и чувству духовным, доставляющим живое познание Искупителя и усвоение Ему. [1, с. 127.]

—
Господь наш Иисус Христос, заповедав нам ^пред вступлением в подвиг поста прощение ближним их согрешений, повелел самый пост тщательно охранять от лицемерства. Как червь, зародившийся внутри плода, истребляет всю внутренность плода, оставляя только его оболочку, так и лицемерство истребляет всю сущность добродетели. [1, с. 127.]

—
И предстоит лицемер человечеству, облеченный в ризу сугубого обмана: на наружности его видна добродетель, которой, в сущности, он вовсе не имеет, в душе его видны самодовольство и напыщенность, потому что он, прежде всего, обольщен и обманут в самом себе. Болезненно наслаждается он убивающим его тщеславием, болезненно наслаждается обманом ближних, болезненно и злосчастно наслаждается удавшимся лицемерством. [3, с. 50.]

—
Господь наш Иисус Христос, даровавший нам действительнейшие врачевания против всех недугов наших, телесных и душевных, заповедует врачевать страсть лицемерства в корне ее, в ее начале, в тщеславии. Тщеславие алчет и жаждет славы человеческой. Господь повелел умерщвлять его свойственным ему голодом. Он повелел отнять у тщеславия пищу и питье – человеческую похвалу; повелел тщательно укрывать все добрые дела от взоров человеческих, повелел все добрые дела, самую любовь к ближним, приносить всецело в жертву единому Богу. [3, с. 52.]

—
Иногда фарисеи становятся и в самой глубине храма, особливо когда они – особы сановные, потом внезапно выходят пред народом, чтоб сильнее поразить вместе и явлением сана, и предшествовавшим явлением смирения. Не всегда и лица их выражают самодовольство, они принимают различные виды, смотря по надобности, но они всегда сочиненные. [2, с. 211.]

—
Холодное, поверхностное служение Богу, перемешанное со служением страстям, исповедание Бога устами, без исповедания деятельностью и сокровенною жизнью сердца, при одном исполнении некоторых наружных обрядов и постановлений церковных, признается пустым, душепагубным лицемерством. [1, с. 128.]

—
Когда мы сходимся для дружеской беседы, часто, если не всегда, большая часть этой беседы заключается в пересудах о ближнем, в насмешках над ним, в оклеветании, унижении, очернении его. Льются острые слова рекою, смех и хохот раздаются, как знаки одобрения – в это несчастное время самозабвения и самообольщения души наши приобщаются свойствам демонским и напиваются ядом лицемерства. [3, с. 59.]

—
Ежежелающий предохранить себя от лицемерия должен, во-первых, по завещанию Господа, все добрые дела совершать втайне (Мф. 6); потом должен отречься от осуждения ближнего. Осуждение ближнего – признак лицемерства, по всесвятному указанию Евангелия (Мф. 7: 5). Чтоб не осуждать ближнего, должно отказаться от суждения о ближнем, потому-то в евангельской заповеди, воспрещающей осуждение ближнего, предварительно воспрещено суждение о нем. *Не судите, и не судят вам; и не осуждайте, да не осуждени будете* (Лк. 6: 37). Сперва человеки позволяют себе суждение о делах ближнего, а потом невольно впадают в осуждение. [3, с. 59.]

—
Главный отличительный признак лицемера, первая стрела, пускаемая им на ближнего, есть соблазн и истекающее из соблазна осуждение ближнего. Соблазн в намеренных злодеях часто бывает притворным, сочиненным, как бы правильный предлог к злодеянию, заблаговременно приготавливающий и злодеяние, и оправдание злодеяния; соблазн в зараженных еще ветхостью Адама, хотя бы они были благонамеренны и стремились к спасению, есть признак ветхости и недуг весьма важный и упорный. Недуг этот противодействует покаянию, от которого – очищение. Соблазн есть болезненный взгляд на немощи ближнего, при котором эти немощи возрастают до необъятной, уродливой величины. Соблазн есть исчадие самолюбия, вселяющееся в душу, чуждую любви к ближнему и правильной любви к себе. Господь уподобил этот недуг бревну, в сравнении с которым всякое явное согрешение ближнего есть только сучец. *Не судите*, сказал Господь, *да не судими будете. Имже бо судом судите, судят вам, и в нюже меру мерите, возмерится вам...* Лицемере, изми первое бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего (Мф. 7: 1–5). [2, с. 211.]

—
Лукаво старается грешник обмануть себя и людей! Лукаво старается он представиться праведником пред собою и пред людьми! Оправдаться пред людьми, скрыть пред ними грех свой заставляет иногда самая необходимость, польза ближнего, которого мог бы соблазнить грех наш. Оправдываться пред собою, обольщать, заглушать свою совесть, – всегда незаконно, всегда бедственно; усвоившиеся «слова лукавствия» соделывают человека ожесточенным фарисеем, способным на всякое преступление. Оправдание в согрешениях, не нуждающееся в вымыслах и многословии, оправдание, всегда принимаемое Богом – покаяние. [3, с. 68.]

О воле Божией и человеческой

Нет возможности исполнять вместе волю свою и волю Божию: от исполнения первой исполнение второй оскверняется, соделывается непотребным. [2, с. 90.]

—
Чтоб последовать Христу, предварительно отречемся от своего разума и от своей воли. И разум, и воля падшего естества вполне повреждены грехом; они никак не примирятся с разумом и волею Божиими. Соделывается способным к усвоению себе разума Божия тот, кто отвергнет свой разум; соделывается способным к исполнению воли Божией тот, кто отречется от исполнения своей воли. [2, с. 87.]

Молись Богу об удалении от тебя напасти и вместе отрекайся своей воли, как воли греховной, воли слепой; предавай себя, свою душу и тело, свои обстоятельства и настоящие, и будущие, предай близких сердцу ближних твоих воле Божией, всесвятой и премудрой. [2, с. 549.]

—

Не волнуйтесь, но и в спокойствии духа предавайтесь воле Божией. Бог ведаёт, что творит и все, что ни творит, творит по великой благодати Своей, по премудрейшим и неисследимым судьбам Своим. Говорите чаще себе: «Буди воля Божия». В сию успокоительную и священную мысль да погружаются ум Ваш и сердце. Да удовлетворяются они ею. Бог Вас да благословит и да даст Вам разум истины и покорность Его святой воле, отчего прозябает мир душевный. [3, с. 315.]

—

Не удивляйтесь слабостям и грехам человеческим. На них смотрит Праведный Господь и милует грешников, ожидая покаяния их: а мы кто такие, чтоб распалиться на братию, недугующую грехом, между тем как сами нечисты пред Всевидящим и Пречистым? Оставим все, не зависящее от нас, на волю Божию, а что зависит от нас, будем то сообразовывать воле Божией или исполнением, или покаянием в неисполнении. *В терпении вашем стяжите души ваша* — завещал нам Господь в Евангелии. [3, с. 305.]

—

Ожесточенные слепые фарисеи, упорно отвергая милость, хотят как бы насиловать Божество и приносить Ему непринимаемые Им жертвы. Они требуют такого же поведения и от прочих людей — не видя его, соблазняются и осуждают. Свойственно фарисеям соблазняться на тех, в которых они не видят фарисейства; свойственно им соблазняться на тех, которые, гнушаясь самолюбием и человекоугодием, стараются угождать в простоте и тайне сердца Богу; свойственно им видеть грех и злонамеренность там, где их нет; свойственно им осуждать, ненавидеть и преследовать истинных служителей Божиих. Они стремились служить и угождать Богу исполнением своей воли и своих разумений, признавая их, наверно, добрыми и истинными, что неестественно для падшего человеческого естества, а не тщательнейшим исследованием и исполнением воли Божией. При таком образе деятельности человек почти постоянно делает зло, признавая его добром, а когда делает и добро, то делает его из себя, почему приписывает его себе, как приписывал фарисей. При этом самое добро делается причиною зла, вводя в человека самомнение, насаждая, питая и возвращая в нем пагубнейшую из страстей — гордость. [1, с. 22.]

—

Все мы принадлежим к числу званых, по неизреченной любви Божией к нам, но весьма немногие из нас включаются в число избранных, потому что включение в число избранных предоставлено нашему собственному произволению. [1, с. 283.]

О правильной христианской жизни

Узнав на опыте, что заповеди Божии исполняются только при обильном содействии Божией благодати, испрашивая себе непрестанно молитвою это содействие, христианин не может не приписывать всех добрых дел своих Божией благодати. Вместе с тем он не может не признавать себя и грешником. С одной стороны, он узнал опытно свои падение и неспособность к исполнению воли Божией одними собственными силами, с другой, он и в самом исполнении заповедей Божиих при помощи благодати видит непрестанные погрешности, вводимые немощью и падением человеческими. [1, с. 24.]

—

Соблюдающий Христовы заповеди – Христов, не соблюдающий их не принадлежит Христу. Рассматривание совести нашей, душевного состояния нашего по евангельским заповедям весьма удобно, крайне душеспасительно, вполне верно. [1, с. 59.]

—

Созидание души, основанное не на исполнении заповедей, но на одних подвигах, непрочно, суетно; не может оно выдержать ни скорбей от людей, ни искушений от бесов, чуждо света, полно мрака и самообольщения. [1, с. 60.]

—

Когда христианин начнет житие по воле Божией, благой, угодной и совершенной (см. [Рим. 12: 2](#)) или по заповедям Нового Завета, тогда внезапно открывается ему падение и немощь естества человеческого [1, с. 61.]

—

Человек, доколе пребывает в падшем естестве своем, доколе погружен во мрак глубочайшего неведения: он не ведает, как должно молиться, и не ведает, о чем ему должно молиться ([Рим. 8: 26](#)), он не способен к служению Богу. Одна вера во Христа доставляет познание Истины; вера, выражаемая исполнением заповедей Христовых, привлекает в сердце верующего благодать Святого Духа, как и боговдохновенный пророк сказал: *Привлекох Дух, яко заповедей Твоих желях* ([Пс. 118: 131](#)). Один истинный христианин, христианин верою и делами, может быть истинным поклонником Бога, поклоняющимся и служащим Богу, как Отцу, Духом и Истиною. [1, с. 169.]

—

Ученики Господа – не те только, которые от имени Его именуются христианами, не те только, которые приняли на себя обеты служения Ему: ученики – те, которые действительно исповедуют Его Господом своим, исповедуют полновластным Владыкою над собою и вечным Царем, последуя Его учению, как учению Господа, исполняя Его заповеди, как заповеди Господа. Исповедание должно быть совершаемо умом, сердцем, словом, делом, всею жизнью. Стыд, робость, колебание – нетерпимы при исповедании. Исповедание требует решительного самоотвержения. Оно должно быть торжественное. Оно должно быть исполнено, как бы на открытом позорище, пред всем человечеством, пред ангелами святыми и пред ангелами падшими, пред взорами земли и неба. [1, с. 174, 175.]

—

Начальной причиной духовного, вечного блаженства для человека служит тщательное изучение Закона Божия и житие по Закону Божию; начальная причина душевного, вечного бедствия заключается в неведении Закона Божия, в житии по внушениям и представлениям лжеименного разума, по влечениям воли, поврежденной, извращенной состоянием падения. [1, с. 230.]

—

Богатеть в Бога значит проводить жизнь богоугодную. Земная деятельность, направленная по евангельским заповедям, доставляет душе нетленное богатство: познание Бога и себя, веру, смиренномудрие, любовь к Богу и ближним. Такая деятельность правильно распоряжается земным достоянием, как даром Божиим, и правильным распоряжением претворяет тленное имущество в нетленное, переносит сокровища свои с земли на небо. [1, с. 266]

—

Когда восстанешь от сна, первая мысль твоя да будет о Боге; самый начаток мыслей твоих, еще не запечатленный никаким суетным впечатлением, принеси Богу. Когда отходишь ко сну, когда готовишься погрузиться в этот образ смерти, последние твои мысли да будут о вечности и о царствующем в ней Боге. [2, с. 141.]

—

Если выпадут свободные минуты в течение дня, употреби их на чтение *со вниманием* некоторых избранных молитв или некоторых избранных мест из Писания и ими снова подкрепи душевные силы, истощаемые деятельностью посреди суетного мира. Если же этих золотых минут не выпадает, то должно пожалеть о них, как о потере сокровища. Что утрачено сегодня, не надо потерять в следующий день, потому что сердце наше удобно предается нерадению и забывчивости, от которых рождается мрачное неведение, столько губительное в деле Божиим, в деле спасения человеческого. [2, с. 299.]

—

Кто, родившись по плоти, *внидет* в *накибытие* (Тит. 3: 5) при посредстве святого крещения и сохранит состояние, доставляемое крещением, при посредстве жительства по Евангелию, тот *спасется*. Он *внидет* в богоугодное поприще земной жизни духовным рождением, и *изыдет* из этого поприща блаженною кончиною, и в вечности вечную, обильнейшую, сладостнейшую, духовную *нажить обрящет* (Ин. 10: 9). [2, с. 85.]

—

Аще кто Мне служит, Мне да последствует (Ин. 12: 26), – сказал Господь. Каждый христианин, обетами произнесенными при святом крещении, принял на себя обязанность быть рабом и служителем Господа Иисуса Христа – последовать Господу Иисусу Христу непременно должен каждый христианин. [2, с. 86.]

—

Святая ненависть к ближним заключается в сохранении верности к Богу, в несоизволении порочной воле человеков, хотя бы эти человеки и были ближайшими родственниками, в великодушном терпении оскорблений, наносимых ими, в молитве о спасении их, отнюдь не в злоречии и не в однородных злоречию действиях, которыми выражается ненависть естества падшего, ненависть богопротивная. [2, с. 92.]

—

Постоянным уклонением от зла и исполнением евангельских добродетелей – в чем заключается все евангельское нравоучение – достигаем любви Божией. Этим же самым средством пребываем в любви к Богу: *Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей* (Ин. 15: 10), – сказал Спаситель. [2, с. 130.]

—

Весьма важно сохранение тела от впадения в блуд, но одного этого недостаточно для боголюбивой чистоты, которою зрится Бог. На нас лежит непременная обязанность очистить самую душу от помышлений, мечтаний и ощущений сладострастных, как то заповедал нам Спаситель наш. [2, с. 339.]

—

Заповеди Христовы даны не только внешнему человеку, но, наиболее, внутреннему: они объемлют все помышления и чувствования человека, все тончайшие движения его. Соблюдать эти заповеди невозможно без постоянной бдительности и глубокого внимания. Бдительность и внимание невозможны при жизни рассеянной. [2, с. 374.]

—

Кто совершит великое дело – установит вражду со грехом, насильно отторгнув от него ум, сердце и тело, тому дарует Бог великий дар: *зрение греха своего*. [2, с. 122.]

При служебных твоих занятиях, посреди людей не позволяй себе убивать время в пустословии и глупых шутках; при кабинетных занятиях воспрети себе мечтательность: скоро истрится твоя совесть, начнет указывать тебе на всякое уклонение в рассеянность, как на нарушение евангельского Закона, даже как на нарушение благоразумия. [2, с. 376.]

—

Сердце, зараженное злобою и неспособное с к заповедуемой Евангелием любви к врагам, должно врачевать теми средствами, на которые указал Господь: должно молиться за врагов,

отноудь не осуждать их, не подвергать злоречию, говорить о них доброе, по силе благодетельствовать им. Этим действием погашают ненависть, когда она возгорится в сердце, содержат ее постоянно обузданною, значительно ослабляют ее. Но полное искоренение злобы совершается действием Божественной благодати. [2, с. 512.]

—

В церкви, когда найдете нужным сесть, садитесь, потому что Бог внимает не тому, кто сидит или стоит, а тому, чей ум устремлен к Нему с должным благоговением. [3, с. 280.]

—

Жизнь человека в миру, в светской жизни, хотя бы и молодого, не снимает с него обязанности вести себя благочестно. Благочестие необходимо не только в отношении к вечности, но и к временному благополучию его: одно благочестие может удержать его от пагубных увлечений, которыми он вредит себе и потрясает любящих его истинно. [3, с. 292.]

—

Тонкое разбирательство грехов своих нейдет человеку, ведущему светскую жизнь: оно будет только ввергать его в уныние, недоумение, смущение. Бог знает наши грехи, и если мы будем постоянно прибегать к Нему в покаянии, то Он постепенно исцелит самую греховность нашу, то есть греховные навыки, качества сердца. Грехи, соделанные словом, делом, сложением помышлений, должно сказать на исповеди отцу духовному; а в тонкое разбирательство духовных качеств, повторяю, не должно светскому человеку пускаться: это ловушка, ставимая ловителем душ наших. Познается же она по производству в нас смущения и уныния, хотя по наружности и облечена в благовидность добра. [2, с. 299.]

—

Постоянное благоговение пред судьбами Божиими необходимо для правильности духовного жительства. В это благоговение в покорность Богу должно приводить себя верою. Все совершающееся совершится или по милости Божией, или по попущению Божию. [Письма к родным и друзьям: Письмо № 521.]

—

Судьба наша в вечности зависит от того образа жизни, который будем проводить во время нашего краткого в ней пребывания. Хотите ли быть храмом Божиим? Желаете ли, чтоб сердце Ваше было сосудом даров благодати? Вручаю Вам Евангелие, пусть оно будет правилом Вашей жизни. Веруйте в него Вашими делами, Вашею жизнью, — не только мыслию, сердцем и устами. Когда читаете эту Божественную книгу, книгу жизни, представляйте себе, что невидимо стоит пред Вами Сам Христос и говорит Вам глаголы, которые *«Дух суть, и Живот суть»*. Не должно начертывать в воображении вида Христова — нет, должно лишь живо и благоговейно ощущать Его всесвятое присутствие.

—

Что желающий любить Спасителя обязан исполнять все Его заповеди, изложенные во святом Евангелии, это ясно засвидетельствовал Сам Спаситель: *«Кто любит Меня, — сказал Он, — тот слово Мое соблюдает... Не любящий Меня, словес Моих не соблюдет»*. Любовь к Богу проистекает от хранения евангельских заповедей и соблюдается в сердце этим хранением: *если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей*. Какой же плод любви к Спасителю? *Кто любит Меня, — отвечает Он, — тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его, и явлюся ему Сам*. Ученик, которого мысль была еще пригвождена к земле, услышав о явлении Спасителя возлюбившему и возлюбленному, думая, что обещающий явиться будет зрим очами телесными, вопрошает: *Господи, отчего это, что Ты хочешь явиться нам, а не миру?* Иисус говорит ему в ответ: *Кто любит Меня, тот слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим*. Это явление — в сердце. Это то явление, о котором сказал апостол Павел: *Уже не я живу, но живет во мне Христос!* Это то явление,

то пребывание Господа, которое должны ощущать все христиане, если они точно христиане! [3, с. 172, 173.]

—

Зрение своих согрешений – не так легко, как может показаться по наружности, при первом поверхностном взгляде. Чтоб стяжать это зрение, нужно много предварительных сведений. Нужно подробное знание Закона Божия, без чего нельзя знать положительно, какие именно дела, слова, помышления, ощущения принадлежат правде, какие – греху. Грех часто принимает вид правды! Нужно знать подробно свойства человека, чтоб знать, в чем заключаются греховные язвы ума, в чем язвы сердца, в чем язвы тела. Нужно знать, что – падение человека? Нужно знать, какие свойства должны быть у потомков нового Адама, чтоб видеть, какие и в чем наши недостатки. Столько-то требуется предварительных сведений, сведений важных, для получения подробного сведения и ясного зрения своих согрешений! К такому зрению приводит истинное безмолвие. Оно доставляет душе устройство, подобное чистым зеркальным водам: в них видит человек и свое состояние и, соразмерно преуспеянию своему, состояние ближних. [3, с. 174.]

—

Дни смиренные, одни нищие духом найдут покой свой, и временный, и вечный. Таков жребий и удел, отделенный Богом для тех, которых Он избрал в духовное, истинное служение Себе. В продолжение земной жизни они должны пребывать в покаянии, чуждыми наслаждений и увеселений тленных – и этим непрестанным покаянием отличаются избранные Божии от сынов мира. Только при посредстве покаяния можно перейти из состояния душевного в состояние духовное. [3, с. 236.]

—

Прилепляйся к Богу верою, прилепляйся к Нему непрестанным покаянием: сердце сокрушенное и смиренное не унижает и не отвергает Бог – уничающий и отвергающий разум разумных о себе и премудрость премудрых пред собою и пред боговраждебным миром. [3, с. 99.]

—

Покорите ум Ваш Христу. Когда ум покорится Христу, то не будем оправдывать ни себя, ни сердца. Когда оправдания оскудеют у сердца, оно приходит в состояние смирения и умиления. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит*, а оправдания – ужасная греховная смерть. [3, с. 211.]

—

На пути благочестивой жизни руководитель – Бог. *Никто не может прийти ко Мне*, – говорит Спаситель, – *аще не Отец Мой Небесный привлечет его*. На сем пути положено и опытное узвание того, что человек есть существо падшее, поврежденное по уму, по сердцу, по телу. Этого опытного знания мы не могли бы получить, если б не видели, что в уме нашем против воли нашей возникают греховные помыслы, в сердце – чувствования, а в теле – движения. Таковое состояние свое, по учению святых отцов, должно переносить с терпением, смиряясь пред Господом и благодушно ожидая исцеления от единого Врача душ и телес наших. [3, с. 212.]

—

Когда не можете сохраниться от шумного общества, то старайтесь сохраниться от многословия и излишних шуток, а когда и от сего не сохранитесь, то умывайтесь в покаянии. [3, с. 212.]

—

Евангелие повелевает быть осторожным с врагами своими, не вверяться им. *Се Аз посылаю вас*, – сказал Господь ученикам Своим, – *яко овцы посреде волков: будите убо мудры яко змия, и цели яко голубие*. Внемлите же от человек: предадут бо вы на сонмы, и на соборищах

их биют вас... Будете ненавидими всеми имене Моего ради (Мф. 10: 16–17, 22). Итак, самим Евангелием предписана осторожность в отношении ко врагам и, по возможности, мудрое с ними обхождение. Вражду производит дух мира, часто она заступает место плотской любви. Но и самая плотская любовь очень похожа на вражду. [3, с. 231.]

—

И услугу, и оскорбление, сделанные ближнему, принимает Христос, как бы они сделаны были Ему – Господу. Когда должно отказать в чем брату, откажи с тихостью и вместе твердостью, объяснив невозможность исполнить его желание. Если же когда увлечешься и согрешишь в чем, по свойственной всем человекам немощи, не предавайся унынию. Напротив того, немедленно прибегай с раскаянием к Господу, моли Его, чтоб простил тебя – и простит тебе. [3, с. 70.]

—

Возложись на Господа: в терпении твоём стяжешь душу твою. Терпение подается верою, а вера зависит от произвола человеческого, потому что она естественное свойство нашего ума. Кто захочет, тот тотчас может ее иметь в нужной для него мере. [3, с. 43.]

—

Блаженны те, которые с самоотвержением следуют истинному евангельскому учению, которые отреклись от удовлетворения похотениям тела и похотениям души! Похотения падшего тела греховны, греховны и похотения падшей души. Она всюду ищет осуществить свое «я», соделаться каким-то отдельным, самостоятельным, первенствующим существом, для которого должно существовать все прочее. Евангелие требует, чтоб такая жизнь была умерщвлена, чтоб человек признал Бога Богом, а сам встал на свое место – в разряд созданий. По умерщвлении безумной, мечтательной, на самом деле несуществующей жизни может явиться истинная жизнь, с преизобильным ощущением существования – жизнь о Боге. [3, с. 230.]

—

Не очень заглядывайся на обстоятельства жизни: не стоят они – идут, быстро мчатся, сменяются один другим. И сами мы мчимся к пределу вечности! А кто заглядится на обстоятельства, кому они представятся недвижущимися – удобно впадает в уныние. [3, с. 231.]

—

Величайшее, единственное благо для человека – познание Бога. Прочие блага в сравнении с этим благом недостойны называться благами. Оно – верный залог вечного блаженства, и в самом земном странствовании нашем оно доставляет высшие и обильнейшие утешения. В величайших бедствиях и скорбях, когда уже все прочие утешения делаются недостаточными, бессильными, оно сохраняет всю свою силу. Оно – величайший дар Божий. Блаженнейшее, высшее служение на земле – привлекать в себя этот дар Божий покаянием и исполнением евангельских заповедей, сообщать его ближним. Счастлив тот, кому вверено такое служение, как бы он ни был ничтожен по наружности. [3, с. 232.]

—

Уважаю все добродетели, но ни одна из них не возбуждает во мне такого уважения, как великодушное терпение переменчивости земного счастья. На поле битвы человек часто бывает героем от кипения в нем крови – в переворотах жизни можно быть героем только от величия души. [3, с. 173.]

—

Ничто тленное, преходящее не может удовлетворить человека. Если оно кажется удовлетворяющим – не верьте ему: оно только льстит. Недолго будет льстить, обманет, ускользнет, исчезнет, оставит человека во всех ужасах нищеты и бедствия. Божие – положительно, вечно. Вначале оно, подобно малейшему зерну, появляется в сердце в виде малейшего благого влечения, желания; потом начнет возрастать мало-помалу, обьет все мысли, все чувствования, обьет и душу, и тело; сделается подобным дереву, великому и ветвистому. Птицы небесные,

т. е. ангельские помышления и созерцания, придут витать на ветвях его. Это должно совершиться над христианином во время земной жизни. Над кем оно совершается, тот при вступлении в вечность увидит себя гобзующим духовными сокровищами – залогами нескончающегося блаженства. Такое состояние – уже здесь, на земле, вечное блаженство, прежде явного вступления в вечность смертью тела. Такая жизнь – уже отселе вечная жизнь. [3, с. 237.]

—
Никтоже бо нас, – сказал апостол, – себе живет, и никтоже себе умирает. Аще убо живем, Господеви живем; аще же умираем, Господеви умираем: аще убо живем, аще умираем, Господни есмы (Рим. 14: 7–8). Оставшись жить на земле, живи не для себя, а для Господа: живет для Господа тот, кто живет для исполнения Его воли; живет для себя тот, кто живет для исполнения своих пожеланий. Последний хотя и кажется для смотрящих одними чувственными глазами живым, но душою он мертв, вменяется как бы несуществующим для Господа, не вписан в книгу живота, имя его внесено в другие книги. Господь для него – как бы несуществующий. Нет Бога для того, кто не верует живою верою в Бога! (см. Еф. 2: 12). Первый не умирает: телесную смертью он только переходит в большее развитие жизни. [3, с. 239.]

—
Не только должно исповедать Господа, не только должно признать Божество и владычество Его – должно исповедать учение Его, должно исповедать заповеди Его. Заповеди исповедуются исполнением их. Исполнение их, в противность обычаю, общепринятым в человеческом обществе, есть исповедание Господа и слов Его пред человеками. [1, с. 176.]

—
Найдите наслаждение в творении добродетелей! Лишь прикоснетесь к совершению их, как вас встретит это духовное, святое наслаждение, и покажутся вам гнусными наслаждения плотские. От подаваемой вами милостыни начнет являться в вас живая вера, которою вы усмотрите и познаете опытно Бога. Свойственно милости рождать веру, и вере – милость. Воздержание от угождения плотским похотениям доставляет уму чистоту, и воззрение ума на землю и на все земное изменяется: ему открывается, чего он доселе не видел, тленное в тленном и временное во временном; помышления его отселе начинают возноситься к вечности: он находит существенно нужным осмотреть благовременно, изучить ее необозримую область. *Сотворите себе други от мамоны неправды*, увещевает Евангелие, называя мамоною неправды вещественное имущество, а друзьями – святых ангелов и тех святых человеков, которые уже отошли отсюда в вечность: нам подобает им усвоиться добродетельною жизнью и причастием Божественной благодати во время земного странствования нашего. [1, с. 236.]

—
Получив свыше дар терпения, внимательно бодрствуй над собою, чтоб сохранить, удержать при себе благодать Божию. Не то грех неприметно вкрадется в душу или тело и отгонит от нас благодать Божию. [2, с. 550.]

—
Занятие полезное, в особенности занятие служебное, сопряженное с ответственностью, не препятствует к сохранению внимания к себе – оно руководствует к такому вниманию. Тем более руководствуют ко вниманию монастырские послушания, когда они исполняются должным образом. Деятельность – необходимый путь к бдительности над собою, и этот путь предписывается святыми отцами для всех, которые хотят научиться вниманию себе. [2, с. 375.]

—
Кто хочет быть истинным христианином, то есть уверовать во Христа, усвоить себе Христа и быть усвоену Христом, тот должен *отречься от себя*. Он должен признать свои грехи грехами, а правды – смрадным рубищем блудницы – души, вступившей в преступное общение с грехом. [1, с. 181.]

О любви к ближним

Очевидно: чтоб возлюбить ближнего, как самого себя, предварительно нужно правильно полюбить себя. Любим ли мы себя? Несмотря на странность этого вопроса – нового и занимательного только как будто по излишеству в нем – должно сказать, что весьма редкий из человеков любит себя. Большая часть людей ненавидит себя, старается сделать себе как можно больше зла. Если измерить зло, соделанное человеку в его жизни, то найдется, что лютейший враг не сделал ему столько зла, сколько сделал зла человек сам себе. Каждый из вас, взглянув беспристрастно в свою совесть, найдет это замечание справедливым. Какая бы тому была причина? Какая причина тому, что мы почти беспрестанно делаем себе зло, между тем как постоянно и ненасытно желаем себе добра? Причина заключается в том, что мы правильную любовь к себе заменили самолюбием, которое внушает нам стремиться к безразборчивому исполнению пожеланий наших, нашей падшей воли, руководимой лжеименным разумом и лукавою совестью (Евр. 10: 22). [1, с. 259.]

—

Полюбивший правильно самого себя может богоугодно любить ближнего. Сыны мира, недугующие самолюбием и поработанные ему, выражают любовь к ближнему безразборчивым исполнением всех пожеланий ближнего. Ученики Евангелия выражают любовь к ближнему исполнением относительно его всех святых заповедей Господа своего; удовлетворение пожеланиям и прихотям человеческим они признают душепагубным человекоугодием и страшатся его столько же, сколько страшатся и убегают самолюбия. Самолюбие есть искажение любви по отношению к самому себе, человекоугодие есть искажение любви по отношению к ближнему. Самолюбец губит себя, а человекоугодник губит и себя, и ближнего. Самолюбие – горестное самообольщение; человекоугодие усиливается и ближнего соделать общником этого самообольщения. [1, с. 261.]

—

Обширное поприще благодарения и славословия открывается пред христианином, проводящим благочестивую жизнь по заповедям евангельским, не допускающим себе ослепляться суетными пристрастиями и попечениями, взирающим постоянно к пристанищу вечности. Все временное проходит своею чредою. Будущее делается настоящим, настоящее прошедшим. Все бывшее прошло и не воротится; все будущее настанет на кратчайшее время, чтоб соделаться прошедшим. [1, с. 288.]

—

Правильная любовь к ближнему заключается в исполнении относительно его евангельских заповедей, а отнюдь не в исполнении прихотей ближнего, не в действиях относительно его по влечениям падшего сердца, по расчетам и понятиям лжеименного разума. Исполнение евангельских заповедей относительно человеков по большей части непонятно и неприятно для них; они ищут и требуют, чтоб была исполняема воля их, чтоб были удовлетворяемы страсти их. Это они называют любовью, и эту любовь, исполненную лицемерства, лукавства, обмана, приносят сыны мира тем, кто нужен им в видах земного, плотского преуспевания. Эту неправильную любовь, это искажение любви, эту ненависть, прикрытую личиною любви, Писание называет человекоугодием. [1, с. 257.]

—

Естественная любовь доставляет любимому своему одно земное – о небесном она не думает. [2, с. 123.]

—

Воздавай почтение ближнему, как образу Божию, почтение в душе твоей, невидимое для других, явное лишь для совести твоей. Деятельность твоя да будет таинственно сообразна тво-

ему душевному настроению. Воздавай почтение ближнему, не различая возраста, пола, сословия, и постепенно начнет являться в сердце твоём святая любовь. Причина этой святой любви – не плоть и кровь, не влечение чувств – Бог. [2, с. 127.]

—

Что может быть прекраснее, насладительнее любви к ближнему? Любить – блаженство, ненавидеть – мука. Весь закон и пророки сосредотачиваются в любви к Богу и ближнему (Мф. 22: 40). [2, с. 123.]

—

Любовь к ближнему есть стезя, ведущая в любовь к Богу, потому что Христос благоволил таинственно облечься в каждого ближнего нашего, а во Христе – Бог (1 Ин.). [2, с. 123.]

—

Естественная любовь наша повреждена падением, ее нужно умертвить – повелевает это Христос – и почерпнуть из Евангелия святую любовь к ближнему, любовь во Христе. [2, с. 123.]

Пламеннейшая естественная любовь легко обращается в отвращение, в непримиримую ненависть (2 Цар. 13: 15). [2, с. 124.]

—

Та любовь, которая принадлежит к числу наших естественных свойств, находится в греховном повреждении, объемлющем весь род человеческий, все существо каждого человека, все свойства каждого человека. [2, с. 124.]

—

Совершенство любви заключается в соединении с Богом, преуспевание в любви сопряжено с неизъяснимым духовным утешением, наслаждением и просвещением. Но в начале подвига ученик любви должен выдержать жестокую борьбу с самим собою, с глубоко поврежденным естеством своим: зло, природнившееся грехопадением естеству, сделалось для него законом, воюющим и возмущающим против Закона Божия, против закона святой любви. [2, с. 130.]

—

Делай, что можешь полезного и что позволяет закон твоим любимым, но всегда поручай их Богу – и слепая, плотская, безотчетливая любовь твоя обратится мало-помалу в духовную, разумную, святую. [2, с. 127.]

—

Любовь к Богу основывается на любви к ближнему. Когда изгладится в тебе памятозлобие, тогда ты близок к любви. Когда сердце твое осенится святым, благодатным миром ко всему человечеству, тогда ты при самых дверях любви. Но эти двери отверзаются одним только Духом Святым. Любовь к Богу есть дар Божий в человеке, приготовившем себя для принятия этого дара чистотою сердца, ума и тела. По степени приготовления бывает и степень дара, потому что Бог и в милости Своей – правосуден. [2, с. 130.]

—

Господь завещал любовь к врагам и для стяжания этой любви повелел благословлять клянущих, творить добро ненавидящим и молиться за причиняющих напасти, за подвергающих изгнаниям (Мф. 5: 44). Любовь ко врагам доставляет сердцу полноту любви. В таком сердце вовсе нет места для зла, и оно уподобляется благодатью своею всеблаговому Богу. К этому изящному нравственному состоянию апостол приглашает христиан, когда говорит: *Облецытесь убо, яко избранныи Божии, святы и возлюбленны, во утробы щедрот, благодать, смирennemудрие, кротость и долготерпение: приемлюще друг друга и прощающе себе, аще кто на кого имать поречение: якоже Христос простил есть вам, тако и вы* (Кол. 3: 12–13). Совершенною любовью к ближним доставляется усыновление Богу (Мф. 5: 45), то есть благодать Святого Духа привлекается в сердце, и изливается в него всевятая любовь к Богу. [2, с. 512.]

—

О любви к ближнему мы знаем из учения отцов, что она бывает двух родов: естественная и евангельская, или о Христе. Естественная насаждена в нас при нашем сотворении и потому непременно есть в каждом человеке. Она повреждена, как и прочие благие свойства, падением, или прародительским грехом, а потому в каждом человеке подвержена большим или меньшим, кратким или продолжительным изменениям. Христос, исцеляющий все наши недуги дивным образом, исцеляет и поврежденную любовь: заповедует Себя – Господа любить в человеках. Этим возводит любовь на высочайшую степень горячности, дарует ей чистоту, духовность, святую – и погашается пламенем любви о Христе нестройный, дымный пламень плотской любви, смешанной, составленной из мечтательного, несуществующего наслаждения и жестокого, убийственного мучения. [3, с. 51.]

—

Истинная любовь строга и, являясь в делах, не нуждается в личине – ласковости и лести, которыми непременно прикрывает себя самолюбие для обмана ближних. [3, с. 358.]

—

Если б не было поношающих, оскорбляющих и гонящих нас, то мы никогда не возмogli бы прийти в любовь ко врагам, заповеданную Евангелием, составляющую высшую заповедь между заповедями, данными нам по отношению к ближнему. Отсюда входим в чистоту сердечную, которой является и которою любитесь Бог. [3, с. 84.]

—

Любовь, превозносимая миром, признаваемая человеками их собственностью, запечатленная падением, недостойна именоваться любовью: она – искажение любви. [3, с. 230.]

—

Сердце Ваше да принадлежит единому Господу, а в Господе и ближнему. Без этого условия принадлежать человеку – страшно. *Не бывайте раби человеком*, сказал апостол. [3, с. 229.]

—

Любовь духовная постоянна, беспристрастна, вся – в Боге, объемлет всех ближних, всех любит равно, но и с большим различием. *Любите враги ваша*, – говорит Евангелие, – *благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющих вы* (Мф. 5: 44). Здесь ясно и определенно изображено, в чем должна состоять любовь к врагам: в прощении нанесенных ими обид, в молитве за них, в благословении их, т. е. в благих словах о них и в благодарении Бога за наносимые ими напасти, в благодарении им соответственно силам и духовному преуспеванию, в благотворении, которое может простираться до вкушения телесной смерти для спасения врага. Пример такой любви к врагам явил Спаситель. [3, с. 231.]

—

Любовь должна питаться беспредельным Богом – мало для нее пищи в ограниченных свойствах человеческих, хотя бы и прекрасных. [3, с. 218.]

—

Истинная, святая любовь к Богу и ближнему отчетливо изображена в евангельских заповедях; правильное, непорочное действие ее является в исполнении евангельских заповедей. *Кто любит Меня*, – сказал Господь, – *заповеди Моя соблюдет*. В такой любви не может быть ни мечтательности, ни плотского разгорячения, потому что исполнение Христовых заповедей совершается новоначальными с насилем над собою, с таким насилем, что оно названо распятием, а преуспевшими и ощутившими благодатное осенение – с обильным ощущением мира Христова. Мир Христов есть некоторый тонкий духовный хлад: когда он разольется в душе, она пребывает в высоком молчании, в священной мертвости. [3, с. 230, 231.]

—

Иные находят, что уединение – ближайшее средство к духовному успеху, а другие говорят, что приводит в духовный успех – любовь к ближнему. Моему сердцу более нравится

последнее, потому что любовь к ближнему – неперенный долг каждого, а к безмолвию способны немногие. [3, с. 50.]

–

Не подумайте, братия, что любовь от само-отвержения приобретает несвойственную ей суровость, а от исключительного исполнения евангельских заповедей утрачивает теплоту, делается чем-то холодным и машинальным. Нет! Евангельские заповеди изгоняют из сердца плотской огонь, который очень скоро потухает при какой-либо, иногда самомалейшей противности, но они вводят огонь духовный, которого не могут погасить не только злодеяния человеческие, но и самые усилия падших ангелов (Рим. 8: 38–39). [1, с. 261.]

–

Ощувивший любовь духовную с омерзением о будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви. [2, с. 126.]

–

Смирение и преданность Богу убивают плотскую любовь. Значит, она живет сомнением и неверием. [2, с. 127.]

О греховной жизни

Ужасна пустота души, которую производит греховная жизнь! Невыносима мука от страстных греховных помышлений и ощущений, когда они кипят, как черви, в душе, когда они терзают подчинившуюся им душу, насируемую ими душу! Нередко грешник, томимый лютыми помышлениями, мечтаниями и пожеланиями несбыточными, приходит к отчаянию, нередко покушается он на самую жизнь свою, и временную, и вечную. [1, с. 8.]

–

Наслаждения твои пагубны и тебе, и душе: ими возбуждается плотское мудрование, любовь к суетному миру и к временной, земной жизни; ими подавляются движения духовные, воспоминание о смерти и вечности; ими укрепляются страсти; ими ослабляется самая вера во Христа. Строгость к себе приносит неисчислимую пользу: очищает ум, оживляет душу, саму себя, брнную плоть, соделывает легкою, способною к подвигам духовным и к ощущению духовному. [2, с. 127.]

–

Всякий род греховной жизни заключает в себе сопротивление и противодействие Богу; всякий род греховной жизни есть нарушение Закона Божия, есть отриновение воли Божией. [3, с. 58.]

–

К чему, в видах Божиих, существовать долее миру, когда мир, то есть человечество, отвергнет совершенно ту цель, для которой предоставлено ему Богом странствование на земле, когда оно изберет для этого странствования цель самопроизвольную, цель, лишенную смысла? Цель эта уже избирается! При этой цели кратковременная земная жизнь принимается за вечность, все силы души и тела истощаются человеком не для приготовления себя к вечности; истощаются они, приносятся в жертву несбыточной, нелепой мечте; истощаются они на устройство высшего плотского благоденствия и блаженства в гостинице земной, в темнице нашей, как бы в самом прочном вечном жилище. Жестоко обманывает мечта ложная последователей своих: поступает она с ними, как бесчеловечный тиран, как лютый демон. Она – демон! Ничто не может быть злее ее, ничто не может быть коварнее, лживее ее. Она – насмешка падших духов над людьми. Льстит гибельная мечта людям на всем пути земной жизни; изменяет им на конце жизни, предает их действительности, оставляет ни с чем. Они вступают в вечность, несколько не приготовленные к ней, несколько не ознакомленные с нею. Этого мало: они вступают в нее, усвоив себе настроение, вполне враждебное к ее духовным благам, к соб-

ственному благополучию в ней. Где место за гранями времени для таких плевелов? Нет и не может быть для них иного места во вселенной, как в бездне ада: там должны быть они скрыты от взоров вселенной. [3, с. 57, 58.]

—

Не видит слепотствующий грешник ни Бога, ни вечности, ни себя, ни назначения, для которого создан человек, ни смерти, ожидающей его и всех человеков, неминуемой ни для него, ни для кого из человеков. Несчастный! Он действует из слепоты своей, действует для погубления себя, действует для одного суетного и временного, гоняется за одними призраками. И приходит забытая им смерть, срывает его с поприща деятельности его, представляет на суд Божий, о котором он никогда не думал, к которому он вовсе не приготовился. Началом возвращения к зрению для слепотствующего грешника служат сознание и исповедание слепоты, оставление деятельности, совершаемой под водительством этой слепоты. [1, с. 129.]

—

Многие, упоенные жизнью для плоти, не только забыли о предметах духовных, но начали из упоения своего отвергать существование Бога, невидимого мира, самой души своей. Точно! Для их ощущения прекратилось существование этих предметов. Они отвергли бы и самую видимую смерть, если б возможно было отвергнуть ее. Они отвергают значение ее, называя ее уничтожением человека. Такое понятие мирит с плотскою жизнью, одобряет плотскую жизнь. Усвоивший себе это понятие свободно может *веселиться на вся дни светло*, исполнять все прихоти, попирает все святейшие обязанности, все добродетели, лишь бы сохранены были благовидность и приличие пред очами мира. Человек, проводивший таким образом земную жизнь, отчуждивший себя от Бога во времени, стяжавший все богопротивные свойства, добровольно отвергнув усвоение Богу, естественно, отходит по кончине своей в страну, обреченную в жилище существ, отверженных Богом — отходит он туда за отвержение Бога. Низвергается в адскую темницу чуждый Богу, хотя бы он не был открытым злодеем. [1, с. 129, 130.]

—

Разврат рождается от уклонения от Бога, от всецелого устремления к земным занятиям и вещественному развитию. Когда думать о Боге, когда возделывать свое спасение тому человеку, который постоянно и исключительно занят земными делами, вещественным развитием? Но всякий человек, пренебрегший познанием Бога и попечением о своем спасении, занявшийся всецело устройством своего временного положения по плоти и для плоти, непонятным и неприметным образом для себя развивает свое падшее естество, свою невещественную душу соделывает как бы вещественною; омрачается, становится чуждым Богу, становится весь — грех, весь — плоть; отвергается Богом, как совершенно уничтоживший в себе цель, с которою он возван Творцом в бытие из небытия. [1, с. 130.]

—

Плотской человек всецело погружен в греховные наслаждения. Он сладострастен и по телу, и по сердцу, и по уму, он не способен не только к духовному наслаждению и к приятию Божественной благодати, но и к покаянию. Он не способен вообще к духовным занятиям: он пригвожден к земле, утонул в вещественности, заживо — мертв душою. [2, с. 84.]

—

Христианин, доколе проводит произвольную греховную жизнь, противную евангельским заповедям, не признается христианином, хотя имеет право на это наименование, присовокупившись к святому христианскому племени крещением. Что пользы в исповедании словами при отвержении делами? [2, с. 84.]

—

Те, которые небрегут о упражнении в слове Божиим, о исполнении святых Божиих заповедей, пребывают в горестном омрачении греховном, в плену у греха. [1, с. 17.]

—

Ничто так не потрясает целомудрия, как навык к дерзости, к свободному обращению, отвергнутому уставам скромности. [1, с. 18.]

—

Самолюбие и привязанность к временному и суетному – плоды самообольщения, ослепления, душевной смерти. Самолюбие есть извращенная любовь к себе. Безумна и пагубна эта любовь. Самолюбивый, пристрастный к суетному и преходящему, к греховным наслаждениям – враг самому себе. Он – самоубийца: думая любить себя и угождать себе, он ненавидит и губит себя, убивает себя вечною смертью. [3, с. 58.]

—

Удел всех человеков на земле, удел неизбежный ни для кого – смерть. Мы страшимся ее, как лютейшего врага, мы горько оплакиваем похищаемых ею, а проводим жизнь так, как бы смерти вовсе не было, как бы мы были вечны на земле. [3, с. 58.]

—

Кто ж не верует в Сына Божия? – Не только тот, кто открыто, решительно отвергает Его, но и тот, кто, называясь христианином, проводит греховную жизнь, гоняется за плотскими наслаждениями; тот, у кого бог – чрево; тот, у кого бог – серебро и золото; тот, у кого бог – земная слава; тот, кто почтил земную мудрость, враждебную Богу, как бы бога. *Всяк бо делаяй злая, ненавидит Света, и не приходит к Свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть; творяй же истину, грядет к Свету, да явятся дела его, яко о Бозе суть соделана* (Ин. 3: 20–21). [3, с. 540.]

—

Для гибели человека достаточно одного порочного навыка: он будет постоянно открывать вход в душу всем грехам и всем страстям. [1, с. 130.]

—

Величайшая разница: согрешать намеренно, по расположению к греху – и согрешать по увлечению и немощи, при расположении благоугождать Богу. Величайшая разница: проводить греховную жизнь, проводить жизнь, удовлетворяя всем пожеланиям, всем страстям своим – и преткаться по причине немощи, ограниченности, по причине греховной заразы, шествуя по пути Божию. [1, с. 131, 132.]

—

Можно промотать жизнь, как проматывают имение – можно употребить ее для приобретения блаженной вечности. [1, с. 132.]

—

Мирские разговоры повергают сердце в мрак и отвращают оное от добродетелей. [3, с. 51.]

—

Сочетавшийся с греховными помышлениями и мечтаниями сочетается с самим сатаною и подчиняется ему в сей век и в будущий: почему необходимо бороться с помыслами. [1, с. 125.]

—

Господь *наставит кроткия на суд, научит кроткия путем Своим* (Пс. 24: 9). Чужды этого благодеяния Божия проводящие греховную жизнь, обладаемые, умерщвленные страстями своими: не воскреснут нечестивые духом своим на суд, ниже грешницы в совет праведных (Пс. 1: 5); не получают они духовного разума, который даруется одним служителям Божиим, которым в свое время увенчивается подвиг служителей Божиих. [1, с. 125.]

О прощении ближних

Все, желающие приступить к подвигу поста и молитвы, все, желающие пожать обильные плоды от своего покаяния! Услышьте слово Божие, услышьте завет Божий – и отпустите, простите ближним согрешения их пред вами. [1, с. 45.]

–

Евангелие велит молиться за врагов, благословлять клянущих, творить добро ненавидящим, оставлять ближнему все, что бы он ни сделал против нас. [2, с. 125.]

–

Господь заповедал нам прощать ближним нашим согрешения их против нас: *Аще бо отпущаете, – сказал Он, – человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный. Аще ли не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6: 14–15). Из этих слов Господа вытекает само собою заключение, что верный признак отпущения нам грехов состоит в том, когда мы ощутим в сердце нашем, что мы точно простили ближним все согрешения их против нас. Такое состояние производится и может быть произведено единственно Божественною благодатью. Оно – дар Божий. Доколе мы не сподобимся этого дара, будем, по завещанию Господа, пред каждою молитвою нашею рассматривать нашу совесть, и, находя в ней памятозлобие, искоренять его вышеуказанными средствами, т. е. молитвою за врагов и благословением их (Мк. 11: 25). Когда ни вспомним о враге нашем – не допустим себе никакой иной мысли о нем, кроме молитвы и благословения. [2, с. 513.]

–

Ужасное преступление – обижать, притеснять ближних; ужаснейшее преступление – убийство. Но кто ненавидит своего гонителя, клеветника, предателя, убийцу, памятозлоствует на них, мстит им, того грех очень близок к их греху. Все себе и другим представляется он праведником. *Всяк, ненавидяй брата своего, человекоубийца есть* (Ин. 3: 15), – возвестил возлюбленный ученик Христов. [2, с. 546.]

О человеке

Что значит плотской человек? Именем плотского отмечает Священное Писание того несчастного человека, который пригвожден к земле, который не способен к помышлениям и ощущениям духовным. [2, с. 86.]

–

У падшего человека ощущения заражены грехом и потому, по большей части, действуют неправильно. Редко ветхий человек, необновленный Божией благодатью, может поступить, и то с насилием себе и со значительными упущениями в исполнении, по указанию евангельской заповеди. Неправильное действие болезнующих грехом ощущений бывает наиболее пристрастным, часто страстным. Когда душевный недуг действует умеренно, тогда ощущения запечатлеваются умеренною неправильностью, называемою пристрастиями, когда же недуг действует во всем развитии своем, тогда ощущения превращаются в страсти. Ощущения наши находятся под влиянием помыслов, возникающих в нас самих и приносимых нам духами злобы, врагами рода человеческого. То обуревают нас печаль, то возмущены мы гневом, то увлечены сладострастием, то восхищены тщеславием и гордостью. Этот ветер – напор помыслов – часто бывает так силен, что не находим средств противостать ему, теряемся, приходим в уныние, в отчаяние, приближаемся к гибели. [1, с. 184.]

–

Человек сотворен благим: святой мир сердца и постоянная благодать были его естественными свойствами. Они потрясены, они нарушены падением, впусившим в душу разнообраз-

ные свирепые страсти. Страсти – причина смущений. При воссоздании человека Икупителем, при обуздании страстей наших Его творческою всемогущею силою, вместе с возвращением уму власти над сердцем – возвращаются в сердце мир и благодать. [1, с. 191.]

–

Человек – образ и подобие Бога. Бог, неприступный в величии Своем, Бог, превысший всякого образа, изобразился в человеке, изобразился с ясностью и славой. Так изображается солнце в смиренной капле воды. Существо человека, верховная его сила, которой он отличается от всех земных животных, которой он равен ангелам, дух его есть образ существа Божия; свойства духа человеческого служат в состоянии непорочности своей подобием свойств Бога, Который, начертав всемогущей десницей Свое подобие на человеке, пребывает превыше всякого подобия и сравнения. [2, с. 128.]

–

Нравственная сила человека – дух его. [2, с. 131.]

–

Ужасным мучением сопутствуется расстройство образа и подобия Божия. Если человек внимательно, в уединении, в течение значительного времени, постоянно будет смотреть в себя, то он убедится, что это мучение действует непрерывно – раскрывается и закрывается, смотря по тому, много или мало заглушает его развлечение. [2, с. 132.]

–

Так сильно и обильно усвоился грех падшему естеству нашему, что Слово Божие не оставалось называть его душою падшего человека. [2, с. 356.]

–

Разнородные части, составляющие существо мое – ум, сердце и тело – рассечены, разъединены, действуют разногласно, противодействуют одна другой; тогда только действуют в минутном богопротивном согласии, когда работают греху. [2, с. 122.]

–

Самое существо души нашей – образ Бога. И по падении в грех душа пребывает образом! И вверженная в пламень ада душа грешная в самом пламени ада пребывает образом Божиим! [2, с. 130.]

–

Купели крещения восставляется падший образ, человек рождается в жизнь вечную водой и Духом. Отселе Дух, отступивши от человека при падении его, начинает соприсутствовать ему во время его земной жизни, исцеляя покаянием повреждения, наносимые человеку грехом после крещения и, таким образом, содейвая ему возможным спасение, посредством покаяния, до последнего издыхания. Красота подобия восстанавливается Духом, как и образ при крещении. Она развивается, усовершенствуется исполнением евангельских заповедей. Образец этой красоты, полнота этой красоты – Богочеловек, Господь наш Иисус Христос. [2, с. 134.]

–

Некоторые утверждают, что человеку невозможно быть свободным от порабощения плоти, тем более от помышлений и ощущений блудных, что такое состояние неестественно. Законополагает Бог, ведущий возможное и невозможное для нас, более нежели мы, и потому достижение чистоты и телесной, и сердечной возможно для человека. Законополагает Бог, Творец естества, и потому сердечная чистота не противна естеству человеческому. [2, с. 333.]

–

Человек! Твои развлечения, твои увеселения – обличители живущей внутри тебя муки. Ты ищешь заглушить ее чашей шумных забав и непрерывного развлечения. Несчастный! Едва выпадет для тебя минута трезвения, как ты снова убеждаешься, что мука, которую ты старался уничтожить развлечением, живет в тебе. Развлечение служит для нее пищей, средством укреп-

ления: отдохнув под сенью развлечения, мука просыпается с новыми силами. Она – свидетельство, живущее в самом человеке, свидетельствующее ему о его падении. [2, с. 133.]

–

Душа, не возделанная евангельскими заповедями, и тело, не возделанное трудами благочестия, не способны быть храмом Божественной благодати, храмом Святого Духа. [2, с. 526.]

–

В слезах таинственно живет утешение, и в плаче – радость. Человек, в каком бы ни был земном благополучии, на какой бы высоте ни стоял, в каком бы обилии ни плавал, встречает и переживает такие минуты, часы и дни, в которые нуждается в утешении, доставляемом слезами – утешения в другом утешении не находит. [2, с. 527.]

–

Расстройство образа и подобия удобно каждому усмотреть в себе. Красота подобия, состоящая из совокупности всех добродетелей, осквернена мрачными и смрадными страстями. Черты образа лишены своей правильности, своего взаимного согласия: мысль и дух борются между собой, выходят из повиновения уму, восстают против него. Сам он – в непрестанном недоумении, в омрачении страшном, закрывающем от него Бога и путь к Богу, святой, непогрешительный. [2, с. 132.]

–

Служение человека Богу, законоположенное Богом, ясно и просто. Но мы сделали так сложны и лукавы, так чужды духовного разума, что нуждаемся в тщательнейшем руководстве и наставлении для правильного и благоугодного служения Богу. Весьма часто мы приступаем к служению Богу при посредстве такого способа, который противен установлению Божию, воспрещен Богом, который приносит душам нашим не пользу, а вред. [2, с. 52.]

–

Опасно преждевременное бесстрашие! Опасно преждевременное получение наслаждения Божественною благодатью. Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, ненаученного немощи своей падениями, неопытного в жизни, неискусного в борьбе с греховными помыслами, неознакомленного подробно с лукавством и злобою демонов, с удобоизменяемостью человеческого естества. Человек свободен в избрании добра и зла; хотя бы этот человек и был сосудом Божественной благодати, он может злоупотребить самою благодатью Божиею. По причине ее он может превознестись над ближними; по причине ее он может подвергнуться самонадеянности, последствием самонадеянности обыкновенно бывает нерадение, ослабление в подвиге, оставление его. Вслед за нерадением внезапно, неистово восстают плотские вожделения в душе и теле освященных, увлекают, подобно бурному потоку, низвергают в пропасть блудных поползновений, часто в самую смерть душевную. [2, с. 53.]

–

Надо признавать, и это признание будет вполне справедливым, надо признавать, что все мы, человеки, находимся больше или меньше в самообольщении, все обмануты, все носим обман в себе. Это – следствие нашего падения, совершившегося чрез принятие лжи за истину; так всегда падаем и ныне. [3, с. 172.]

–

Ум человеческий не в состоянии отличить добра от зла: замаскированное зло легко, почти всегда обманывает его. [3, с. 175.]

–

Велика слепота наша! Промысла Божия не усматриваем, и с человеками препираемся, и время драгоценное, на покаяние нам данное, все изнуряем – сего ради мир и от него прозябающие духовные дарования удаляются от сердца нашего. [3, с. 176.]

–

Естество наше повреждено грехом. По этой причине сердце каждого человека производит само собою в большом количестве плевелы. И потому, кто видит возникающие в себе плевелы, никак не должен удивляться этому, как чему-нибудь необыкновенному, не должен приходить в недоумение и малодушие. Так быть должно! Плевелы сердечные делают свое: растут и растут, будучи выхолоты, снова появляются. И мы должны делать свое: полоть и полоть плевелы. Таким положением укореняется в человеке смирение. [3, с. 273.]

—

Человеческое повреждение состоит в смешении добра со злом; исцеление состоит в постепенном удалении зла, когда начинает в нас действовать более добро. Совершенное отделение добра от зла, чистое действие одного добра бывает в одних совершенных, и то на время и по временам. Место, где действует одно чистое добро – Небо, на земле – смешение. [3, с. 152.]

* * *

Очищается... человек, входит в видение Бога любовь к Нему – любовью о Христе к ближнему, или любовью Христа в каждом ближнем, а в чуждом христианства и Христа – любовью к образу Божию. И лишенный славы христианства не лишен славы человечества, есть образ Божий! [3, с. 153.]

—

Обновляется человек, юнеет – от благочестия. Если сравнить земную жизнь человеческую с вечностью, то все мы одинаково молоды и одинаково стары. Мне представляется в цвете и красоте юности, истинно живущим, только благочестивый. Он издает из себя духовную воню бессмертия, слышен живущий в нем и оживляющий его душу Бог. Так для всех ясно ощутительна душа в действиях тела, которое она употребляет, как свое орудие; ощутительно и отсутствие души; его все видят в бездействии, в смраде охладевшего трупа. [3, с. 153.]

—

Блаженны Вы, познавшие различие между добродетелями духовными и душевными, между добродетелями, свойственными одному Новому Адаму, и добродетелями, к которым способен ветхий Адам: между добродетелями евангельскими и добродетелями нашего падшего естества, добродетелями, которых не чужды идолопоклонники, магометане и все прочие люди, уклонившиеся от последования святой Истине. [3, с. 280.]

—

Душа наша находится в связи с телом по сотворению, в зависимости от него – по причине падения. Она заражается греховными недугами, страстями по причине действий телесных; истребляются в ней страсти, вводятся в нее благие навыки, добродетели при посредстве действий телесных. Позволяющий себе действовать по влечению гнева порабощается по причине навыка, образуемого действиями гневной страсти; позволяющий себе действовать по внушениям корыстолюбия заражается страстью сребролюбия, лихоимства, скупости. Подобным образом все страсти входят в душу, основываясь на наружной деятельности человека. [1, с. 358.]

—

Верующего во Христа обнажен против чувств сердечных меч Христов, и он насилует свое сердце, посекая мечом послушания Христу не только явные порочные стремления, но и те стремления, которые, по-видимому, кажутся добрыми, по самой же вещи противоречат евангельским заповедям. А такова вся деятельность человека, направленная по влечениям естества падшего. [2, с. 503.]

—

Господь заповедал отречение от естества падшему и слепотствующему человечеству, не сознающему своего горестного падения, напротив того, видящему в нем какое-то великолепное торжество, ищущему развить это торжество. [2, с. 503.]

Об обществе

Общество человеческое названо грешным и прелюбодейным, потому что оно, в большинстве своем, уклонилось в греховную жизнь, предало и променяло любовь к Богу на любовь ко греху. Обычаи, господствующие в мире, имеющие значение закона, превышшего всех законов, противны, враждебны жительству богоугодному. Жительство богоугодное служит предметом ненависти и насмешек для гордого мира. Чтоб избежать ненависти мира, его преследований и стрел, сердце слабое, неутвержденное верою, склоняется к чело-векоугодию, изменяет учению Господа, исключает себя из числа избранных. [1, с. 176.]

—
Гляжу на мир – вижу: сети диавола умножились, в сравнении с временами первенствующей Церкви Христовой, умножились до бесконечности. Умножились книги, содержания лжеучение; умножились умы, содержащие и сообщающие другим лжеучение; умалились, умалились до крайности последователи святой Истины; усилилось уважение к добродетелям естественным, доступным для иудеев и язычников; явилось уважение к добродетелям прямо языческим, противным самому естеству, взирающему на них, как на зло; умалилось понятие о добродетелях христианских, не говорю уже, как умалилось, почти уничтожилось исполнение их на самом деле; развилась жизнь вещественная; исчезает жизнь духовная; наслаждения и попечения телесные пожирают все время; некогда даже вспомнить о Боге. И это все обращается в обязанность, в закон. *От умножения беззакония изсякнет любви многих* — и тех, которые удержались бы в любви к Богу, если б зло не было так всеобщее, если б сети диавола не умножились до такой бесчисленности. [2, с. 397.]

—
Для тела сколько сетей! Оно само – какая сеть! Как пользуется им миродержец! Посредством тела, снисходя к его унижительным наклонностям и пожеланиям, мы приближаемся к подобию скотов бессловесных. Какая пропасть! Какое удаление, какое ниспадение от Божественного подобия! В эту глубокую, страшно далекую от Бога пропасть мы низвергаемся, когда предаемся грубым плотским наслаждениям, называемым, по их греховной тяжести, падениями. Но и менее грубые плотские наслаждения не менее пагубны. Ради их оставляется попечение о душе, забывается Бог, небо, вечность, назначение человека. Миродержитель старается содержать нас в непрестанном развлечении, омрачении, посредством наслаждений телесных! Чрез чувства, эти двери в душу, которыми она сообщается с видимыми миром, он непрестанно вводит в нее чувственное наслаждение, неразлучные с ним грех и плен. Гремит в знаменитых земных концертах музыка, выражающая и возбуждающая различные страсти; эти страсти представлены на земных театрах, взволнованы в земных увеселениях: человек всеми возможными средствами приводится к наслаждению убившим его злом. В упоении им он забывает спасающее его добро Божественное и кровь Богочеловека, которою мы искуплены. [2, с. 397.]

—
Гонение сделалось еще тоньше: оставлено на произвол верование во Христа, а отвергнуто жительство по заповедям Христовым, принято жительство противоположное им, отчего вера никак не может перейти из вводной в деятельную, тем менее в живую, т. е. духовную. Вера без дел веры, т. е. без исполнения заповедей Христовых, мертва. Самые вводные познания ее остаются для человека крайне темными и сбивчивыми, как необъясненные в нем и ему – деянием, паче Духом Святым. В этом состоянии сбивчивости и темноты мы видим в настоящее время многих, считающих себя христианами и даже учителями Христовой Церкви: из них иной

не верит чудесам Христовым, исчисленным в Евангелии, другой верит одной части учения Христова, а другую отвергает, иной не верит существованию демонов; опять иной думает, не умея различить дел веры от дел естества, что все спасутся за свои добрые дела, и проч., и проч. [3, с. 270.]

—

Ныне соблазны до бесконечности умножились, увлечение ими сделалось почти всеобщим, а сопротивления им почти не видно; по этой причине современная юность меньше подвержена осуждению и заслуживает большее сожаление и снисхождение. [3, с. 27.]

—

Как посмотришь на нашу молодежь, то нельзя не пожалеть ее! Как она ветрена! Как не думает ни о чем кроме удовольствий, расстраивающих и нравственность, и здоровье, приготавливающих самую печальную будущность. [3, с. 351.]

—

Необходима преданность воле Божией в самых попущениях Божиих. Очевидно, что христианство – этот таинственный духовный дар Божий человекам – удаляется неприметным образом (для невнимающих своему спасению) из общества человеческого, пренебрегшего этим даром. [3, с. 316.]

—

Ныне во многом люди дерзнули в установления Святого Духа ввести свои установления. По этой причине сделались установления Небесные земными, духовные – плотскими, святые – греховными, мудрые – нелепыми. Видят несообразность, видят текущее из нее разрушение, но не видят начала, из которого текут бедствия, потому что смотрят при свете собственного падшего разума, а не при свете Божиим. Начало бедствий заключается в непозволительном и гордом презрении велений Святого Духа, в заменении их своими уставами. Вот где причина всеобщего расстройств, причина падения христианства, падения нравственного, всегда предшествующего расстройству гражданскому, предвещающего это расстройство. Есть, в частности, христиане, но утрачено общее одинаковое знание Истины, которым бы все соединялось в одно духовное тело, с одним образом мыслей, в одном духе, под одною общею главою – Христом. Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, свою религию, свой путь, принятые произвольно или случайно, признаваемые правильными или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо, потерявшее связь и единство в истине и духе, представляет духовному наблюдателю вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, никто о ней не заботится; люди уже более не слышат – так отяжелел слух их – спасительного гласа истинного Пастыря, раздающегося из Его святой Церкви, Который еще громко обличает их неправду, возвещает им о пути правом, указывает его. Оглушил их шум земных, лютых попечений, шум увеселений чувственных, шум земного преуспеяния. *Прильпе земли* душа их, не способна к восприятию впечатлений духовных. [3, с. 233.]

—

Вижу многих, называемых счастливыми – без цены для сердца моего жребий их. Лежат мертвецы во гробах мраморных и деревянных с одинаковою бесчувственностью: одинаково бесчувственны они, как к великолепному памятнику, воздвигнутому тщеславию и неведением христианства, так и к смиренному деревянному кресту, который водрузила вера и бедность. Одинаково они жертвы тления. Очень похожи на мертвецов земные счастливы, мертвые для вечности и для всего духовного. Мертвыми нарекло их Евангелие. Возгласим славу Божию в стране и обществе живых! [3, с. 48.]

—

Мы живем в страшный век. Неверие охватило и еще более охватывает землю: соблазны умножились до бесчисленности и еще более умножаются. [3, с. 349.]

—

Ныне очень трудно найти истинного слугу Божия, хотя по наружности никакое время не обиловало так в слугах Божиих, как обилует наше время, провозглашающее о своей положительности (1 Сол. 5: 3). Есть много ведущих Бога и угодных Богу, по свидетельству человеческого, но трудно найти засвидетельствованного Богом боговедца и богочтеца. Свидетельство Божие ясно, как солнце, но мир слеп и потому не видит свидетельства Божия; не видя свидетельства Божия, он заменяет свидетельство Божие свидетельством своим и мнит удовлетвориться. [3, с. 18.]

О правде Божией и человеческой

Несчастлив тот, кто удовлетворен собственною человеческою правдою: ему не нужен Христос, возвестивший о Себе: *Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9: 13). [1, с. 24.]

Зависимость от человеческого общества слабее зависимости семейной. Удобнее уклониться от подчинения требованиям общества, нежели уклониться от подчинения требованиям семейным. Требованиям семейным способствует закон естественный, и, когда эти требования согласны с Законом Божиим, способствует им самый Закон Божий. Служитель Христов часто поставляется в недоумение противоречащими друг другу требованиями, не зная, исполнение которого из них должно признать богоугодным. Недоумение это разрешает предвидевший его Господь, разрешает со всею удовлетворительностью. Вышеприведенные слова Он дополнил нижеследующими: *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10: 37). «Кто предпочитает Моей воле волю родителей или каких бы то ни было сродников по плоти, кто предпочитает их образ мыслей и их умствование Моему учению, кто предпочитает угождение им угождению Мне, тот недостоин Меня». [1, с. 176, 177.]

Затруднения и препятствия к исповеданию Христа, действующие на христианина извне, мало значат в сравнении с затруднениями и препятствиями, которые он находит внутри себя. Грех, живущий в уме, сердце, теле, прямо противоположен исповеданию Христа, исповеданию исполнением заповедей Его; грех упорно противодействует этому исполнению. Самое естественное добро, поврежденное грехом, затрудняет исповедание, усиливаясь внести в это исповедание, смешать с ним исповедание достоинств падшего естества. [1, с. 177.]

Не сознающий своей греховности, своего падения, своей гибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином. К чему Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собою, кто признает себя достойным всех наград земных и небесных? К чему Христос для того, кто, не имея должных понятий о Боге и человеке, не хочет думать о вечности, но всецело погружен в земные попечения и наслаждения, как бы вечный на земле? [1, с. 379.]

Плотское мудрование, его правда и правда падших духов потребуют от тебя, чтоб ты не уронил чести своей и других тленных преимуществ, защитил их. Но ты с мужеством выдержи невидимую борьбу, водимый Евангелием, водимый Самим Господом. [2, с. 125.]

Не признающие своих грехов грехами, а своей правды – непотребным рубищем, оскверненным и истерзанным посредством общения с грехом и сатаной, отчуждаются от Икупителя, исповедуя Его, может быть, устами, деятельностью и в духе своем отвергают Его. [2, с. 334.]

Вся правда наша, – сказал святой пророк Исаия, – *яко порт жены блудницы*. По этой причине Бог, взирая на сердца наши, благоволит об одних сердцах смиренных, исполненных сознания своей греховности, исполненных покаяния, исповедующих ничтожество своего добра естественного, повреждение его падением, приносящих ему желание добра духовного. Может человек совершать душевные добродетели собственными силами, а добродетели духовные в человеке – дар в нем милосердного Бога, подающего этот дар нищим духом, алчущим и жаждущим правды Христовой. [3, с. 235.]

–

На всех нас, человеков, взирает всесовершенный Бог. Пред Его бесконечным добром исчезает добро человеческое, которое так несовершенно, что, по весьма справедливому приговору некоторого святого отца, его скорее можно назвать искажением Закона Божия. [3, с. 234.]

–

Бог управляет миром, у Него нет неправды. Но правда Его отличается от правды человеческой. Бог отверг правду человеческую, и она – грех, беззаконие, падение. Бог установил Свою всесвятую правду, правду Креста – Ею отверзает нам небо. Ему благоугодно, чтоб мы входили в Царство Небесное многими скорбями. [3, с. 123.]

–

Правда вне Креста не приемлется. Вам надобно стяжать мертвость для приятия жизни, погубить душу свою, чтоб приобрести ее. [3, с. 123.]

–

Бесчисленные немощи наших душ и телес (Бэмы повергаем в пучину милосердия Божия. Вся надежда наша на милосердие Божие, а не на правду нашу. [3, с. 310.]

–

Сердце тогда только может наслаждаться с блаженным миром, когда оно пребывает в евангельских заповедях, когда пребывает в них с самоотвержением. Когда же взойдет в него какая другая правда, оно теряет покой свой. [3, с. 218.]

–

Непреложен нравственный закон, по которому люди должны неизбежно пожалеть то, что они посеяли произвольно. Но всемогущество Божие и неограниченная милость Божия могут изменить или смягчить и законную, логичную последовательность твердого нравственного закона. [3, с. 299.]

–

Неискушенная добродетель, – сказали святые отцы, – не добродетель! Если видите кого-нибудь, величаемого от людей православных добродетельным, а он живет без всяких искушений, преуспевает в мирском отношении – знайте: его добродетель, его православие не приняты Богом. В них зрит Бог нечистоту, ненавистную Ему! На нечистоту человеческую Он взирает снисходительно, врачует ее различными средствами; в ком увидит нечистоту бесовскую, от того – отвращается. [3, с. 186.]

О добрых делах

Добрые дела наши и подвиги будем совершать по наставлению Спасителя, – втайне. Принимая участие в церковных последованиях, остережемся от проявления при них каких-либо особенных порывов нашей набожности, которые бы резко отличали нас от братьев наших. [1, с. 72.]

–

Недостойны Бога естественные добрые дела человеческие, истекающие из падшего нашего естества, в котором добро смешано со злом, в котором добро, по большей части, едва приметно во множестве зла. [1, с. 167.]

—
Тщетно прославляет падшее естество свои громкие и великие добрые дела! Такое самохвалство есть свидетельство ужасной слепоты! Такое самохвалство есть невольное обличение качества громких дел человеческих, возбуждаемых и питаемых тщеславием. [1, с. 167.]

—
Когда б добрые дела по чувствам сердечным доставляли спасение, то пришествие Христово было бы излишним, искупление человечества страданиями и крестною смертью Богочеловека – ненужным, заповеди евангельские были бы не нужны. Очевидно, что признающие спасение возможным при одних делах падшего естества уничтожают значение Христа, отвергают Христа. [2, с. 502.]

—
Те, которые дают добрым делам падшего естества незаслуживаемую ими высокую цену, впадают в величайшую душевредную погрешность. [2, с. 331.]

—
Душепагубна погрешность тех, которые, ослепляясь гордостью и самомнением, дают своим добрым делам, делам падшего естества, несвойственную им цену. [2, с. 333.]

—
Слепы те, которые дают важную цену, так называемым ими, добрым делам естества падшего. Эти дела имеют свою похвалу, свою цену, во времени, между людьми, но не пред Богом, пред Которым *еси уклонишася, вкупе непотребны быша* (Рим. 3: 12). Уповающие на добрые дела естества падшего не познали Христа, не поняли таинства искупления, увязают в сетях собственного лжеумствования, воздвигая против своей полумертвой и колеблющейся веры нелепое возражение: «Неужели Бог так не правосуден, что добрых дел, совершаемых идолопоклонниками и еретиками, не вознаградит вечным спасением?» Неправильность и немощь своего суда эти судьи переносят на суд Божий. [2, с. 502.]

* * *

Подающим милостыню Господь заповедал подавать ее в тайне; упражняющимся в молитве повелел молиться в уединении замкнутой клетки; постящимся повелел скрывать пощение (Мф. 6: 18). Добродетели эти должны быть совершаемы единственно с целью угождения Богу, с целью пользы ближнего и души своей. Не только от взоров человеческих должно быть утаено наше духовное сокровище, но и от собственной нашей *шуйцы* (Мф. 6: 3). Похвала человеческая окрадывает наши добродетели, когда совершаем их явно, когда не стараемся скрывать их, и мы неприметным образом увлекаемся к человекоугодию, лукавству, лицемерству. Причиной этого – повреждение наше грехом, болезненное состояние душ наших. Как недугующее тело нуждается в осторожности от ветров, холода, различных яств и напитков, так и недугующая душа нуждается в многообразном хранении. Охраняя наши добродетели от повреждения похвалами человеческими, мы должны охранять их и от живущего в нас зла, этой шуйцы нашей, не увлекаться помыслами и мечтаниями тщеславными, тщеславною радостью и тщеславным услаждением, которые являются в нас по совершении добродетели, отнимают у нас плод ее. [2, с. 513.]

—
Добродетели христианина должны истекать из Христа, из обновленного Им человеческого естества, а не из естества падшего. Как падение наше состоит не в истреблении добра из естества нашего – это отличительный признак падения отверженных ангелов – а в смешении нашего естественного добра с неестественным для нас злом, то падшее естество наше имеет свойственные ему добрые дела и добродетели. Совершают их язычники, магометане и все,

чуждые Христа. Добрые дела и добродетели эти, как оскверненные примесью зла, недостойны Бога, препятствуют общению с Ним, противодействуют спасению нашему. [2, с. 330.]

—

Дела мнимо-добрые, по влечению падшего естества, растят в человеке его *я*, уничтожают веру во Христа, враждебны Богу; дела *веры* умерщвляют самость в человеке, растят в нем *веру*, возвеличивают в нем Христа. [2, с. 503.]

—

Преуспевайте, преуспевайте в делах милосердия! Здешняя жизнь – точно поле, усеянное различными посевами хлеба и овощей, усаженное многочисленными, разнородными плодовитыми деревьями и кустарниками; люди – точно делатели: один способен водиться за виноградными лозами, другой за овощами, иной сеять хлеб, иной землю, иной – лишь исторгать терние. Каждый да трудится в том участке добродетелей, к которым он способен, к которым призван Богом, являющим призвание Свое разумному созданию теми способностями душевными, теми средствами, которые Он даровал этому созданию. Прекрасен участок, нива милосердия вещественного: делатель его вместе и подвизается, и наслаждается. *Милуяй нищаго*, – утешительно наставляет нас Писание, – *взаим дает Богови, по даянию же его воздастся ему* (Притч. 19: 17). Преуспевайте на ниве Вашей: сейте милостыню, жните утешение, очищайте от плевелов пшеницу Вашу, приготовляйте жертву чистую, чтоб Царь Царей, воззрев на нее Своим испытующим и всевидящим оком, признал всю ее достойною небесной житницы. [3, с. 185.]

—

Иисус уготовал добрым делам сторичные награды, и делающему добро излишни похвалы человеческие. [3, с. 186.]

—

Если Вас смущает мысль, что Ваша милостыня не вполне чиста, но с примесью своекорыстия, то знайте, что хлебы Ваши и не могут быть вполне чисты. Добродетели Ваши должны непременно иметь примесь нечистоты, происходящую от немощей наших. [3, с. 64.]

—

Недостаточно быть добрым по естеству – надо быть добрым по Евангелию. Естественное добро часто противоречит добру евангельскому, потому что наше естество находится не в первобытной чистоте, дарованной ему при создании, но в состоянии падения, при котором добро перемешано в нас со злом. И потому это добро, если не выправится и не вычистится Евангелием, само по себе непотребно и недостойно Бога! [3, с. 243.]

—

Святые отцы советуют: когда предположенное и предпринятое доброе дело не удастся совершить с должною точностью, то пополняется недостаток исполнения смирением. В таком случае надо смириться пред Богом: попросить у Него прощения в увлечении и в недостаточном исполнении доброго дела. Хотя и заповедано нам исполнение заповедей, но оно заповедано, как непрменный долг наш, как единственное условие пребывания в общении с Богом, а не как заслуга пред Богом или одолжение Богу с нашей стороны: спасаемся все, без всякого исключения, единственно милостью Божиею. Христос пришел спасти сознающих грешников, а не праведников. [3, с. 355.]

—

Знак того, что дело Ваше приятно Богу и полезно христианству, потому именно, что против таких дел воздвигаются всегда препятствия и скорби, по мнению св. отцов. Препятствиями свидетельствуются такие дела. Напротив того, дела, совершаемые в духе мира сего, во вред и в осуждение души своей и душ ближних, текут как по маслу. [3, с. 318.]

О скорбях

Ничтожно потрясение скорбями пред доставляемым ими познанием Бога. Томление в скорбях кратковременно – существенное познание Бога, соединенное с усвоением Ему, есть сокровище вечное, залог всех вечных благ. [2, с. 151.]

—

С покорностью Богу, с благодарением, славословием Бога истинные служители Божии принимали попускаемые им скорби Промыслом Божиим. Они *благоволили*, как выразился святой апостол Павел, о скорбях своих, находили их полезными, нужными, необходимыми для себя, попускание их признавали правильным, благодетельным. Стремление воли своей они присоединили к действию воли Божией: в точном смысле благоволили к наказаниям и вразумлениям, ниспосылаемым от Бога. [1, с. 162.]

—

Любящим Бога, – сказал апостол, – *вся поспешествуют во благое* (Рим. 8: 28), не только внешние скорби и напасти, но и скорби, производимые восстанием и бурей страстей. Они обнаруживают пред человеком падение его, низводя его с высоты высокоумия и самомнения в состояние самопознания и смирения, открывают совершенную необходимость в Исккупителе, повергают в самоотвержении к ногам Исккупителя. [1, с. 188.]

—

Несущие бремя скорбей должны нести его со смирением, с покорностью Богу, ведая, что оно возложено на них Богом. Если они грешны, то скорби служат воздаянием во времени за грехи их. За сознание своей греховности, за благодушное терпение скорби они избавляются от воздаяния в вечности. Если они невинны, то посланная или попущенная скорбь, как постигшая их по мановению Божию, с всеблагою Божественною целью, prepares им особенные блаженство и славу в вечности. Ропот на посланную скорбь, ропот на Бога, пославшего скорбь, уничтожает божественную цель скорби, лишает спасения, подвергает вечной муке. [1, с. 234.]

—

Если скорби о Христе суть дар Божий, даруемый Богом истинному христианину, то христианин обязан благодарением за скорби опытно доказать свое христианство, должен исповедать и принять дар Божий благодарением за дар. Благодарением укрепляется вера, открываются глубокие таинства христианства, вводится в душу обширное и ясное богопознание действием благодатного мира и духовного утешения, которые бывают непременно последствием благодарения. [1, с. 287.]

—

Никакой произвольный подвиг, никакое произвольное лишение и злострадание не могут принести той пользы душе, какую приносят ей посылаемые Богом невольные скорби.

—

Всякий произвольный подвиг не чужд самомнения и тщеславия, более или менее явных; но подвиг, в который возводится душа скорбью, посылаемою Богом, свободен от упомянутых тонких и губительных страстей. Этим подвигом приносится душе обильное смиренномудрие, доставляется ей истинное покаяние. Посылаемые Богом скорби – верный признак для человека, что человек тот избран Богом, возлюблен Богом. [1, с. 371.]

—

Какой плод временных скорбей, приносимый ими для вечности? Когда святому апостолу Иоанну было показано Небо, один из небожителей спросил его, указывая на бесчисленное собрание светоносных белоризцев, праздновавших пред престолом Божиим свое спасение и блаженство: *Сии облеченнии в ризы белыя, кто суть, и откуда приидоша?* – *И рех ему*, – говорит Иоанн Богослов: *Господи, Ты веши*. Тогда сказал Богослову небожитель: *Сии суть, иже*

приидоша от скорби великия и испра-ша ризы своя, и убелиша ризы своя в Крови Агнца. Сего ради суть пред престолом Божиим и служат Ему день и ночь в церкви Его, и Седяи на престоле вселится в них. Не взалчут ктому, ниже вжаждут, не имать же пасти на них солнце, ниже всяк зной: яко Агнец, Иже посреде престола, упасет я, и наставит их на животныя источники вод, и отъимет Бог всяку слезу от очию их (Откр. 7: 13–17). [1, с. 550, 551.]

—
Если терпишь нищету, или угнетают тебя скорбные обстоятельства, или злоумышляет на тебя и гонит тебя враг твой: оставь без внимания – для того, чтоб твое внимание при молитве не было наветуемо никаким развлечением, никаким смущением – оставь без внимания приносимые тебе воспоминания и помышления о нищете твоей, об обстоятельствах твоих, о враге твоём. Тот, у Кого в полной власти и ты, и обстоятельства твои, и враг твой, говорит возлюбленным Своим: *Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога, и в Мя веруйте* (Ин. 14: 1). [2, с. 156.]

—
Чаша Христова – страдания. Чаша Христова доставляет на земле причастникам своим участие в благодатном Царстве Христовом, приготовляет для них на Небе престолы вечной славы. [2, с. 544.]

—
Если Вы скорбите, то недалеко стезя Ваша от стези угодников Божиих, кои, шествуя посреди многих скорбей и окровавляя ноги свои, достигли Града Небесного Иерусалима, в коем не слышатся воздыхания скорбящих, но раздаётся глас непрестанного радования наследников Царствия Небесного, наследовавших оное скорбями многими. [3, с. 20.]

—
Хотя, по-видимому, и постигла Вас скорбь от человека, но, по сущности, она попущена Богом для Вашего усовершения. [3, с. 20.]

—
Без скорбей невозможно увенчаться венцом евангельским. [5, с. 201.]

—
Кому попускаются скорби, тот, значит, помянут Богом в Царствии Его; а кто живет бескорбно, тот забвен Богом. [Письма к монашествующим: Письмо № 36.]

—
Скорби – особливо удел нашего времени, которому в удел не даны ни подвиг мученичества, ни подвиг монашества. Участок наш, христиан времени последнего, участок скорбей, по-видимому, мелочных, ничтожных. Весы у Бога! Пред Ним, на Его весах всякая скорбь ничтожна, всякая скорбь маловажна, как бы велика она ни была: потому что осенение Его силы и благодати может обратить величайшую скорбь в величайшее наслаждение. Так и маленькая скорбь имеет пред Ним всю ценность, никак не менее великой скорби. Все зависит от Его благодати, а Он милостиво от человека приемлет всякую скорбь, принимаемую с благодарением, с покорностью, со славословием. [3, с. 188.]

—
Святые отцы советуют благодарить Бога за те скорби, которые нам посылаются, и исповедовать в молитве нашей, что мы достойны наказания за грехи наши. Таким образом, принимаемая скорбь послужит нам непременно в очищение грехов наших и залогом к получению вечного блаженства. [3, с. 291.]

—
Чаша скорбей обнаруживает внутренний залог человека: Давид идет в пустыню, а Саул – к волшебнице. [2, с. 502.]

Господь посылает и искушения: кому посылаются скорби, тот, значит, есть часть Божия; а кому идет все как по маслу – тот часть диавола. А когда Господь восхощет взять его из части диаволовой, то берет посланием скорбей. Скорби – чаша Христова на земле. Кто на земле участник чаши Христовой, тот и на Небе будет участником этой чаши. Там она – непреставшее наслаждение. [3, с. 42.]

—

Просвещаемые словом Божиим, мы исповедуем, что временные скорби суть великий дар Божий, который дается избранным рабам Божиим, предуготовленным к вечному блаженству, почему сами себя и возлюбленных наших о Господе, при случающихся скорбях, приветствуем словами апостола: *Всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различная.* [3, с. 100.]

—

Милосердый Господь, избирающий тебя в число Своих, попускает тебе различные скорби, и от людей, и от болезней телесных. Это благой знак – прими его с великодушием и верою. Когда осыпают ругательствами и стараются уловить тебя в чем словами – помани, что тоже делали со Христом – и вкуси благодушно чашу очистительную. [3, с. 44.]

—

Для преодоления иной скорби нужно мужество; для исшествия из другой – мудрость; для избавления от третьей – смирение. Но во всех скорбях, при всех прочих добродетелях, непременно нужно терпение. Ни одна добродетель не может состояться без терпения; добродетель, чтоб пребыть добродетелью, нуждается в терпении. Кто не поколеблется в добродетели, не претерпит в ней до конца, тот теряет свою добродетель. [3, с. 167.]

—

Премудрый Господь установил так, чтоб многими скорбями входить нам в Царствие Небесное, которое мы потеряли, теряем чрез безвременное и незаконное стремление к наслаждению. Все мы, подобно нашему праотцу, склонны простирать дерзновенную руку к запрещенному плоду познания добра и зла, склонны к утешению вещественному, скоро обольщаемся обманчивым призраком духовного рассуждения и добродетели, под личиною которых прячется убивающее нас зло. Скорбь действует противоположно наслаждению, а потому противодействует нашему падению, способствует нашему восстанию. По этим свойствам своим скорбь необходима нам ко спасению. По причине необходимости ее, Спаситель повел стезею скорбей Свое святое стадо в страну блаженства вечного. Тому, кто отказывается от скорбей, Он возвещает решительно: *Иже не примет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин.* [3, с. 168.]

—

Шествие к истинному знанию Бога непременно требует помощи от скорбей: непременно нужно умерщвление сердца для мира скорбями, чтоб оно могло всецело устремиться к исканию Бога. Бог, кого отделяет в ближайшее служение Себе, в сосуд духовных дарований, тому посылает скорби (св. Исаак Сирск.). Он, едва открылся Павлу, как уже определяет ему в удел страдания, возвещает о них. *Аз бо скажу ему, елико подобает ему о имени Моем пострадати* (Деян. 9: 16) – говорит Господь о вновь избранном апостоле. Люди, наносящие скорбь, и скорбные обстоятельства – только орудия во всемогущей деснице Божией. Власы глав наших изочтены у Бога, ни одна из птиц бессловесных не падает без воли Творца своего – неужели без этой воли могло приблизиться к Вам искушение? – Нет! Оно приблизилось к Вам по попущению Бога. Недремлющее Око Промысла постоянно бдит над Вами; всеильная десница Его охраняет Вас, управляет судьбою Вашею. По попущению или мановению Бога приступили к Вам скорби, как мучители к мученику. Ваше злато ввергнуто в горнило искушений: оно выйдет оттуда чище и ценнее. Люди злодействуют в слепоте своей, а Вы соделываетесь на земле и на небе причастником Сына Божия. Сын Божий говорит Своим: *Чашу, юже Аз пью, испиете.*

Не предавайтесь печали, малодушию, безнадежью! Скажите, честнейший отец, Вашим унывающим помыслам, скажите Вашему пронзенному скорбию сердцу: «Чашу, юже дает ми Отец, не имам ли пити от нея» – не подает эту чашу Каиафа, не готовят ее Иуда и фарисеи – все совершает Отец! Люди, произвольно следующие внушениям своего сердца, действующие самовластно, не перестают при том быть и орудиями, слепыми орудиями Божественного Промысла, по бесконечной премудрости и всемогуществу этого Промысла. Оставим людей в стороне: точно – они посторонние! Обратив взоры наши к Богу, повергнем к ногам Его воздымающиеся и мятущиеся помыслы наши, скажем с благоговейною покорностью: *«Да будет воля Твоя!»* Этого мало! Облобызаем Крест, как знамение Христово, руководствующее ученика Христова в Царство Небесное. [3, с. 160, 161.]

—

Веруем, что без воли Божией не может к нам приблизиться никакая скорбь; всякую скорбь, как приходящую от руки Божией, приемлем с благоговейною покорностью воле Божией, с благодарением, славословием всеблагого Бога, непостижимого в путях Его, дивного во всех делах Его. [3, с. 157, 158.]

—

Евангелие научает нас, что никакая скорбь не может нас постичь без воли Божией, – научает нас благодарить Бога за все, по мановению Его, приходящие к нам скорби. [3, с. 158.]

—

Многими скорбями подобает вам внити в Царствие Божие. Кого возлюбит Господь, тому посылает скорби, и они умерщвляют сердце избранника Божия к миру, приучают его витать близ Бога. Во всех скорбях, в числе прочих и в болезни, следующие врачевства приносят душевную пользу и отраду: преданность воле Божией, благодарение Бога, укорение себя и признание достойным наказания Божия, воспоминание, что все святые совершили путь земной жизни в непрестанных и лютых страданиях, что скорби – чаша Христова. Не причастившийся этой чаши не способен наследовать вечное блаженство. [3, с. 220.]

—

Молитесь Господу, чтоб даровал Вам терпение и в скорбях, чтоб Вы видели постоянно над собою Промысл Божий, чтоб от этого возрастала Ваша вера и верность к Богу; и тогда пусть Вас пронзают скорби, очищают от земного и готовят к небесному. [3, с. 305.]

—

Спасется тот, который все скорби, все напасти, какие бы ни попустились ему во время земной жизни, будет благодушно переносить до самой кончины, до дня и часа смерти. Благодушное терпение скорбей есть деятельное, живое сознание своей греховности! Благодушное терпение скорбей есть деятельное, живое познание и исповедание Искупителя! Благодушное терпение скорбей есть последование Господу нашему Иисусу Христу. [1, с. 371.]

О памяти смертной

Воспоминание о смерти сопутствует смиренному дрому на пути земной жизни, наставляет его действовать на земле для вечности и, что чудно, самые действия его воодушевляет особенною благотворностью. Смиренномудрый действует для добродетели, а не по побуждению страстей и не для удовлетворения страстям; следовательно, действия его не могут не быть благотворными для общества человеческого. Смиренномудрый видит себя ничтожною пылинкою среди громадного мироздания, среди времен, поколений и событий человеческих, протекших и грядущих. Ум и сердце смиренномудрого способны принять Божественное христианское учение и непрестанно преуспевать в христианских добродетелях; ум и сердце смиренномудрого видят и ощущают падение природы человеческой и потому способны признать и принять Искупителя. [1, с. 172.]

—
Не свидетельствует ли смерть, постигшая и постигающая постоянно всех человеков, что мы сотворены для вечности, что на земле мы самые кратковременные странники, что по этой причине заботы наши о вечности должны быть главными и наибольшими заботами, а заботы о земле должны быть очень умеренными? Несмотря на всю безрассудность такого направления, оно явится на земле, в неизбежное исполнение Божественного пророчества. Если же оно явилось, то, будучи враждебным слову Божию, служит для нас одним из яснейших доказательств истины слова Божия. [1, с. 268.]

—
Чтоб помнить смерть, надо вести жизнь сообразно заповедям Христовым. Заповеди Христовы очищают ум и сердце, умерщвляют их для мира, оживляют для Христа: ум, отрешенный от земных пристрастий, начинает часто обращать взоры к таинственному переходу своему в вечность – к смерти; очищенное сердце начинает предчувствовать ее. [2, с. 382.]

—
В каком мы страшном ослеплении! Как очевидно доказывается этим ослеплением наше падение! Мы видим смерть наших братьев; мы знаем, что и нам непременно и, может быть, очень скоро предлежит она, потому что никто из человеков не остался навсегда на земле; мы видим, что многим и прежде смерти изменяет земное благополучие, что превращается оно часто в злополучие, похожее на ежедневное вкушение смерти. Несмотря на это столь явное свидетельство самого опыта, мы гоняемся за одними временными благами, как бы за постоянными, за вечными. На них одних обращено все наше внимание! Забыт Бог! Забыта величественная и вместе грозная вечность! [2, с. 98, 99.]

—
Если мы не способны желать смерти, по хладности нашей к Христу и по любви к тлению, то, по крайней мере, будем употреблять воспоминание о смерти, как горькое врачевство против нашей греховности: потому что *смертная память* — так святые отцы называют это воспоминание – усвоившись душе, рассекает дружбу ее с грехом, со всеми наслаждениями греховными. [2, с. 382.]

—
Итак! Помяни и оплачь сам себя заживо, – говорит **память смертная**, – я пришла огорчить тебя благодетельно и привела с собою сонм мыслей, самых душеполезных. Продай излишества твои и цену их раздай нищим, предпошли на небо сокровища твои, по завещанию Спасителя: они встретят там своего владельца, усугубясь вторично. Пролей о себе горячие слезы и горячие молитвы. Кто с такою заботливостью и усердием помянет тебя после смерти, как ты сам можешь помянуть себя до смерти? Не вверяй спасения души твоей другим, когда сам можешь совершить это существенно необходимое для тебя дело! Зачем гоняться тебе за тлением, когда смерть непременно отнимет у тебя все тленное? Она – исполнительница велений всесвятого Бога: лишь услышит повеление – устремляется с быстротою молнии к исполнению. Не устыдится она ни богача, ни вельможи, ни героя, ни гения, не пощадит ни юности, ни красоты, ни земного счастья: преселяет человека в вечность. И вступает смертью раб Божий – в блаженство вечности, а враг Божий – в вечную муку». [2, с. 385.]

—
Воспоминание о смерти, о суде Божию, о вечных муках – хорошо; но когда при этом приходит безнадежие, уныние, отчаяние, то надо знать, что тут есть и примесь бесовская, которая прогоняется верою. [3, с. 274.]

—
Вспомните, всякий человек рождается с тем, чтоб умереть – и сей общей чаши никто из нас избежать не может. Почему о смерти всегда памятовать и часто размышлять должно.

Таковое размышление побудит нас к делам добрым, необходимым для вечного блаженства, и отвратит нас тех злых дел, на которые бы мы решились в забывчивости о смерти. [3, с. 321.]

—

Как верно то, что мы все должны умереть! Что эта жизнь в сравнении с вечностью – ничего не значащее мгновение! Никто из человеков не остался бессмертным на земле. А между тем живем, как бы бессмертные: мысль о смерти и вечности ускользает от нас, делается нам совершенно чуждою. Это – ясное свидетельство, что род человеческий находится в падении; души наши связаны каким-то мраком, какими-то нерушимыми узами самообольщения, которыми мир и время держат нас в плену и порабощении. Нужно усилие, постоянное усилие, борьба с собою, чтоб выплыть из ужасной темной пропасти; нужно терпение, чтоб великодушно перенести все невидимые душевные бури. Искушение в уме и сердце страшнее всех внешних искушений. Никто так не опасен для нас, как мы сами. *Бдите и молитесь*, – сказал Господь, – *да не ввидите в напасть*. [3, с. 169, 170.]

—

К смертной памяти полезно принуждать себя, хотя бы сердце и отвращалось от нее. Она – дар Божий, а понуждение наше к ней – только свидетельство искренности нашего желания иметь этот дар. При понуждении себя нужно и молиться: «Господи, даждь ми память смертную». [3, с. 51.]

—

Все нам, без исключения, предлежит смерть, все мы должны вратами смерти вступить в вечность и пребыть в вечности навсегда. Земная жизнь есть преддверие к вечности. Она – как бы тесная и душная передняя комната пред великолепнейшими и обширнейшими чертогами. [1, с. 280.]

Об искушениях

Искушения необходимы для нас. Они попускаются нам Промыслом Божиим, чтоб мы, угнетенные ими, прибегали к забытому нами Богу, опытно познали Его. *Призови Мя в день скорби твоея*, – увещевает Бог скорбящего, – *и изму тя, и прославиши Мя* ([Пс. 49: 15](#)). [1, с. 185.]

—

Наружные искушения доставляют познание Бога явлением Промысла Его о нас доставляют веру в Промысл Божий, внушают сердцу страх Божий и благоговение к Богу, как к видящему и видимому, склоняют человека к жительству по заповедям Божиим, к уклонению от греха, которым прогневляется Бог. Искушения душевные доставляют более глубокие познания. И подвергаются этим искушениям, деятельному учению и вразумлению ими наиболее и почти единственно те служители Божии, которые всецело посвятили себя служению Богу и занимаются в безмолвии умною молитвою, раскрывающею пред человеком его душу. [1, с. 187.]

—

Надо веровать, что Бог не попускает искушения паче силы: почему пред посылаемым искушением надо смирять свою выю. [3, с. 86.]

—

О случившемся искушении Вам не должно скорбеть, но отдаваться на волю Божию, которая спасает всех спасаемых многообразными скорбями. [3, с. 87.]

—

Что надо знать, что людям, боящимся Бога и чтущим Его, хотя и попускаются на время искушения, но после того непременно следует и избавление от искушений. И так не должно

предаваться печали и безнадёжии, но из среды самого искушения с верою молитвенно вопиять к Богу и ожидать Его помощи. [3, с. 349.]

—

Великое дело: признавать себя достойным искушения и предаваться воле Божией, когда придет искушение. [3, с. 283.]

—

Что может быть тяжелее состояния души, томимой искушениями? Это пребывание во аде, в вечных муках. Воспоминание о них облегчает здешние искушения. [3, с. 284.]

—

Много наши добрые знакомые, говоря о нас доброе, сделали нам зла, потому что люди неблагонамеренные думают, что это – внушение и интриги наши. Напоминать об этом со всею любовью надо всем любящим нас. Впрочем, когда Богу угодно попустить кому искушения, то они придут, возникнут оттуда, откуда их вовсе ожидать невозможно. [3, с. 285.]

—

О приходящих помыслах неверия и хулы о не смущайся. Это явная бесовская брань, которая случалась со многими святыми. [3, с. 232.]

—

Блажен человек, иже претерпит искушение и чрез искушение и терпение внидет в познание закона Божия, а чрез его познание – в живот вечный. Храни ум твой в тишине и преданности воле Божией, удерживай его от порывов и дерзновения. [3, с. 332.]

—

Где ни жить на земле, а искушения сносить должно. По-видимому искушают нас человеки, но они без мановения Промыслителя и коснуться бы нас не могли. Так будем в скорбях наших предавать себя воле Творца нашего и себя почитать достойными скорбей – и почием. [3, с. 19.]

—

Исхождение из искушения не есть переменение мест, но предание себя воле Божией, и самоукоренение, и от сих терпение. Когда будем очень унывать от искушений и роптать на оные, то опасность та предстоит, чтоб не сделаться богоборцами. [3, с. 20.]

—

Будь великодушен: все искушения – только пугалы, чучелы безжизненные, страшные для одних неверующих, для смотрящих одними плотскими глазами. Будь осторожен, благоразумен пред ругателями, подражай Христову молчанию – и ничего не бойся, влас главы твоей не падет. [3, с. 20.]

—

Кому Господь захочет даровать духовное преуспеяние – попускает брани. Душевное искушение вымывает, усмиряет человека, как коня – гонка на корде. [3, с. 332.]

—

Не один очевидный грех отнимает у нас наше духовное сокровище – отнимает его всякое земное занятие, всякое земное положение, когда к ним всецело будет привлечена и прикована душа. [1, с. 282.]

Об осуждении

Для своего греха мы ищем снисхождения и милости, для грехов ближнего – взысканий и казней. Нужна осмотрительность и осторожность – нужна осторожность от самих себя. Не суди по мнению и соображению твоим, составившимся от наговора, от слуха и слухов, от собственного твоего поверхностного наблюдения, но подражай Богу, Который сказал: *Вопль Содомский и Гоморрский умножился ко Мне, и греси их велицы зело. Сошед убо, узрю, аще по воплю их, гря-*

дущему ко Мне, совершаются. Удостоверься самым точным образом и тогда только решайся на осуждение, если требует этого от тебя закон, воспрещающий и самое осуждение ближнего, когда оно производится произвольно, без требования закона. Зависть, ненависть и клевета представили обществу человеческому величайших праведников и Самого Богочеловека – в виде величайших злодеев. [1, с. 202.]

—

Грех осуждения так противен Богу, что Он прогневляется, отвращается от самих угодников Своих, когда они позволяют себе осуждение ближнего: Он отъемлет от них благодать Свою, как это видно из многочисленных примеров, сохраненных церковными писателями для пользы и назидания христианских поколений. Никакая праведность не дает права осуждать грешащего брата, которому Господь весьма удобно может даровать праведность существенную, несравненно большую той, которую мы думаем находить в себе. Мы можем быть праведными собственно правдою Божиею; когда же осуждаем ближнего, то этим самым отвергаем правду Божию, заменяем ее правдою своею, или правильнее – недугом фарисейства. [2, с. 426.]

—

Весь занят попечениями мира, мало озабочен моим душевным бедствием! Жестоко осуждаю малейшие согрешения ближних моих; сам наполнен грехом, ослеплен им, превращен в столп соляной, подобно жене Лотовой, не способен ни к какому движению духовному. [2, с. 122.]

—

Сколько Господь отводит нас от пропасти соблазна и осуждения, сколько истинные рабы Господни удаляются от этой страшной, губительной пропасти – столько, напротив того, диавол влечет нас в нее, прикрывая ее различными оправданиями. Одно из сатанинских оправданий есть безрассудная ревность, принимаемая многими за ревность по благочестию, за святую ревность. [2, с. 123.]

—

Должно с усилием отвлекать себя от осуждения ближних, ограждаясь от него страхом Божиим и смирением. Чтоб ослабить и, с Божией помощью, совершенно искоренить из сердца своего соблазн на ближнего, должно при свете Евангелия углубляться в себя, наблюдать за своими немощами, исследовать свои греховные стремления, движения и состояния. Когда грех наш привлечет к себе наши взоры, некогда нам будет наблюдать за недостатками ближнего, замечать их. Тогда все ближние покажутся нам прекрасными, святыми; тогда каждый из нас признает себя величайшим грешником в мире, единственным грешником в мире; тогда широко отверзнутся для нас врата, объятия истинного, действительного покаяния. [2, с. 513.]

—

Господь воспретил не только осуждать ближних, но и судить их (Лк. 6: 37, Мф. 7: 1), когда не представляется необходимости учинить суд правильный для своей и общественной пользы. Последнего рода суд есть *взящее закона* (Мф. 23: 23), по определению Господа: без такого суда добро не может быть отделенным от зла, наша деятельность не может быть правильною и богоугодною. Этот суд редко встречается между людьми, но судом и осуждением, воспрещенными Господом, они занимаются непрестанно. По какой причине? По причине совершенного невнимания себе, по причине забвения своей греховности, по причине совершенного пренебрежения покаянием, по причине самомнения и гордости. Господь пришел на землю спасти грешников, а потому от всех людей непременно требуется сознание в греховности; суждение же и осуждение ближних есть отвержение этого сознания и присвоение не принадлежащей себе праведности – из нее-то и производится суждение и осуждение: имя лицемера для всякого судящего и осуждающего ближних есть им самое свойственное (Мф. 7: 5). [2, с. 515.]

Об окамененном нечувствии

По наставлению святых отцов, для уничтожения нечувствия нужно со стороны человека постоянное, терпеливое, непрерывное действие против нечувствия, нужна постоянная, благочестивая, внимательная жизнь. Такою жизнью наветуется жизнь нечувствия, но одними собственными усилиями человека не умерщвляется эта смерть духа человеческого: уничтожается нечувствие действием Божественной благодати. [2, с. 201.]

—

Камень — это недуг души, которым хранят в неприкосновенности все прочие недуги и который святые отцы называют *нечувствием* (*Лествица. Слово 18-е*). Что это за грех? О нем мы и не слышали, скажут многие. По определению отцов, *нечувствие* есть умерщвление духовных ощущений, есть невидимая смерть духа человеческого по отношению к духовным предметам — при полном развитии жизни по отношению к предметам вещественным. Случается, что от долговременной телесной болезни истощаются все силы, увянут все способности тела, тогда болезнь, не находя себе пищи, престаёт терзать телосложение; она покидает больного, оставляя его изнуренным, как бы умерщвленным, неспособным к деятельности по причине изнурения страданиями, по причине страшной, немой болезненности, не выражающейся никаким особенным страданием. То же самое совершается и с духом человеческим. Долговременная нерадивая жизнь — среди постоянного развлечения, среди постоянных произвольных согрешений, при забвении о Боге, о вечности, при невнимании, или при внимании самом поверхностном, заповедям и учению Евангелия — отнимает у нашего духа сочувствие к духовным предметам, умерщвляет его по отношению к ним. Существовая, они перестают существовать для него, потому что жизнь его для них прекратилась: все силы его направлены к одному вещественному, временному, суетному, греховному. [3, с. 321.]

О клевете

Как многие из людей увлекаются злыми слухами о ближних и клеветою! Многие добрейшие, благонамереннейшие, даже умнейшие люди совершили великие злодеяния, будучи обмануты злым слухом, поверив клевете, соделавшись легкомысленно орудием неблагонамеренности, злоумышленности. Отчего это? Оттого, что они забыли об основании всех добродетелей, о богоугодном *суде* (*Вящая закона: суд, и милость, и веру. — Слова Спасителя. — см. Мф. 23: 23*). Оставление суда естественно ведет к действиям безрассудным. История человечества неоспоримо свидетельствует, что злодеяниями добродетельных людей были действия безрассудные, или, что то же, действия, не предваренные судом. [5, с. 38.]

—

Между душевными недугами нашими, произведенными в нас падением, замечается невидение своих недостатков, стремление скрыть их и вместе жажда видеть, раскрывать, карать недостатки ближнего (*Святой Исаак Сирский. Слово 89-е. О вреде ревности безрассудной*). За неимением средств к открытию недостатков в ближнем или по причине несуществования в нем тех недостатков, которые желалось бы нам видеть, прибегаем к вымыслам, прикрывая, украшая и подкрепляя их блестящими острыми словами. Свой недостаток представляется нам извинительным, ничтожным — недостаток ближнего усиливаемся увеличить, представить его достойным всякого порицания, всякого наказания. Этот душевный недуг развит в невнимающих себе в высшей степени, но и во внимающих своему спасению он существует. [5, с. 39.]

О подвигах

Первоначально нужен усиленный телесный подвиг: нужны коленопреклонения, утомляющие тело, смиряющие душу; нужны продолжительные стояния и всенощные бдения, нужна молитва устная и гласная, молитва, соединенная с плачем и воплем, когда мы находимся наедине, в келейном затворе, и можем плакать и стенать свободно; нужна негласная молитва с негласным плачем сердца, когда мы находимся в обществе людей. [1, с. 337.]

—

Телесный подвиг заключается в исполнении евангельских заповедей телесно. Сюда относятся: подаяние вещественной милостыни, принятие странных, участие в разнообразных нуждах и страданиях нуждающегося и страждущего человечества. Сюда относятся целомудрие тела, воздержание от гнева, от роскоши, от увеселений и рассеянности, от насмешек и пересудов, от всех слов, которыми выражается злоба и нечистота сердца. Сюда относятся пост, бдение, псалмопение, коленопреклонения, стояние на молитве в храме и в келье. Сюда относятся монастырские послушания и другие наружные подвиги. Телесный подвиг требует непрерывной деятельности тела: он переходит от одного телесного доброго дела к другому, а иногда совокупляет в себе и несколько благих деланий, совершая их в одно время. Телесный подвиг постепенно очищает душу от страстей и знакомит ее с духом Евангелия. Евангельские заповеди, будучи исполняемы на деле, мало-помалу передают исполнителю живущие в них глубокую мысль и глубокое чувство, сообщают исполнителю Истину, Дух и Жизнь. Телесный подвиг имеет свой предел и конец: эти предел и конец заключаются в решительном переходе подвижника к подвигу духовному. [1, с. 354, 355.]

—

Телесный подвиг очень часто скрадывается весьма важным недостатком. Недостаток этот заключается в том, когда подвижник упражняется в подвиге безрассудно, когда дает подвигу излишнюю цену, когда совершает телесные подвиги для них самих, ошибочно заключая в них и ограничивая ими все житие свое, все богоугождение свое. [1, с. 356.]

—

Есть подвиг телесный, есть подвиг умственный и душевный, есть подвиг веры. Подвиг телесный и подвиг умственный одни, сами по себе, не только бесполезны – вредны: они растят в человеке его «я». Тщетно думаем ими противостоять греху: только более и более запутываемся в его сетях, погружаемые в его пропасти. Стяжи подвиг веры! Им сокрушишь всех врагов твоих. Подвиг веры умерщвляет человеческое «я», оживает Бога для человека – живой Бог совершает знамения в земле Египетской, вводит Израиль в землю обетованную, избивает от лица его иноплеменников дождем каменным и громами небесными, созидаст стены Иерусалима. Стяжи подвиг веры – и будешь всемогущ, будешь всегда победителем. Тогда захочешь ли употребить в дело подвиг телесный, или подвиг душевный – увидишь их ожившими, возможшими о Господе. Если же захочешь обойтись без них, одною челюстью ослею – смирением – поразишь иноплеменников. Верую возвеличь в себе Бога, и Он возвеличит тебя бесстрашием и духовным разумом. [3, с. 157.]

—

Господь любит смирение, а безумной ревности к сверхсильным подвигам, каким бы то ни было, не приемлет, потому что в стремлении к сверхсильному подвигу – гордость и самомнение. Подвиг сверх силы, по учению святых отцов, очень вреден и приносит или смущение, или самомнение, или то и другое попеременно, что и служит доказательством, что в сверхсильном подвиге нет истины, но он есть ложное состояние души. [3, с. 105.]

О благодарности

Благодарность – редкая добродетель между людьми. К несчастью, слышится и слышится между нами торжественный возглас, сопровождаемый торжественным хохотом: «Я сорвал то и то с того-то!» Этим возгласом выражается страшная испорченность души. Что значит этот возглас? Он знаменует, что извлечено благодеяние лестью, притворством и другими подобными средствами, что лицо, подчинившееся обману и оказавшее благодеяние, подвергается наруганию за самое благодеяние свое. [2, с. 127.]

—

Силен яд греха, которым мы отравлены: с зараженные им люди способны ненавидеть не только своих благодетелей – людей, способны ненавидеть Бога. [2, с. 127.]

О грехах

Смертный грех есть тот, который убивает с вечной смертью душу человека, совершившего такой грех. Если человек умрет в смертном грехе, не принеся в нем должного покаяния, то демоны похищают его душу и низводят ее в подземные, мрачные и душные пропасти, во ад на вечное мучение. Смертные грехи суть следующие: ересь, раскол, отступничество от веры христианской, богохульство, волшебство и колдовство, человекоубийство и самоубийство, блуд, прелюбодеяние, противоестественные блудные грехи, пьянство, святотатство, грабеж, воровство и всякая жестокая бесчеловечная обида. Из смертных грехов только для одного самоубийства нет покаяния; прочие же смертные грехи, по великой, неизреченной милости Божией к падшему человечеству, врачуются покаянием. Покаяние в смертном грехе состоит в том, чтоб исповедать грех духовному отцу, приняв от него епитимию, и впредь в этот грех не впадать. [1, с. 373, 374.]

—

Что значат грехи не смертные? Это грехи помышлением, словом, делом в ведении и неведении, которые не убивают души, но только более или менее уязвляют ее. Этих грехов не чужды и святые; но святые бодрствуют над собою и, заметив согрешение, в которое увлекла их общая людям немощь, тотчас врачуют его покаянием. Если последует разлучение души с телом в то время, как человек не успел омыть свои не смертные грехи покаянием, то душа не низводится по причине этих грехов во ад – ей попускается на пути к небу, на воздухе, истязание от духов лукавых, в соучастии с которыми совершаются людьми грехи, и предоставляется искупить согрешения добрыми делами. Если душа имеет достаточно добрых дел, в особенности если она во время земной жизни подавала много милостыни, то она искупает эту милостыню и прочими добрыми делами согрешения: ей отверзаются врата небесные, и она входит на небо для вечного упокоения и радования. Но случается, что у души бывает так много не смертных грехов и так мало добродетелей, что она за множество грехов не смертных низводится во ад. [1, с. 374, 375.]

—

Святые отцы уподобляют смертный грех тяжелому камню, а не смертный грех – ничтожному зерну песка. Если навязать один большой камень на шею человека и погрузить его в глубину, то он потонет: так достаточно одного смертного греха, чтоб потопить душу в пропастях ада. Несколько зерен песка не составляют почти никакого груза: так и в святых Божиих не смертный грех, весьма умалившийся и измельчившийся постоянным наблюдением за собою и постоянным покаянием, не имеет почти никакого влияния на их вечную участь. Но этот же не смертный грех в душах, преданных земным попечениям, в особенности земным увеселениям,

получает необыкновенную тяжесть и наравне со смертным грехом низвлачает окаянную душу во ад. [1, с. 375.]

—

Сколько дух выше тела, столько добродетель, совершаемая духом, возвышеннее добродетели, совершаемой телом; сколько дух выше тела, столько грех, принятый и совершенный духом, тягостнее и пагубнее греха, совершаемого телом. Грех тела очевиден – грех духа весьма часто малоприметен, иногда совсем неприметен для людей, погруженных в попечения мира. Тем более он страшен, тем вернее удары его, тем неисцельнее язвы, им наносимые! [1, с. 207.]

—

Если ты стяжал навык к грехам, то учащай исповедь их – и вскоре освободишься из плена греховного, легко и радостно будешь последовать Господу Иисусу Христу. [2, с. 102.]

—

Грехом было любодеяние, когда владычествовал Ветхий Завет; грехом было оно, как бесчестие естества, как злоупотребление важным свойством естества, как нарушение законов естества. Преступление признавалось столь значительным, что виновный в нем казнился смертною казнью. В Новом Завете этот грех получил новую тяжесть, потому что тела человеческие получили новое достоинство. Они соделались членами тела Христова, и нарушитель чистоты наносит уже бесчестие Христу, расторгает единение с Ним, *уды Христовы* претворяет в *уды блудницы* (1 Кор. 6: 15). Любодей казнится смертью душевною. [2, с. 333.]

—

От впавшего в грех блуда отступает Святой Дух: согрешивший признается впавшим в смертный грех, в грех, отъемлющий спасение, в грех – залог неминуемой гибели и вечного томления во аде, если этот грех не уврачуется благовременно покаянием. [2, с. 333.]

—

Грех – причина всех скорбей человека: и во времени, и в вечности. Скорби составляют как бы естественное последствие, естественную принадлежность греха, подобно тому как страдания, производимые телесными недугами, составляют неизбежную принадлежность этих недугов, свойственное им действие. Грех в обширном смысле слова, иначе падение человечества, или вечная смерть его, объемлет всех людей без исключения; некоторые грехи составляют печальное достояние целых обществ человеческих; наконец, каждый человек имеет свои отдельные страсти, свои особенные согрешения, принадлежащие исключительно ему. Грех, во всех этих различных видах, служит началом всех скорбей и бедствий, которым подвергается вообще человечество, подвергаются человеческие общества, подвергается каждый человек в частности. [1, с. 186, 187.]

—

Согрешения, которые мы привыкли совершать, с нам кажутся легкими, как бы они ни были тяжки. Согрешение для души новое ужасает ее, и не скоро она решится совершить его. [2, с. 380.]

—

Грешны пред Богом ропот, нетерпеливость, малодушие, особливо же отчаяние – уродливые чада преступного неверия. [2, с. 547.]

—

Вот только может увидеть грех свой, кто решительным произволением отрекся от всякой дружбы со грехом, кто встал на бодрой страже во вратах дому своего с обнаженным мечом – глаголом Божиим, кто отражает, посекает этим мечом грех, в каком бы виде он ни приблизился к нему. [2, с. 122.]

—

Иной человек ненавидит грех свой, но так привык ко греху, так бессилён для борьбы против него, что не перестаёт впадать в ненавидимый, мерзостный грех, увлекаясь насилием преобладающего навыка. [3, с. 191.]

—

Грех человека уничтожается исповеданием греха, а самые корни греха истребляются борьбою с греховными помыслами и повторением исповедания, когда помыслы начнут одолевать. [3, с. 101.]

—

Самый тяжкий грех – отчаяние. Этот грех унижает всесвятую Кровь Господа нашего Иисуса Христа, отвергает Его всемогущество, отвергает спасение, Им дарованное, показывает, что в душе прежде господствовали самонадеянность и гордость, что вера и смирение были чужды ей. Более, нежели от всех других грехов, надо храниться, как от смертоносного яда, как от лютого зверя, от отчаяния. Повторяю: отчаяние – злейший грех между всеми грехами. Созревшее отчаяние обыкновенно выражается самоубийством или действиями, тождественными самоубийству. [2, с. 192.]

—

Действия, оправдываемые по отношению к промыслу Божию, не перестают иметь свое значение в отношении к действующим людям, и зло нельзя назвать добром. [3, с. 193.]

О страстях

Страсти оспаривают меня одна у другой, непрерывно передают одна другой, возмущают, тревожат. И не вижу своего горестного состояния! На уме моем непроницаемая завеса мрака, на сердце лежит тяжёлый камень нечувствия. [2, с. 121.]

—

Страсти – злые навыки, добродетели – навыки благие. Здесь говорится о страстях и добродетелях, приобретенных и усвоенных себе человеком при посредстве его деятельности, при посредстве его жительства. Иногда в писаниях отеческих называются страстями различные свойства недуга, произведенного в нас падением, различные виды греховности, общей всем человекам – с этими страстями мы родимся; добродетелями называются естественные, природные, благие свойства человека. Такие страсти и такие добродетели не налагают никакой решительной печати на человека – налагает ее склонность, усваиваемая произвольно, усваиваемая постоянным или частым удовлетворением ее, постоянным исполнением требований ее. [2, с. 380.]

—

Страсти противоестественны непорочному естеству нашему, каким оно было создано; противоестественны страсти и естеству обновленному – они естественны падшей природе. Как естественны всякой телесной болезни свойства этой болезни, так естественны болезни и смерть нашему телу, утратившему бессмертие и свойства бессмертия. До падения бессмертие было естественно нашему телу, болезни и смерть были неестественны. [2, с. 524.]

—

Каждое сопротивление, оказанное требованию к страсти, ослабляет ее; постоянное сопротивление низлагает ее. Каждое увлечение страстью усиливает ее, постоянное увлечение страстью порабощает страсти увлекающегося ею. [2, с. 524.]

—

Необходим подвиг для христианина, но не подвиг освобождает христианина от владычества страстей – освобождает его десница Вышнего, освобождает его благодать Святого Духа. [2, с. 525.]

—

Чем обнаруживаются страсти? Помыслами, мечтаниями и ощущениями греховными. Помыслы и мечтания иногда внезапно являются уму, иногда татебным образом подкрадываются к нему, подобно этому возникают и ощущения в сердце и теле. Греховные помыслы, мечтания и ощущения влекут к совершению греха на самом деле, или, по крайней мере, к услаждению и пленению греховными помыслами, мечтаниями, ощущениями, к совершению греха в воображении и чувстве. [2, с. 529.]

—

Человек, до искупления рода нашего Спасителем, не мог противиться страстям, хотя бы и хотел: они насильно увлекали его, они властвовали над ним против воли его. Христианин, при посредстве святого крещения, свергает с себя иго страстей: он получает силу и возможность противиться страстям, попирая их (преподобного аввы Дорофея, поучение 1-е: об отвержении мира). Но и искупленному человеку, человеку обновленному, помещенному в духовном раю – в Церкви – предоставлена свобода: по произволу своему, он может или противиться страстям и победить их о Господе, или покоряться и поработиться им. Так и в чувственном раю предоставлено было на произвол первозданному человеку или повиноваться заповеди Божией, или преслушать ее. [2, с. 525.]

-

Не тревожься восстающими страстями, старайся по возможности противиться им: человек, доколе на земле и облечен в брненное тело, доколе подвержен изменениям: то чувствует сердечный мир и спокойствие, не возмущаемое никакою страстью, то находится в обуревании страстей. Такая изменчивость научает нас самопознанию, смирению; научает прибегать непрестанно к помощи Божией, которая только что нас оставит, хотя бы на одну минуту, то мы падаем и совершаем беззакония. [3, с. 335.]

* * *

Я окован цепями страстей, нахожусь в порабощении у них, вижу в себе одну немощь. Но, проведши всю жизнь в страданиях, почитаю сострадание страждущим священным моим долгом. [3, с. 47.]

—

Когда лихоимство обратится в страсть, тогда оно позволяет себе все насилия, все угнетения ближнего. В помощь страсти лихоимства приходит страсть лукавства и лицемерства. Из совокупления их является расположение к придиричivosti, привязывающейся, под предлогом неупустительного исполнения законов, ко всем мелочам, изобретающей виновность для невинных, усиливающейся придать таким поведением вид справедливости бесчеловечным притеснениям и жестокостям, совершаемым над ближними. [1, с. 342.]

О рассеянности

Рассеянность сама карает преданного ей: временем все прискучивает ему, и он, как не стяжавший никаких основательных познаний и впечатлений, предается томительному, бесконечному унынию. [3, с. 48.]

—

Все святые тщательно избегали рассеянности. Непрестанно или, по крайней мере, по возможности часто они сосредоточивались в себе, внимая движениям ума и сердца и направляя их по завету Евангелия. [3, с. 48.]

—

Внимательная жизнь ослабляет действие $j^{\wedge}$ на человека телесных чувств: изощряет, укрепляет, образует действие чувств душевных. Рассеянность, напротив того, усыпляет действие душевных чувств: она питается непрерывным действием чувств телесных. [5, с. 271.]

—

Человек, преданный рассеянности, имеет Π ч о всех предметах, и самых важных, очень легкое, самое поверхностное понятие. [5, с. 272.]

—

Рассеянный чужд любви к ближнему: равнодушно смотрит он на бедствие человека и легко возлагает на них бремена неудобноносимые. [5, с. 272.]

—

Если скорбь сильна, но скоропреходяща, то рассеянный скоро забывает ее в шуме развлечений. Долговременная скорбь сокрушает его. [5, с. 273.]

Рассеянная жизнь, наполненная житейскими попечениями, доставляет человеку слабость, наравне с многоядением и многопитанием (Лк. 21: 34). Такой человек прилеплен к земле, занят одним временным и суетным; служение Богу делается для рассеянного предметом посторонним, самая мысль об этом служении для него дика, полна мрака, невыносимо тягостна. [1, с. 129.]

Об утешении

Где ощутится Христос, там и утешение! Это утешение не от мира сего, который иначе не может утешать в скорби, как отъятием скорби. Христос действует иначе: Он не снимает тернового венка с возлюбленного Своего, потому что так венчаются в цари Небесного Царства, но посылает в душу благодатную сладость, залог предвкушения вечного блаженства, и пред лицом сей сладости исчезают временные скорби – по крайней мере, много притупляется острие их. [3, с. 262.]

—

Земные развлечения только заглушают скорбь, не истребляют ее: они умолкли, и снова скорбь, отдохнувшая и как бы укрепленная отдохновением, начинает действовать с большою силою. Напротив того, утешение от Бога уничтожает печаль сердечную в ее корне – в мрачных помыслах безнадёжия. Оно приносит человеку благие, смиренные помыслы покорности Богу, помыслы, полные живой веры и кроткой сладостной надежды. Пред взорами ума открывается неизмеримая вечность, а жизнь земная начинает казаться кратким странствованием, ее счастье и несчастье начинают казаться маловажными и ничтожными, потому что все неровности земной жизни сглаживаются, уравниваются созерцанием вечности. [3, с. 241, 242.]

—

Утешение христианина заключается в истинном, духовном разуме, находящемся в тесном союзе с верою и смирением, которым плотский и душевный разум противен. [3, с. 242.]

—

Утешение на земле – видеть человека, боящегося Бога, приносящего Ему в жертву полученные от Него жизнь и способности. К несчастью, большая часть людей поступают иначе: дары Божии приносят в жертву сатане. [3, с. 178.]

—

Был повешен на кресте разбойник, упоминаемый в Евангелии: был повешен, как разбойник, а с креста переселился на небо, как исповедник. Люди побивали Стефана камнями, как богохульника, а по суду Божию ему отверзлось небо, как живому храму Святого Духа. Был принужден святитель Тихон Воронежский, обвиненный в горячности нрава, перейти с престола епископского в стены тихой обители – обитель, пребывание в которой святого пастыря

имело наружность изгнания, внушила ему посвятить себя молитвенным и другим подвигам иноческим. Святые подвиги доставили ему нетленное и негиблущее сокровище праведности во Христе, славу от Христа на небе и на земле. Всегда поражала меня участь святителя Тихона: пример его всегда испускал утешительные и наставительные лучи в мое сердце, когда сердце мое окружал мрак, производимый скопляющимися тучами скорбей. [3, с. 48, 49.]

—

В терпении вашем стяжите души ваша, – сказано странникам земли, потому что путь наш узок и прискорбен, а мы слабы. *Сила Божия в немощи совершается* — опять утешительно наставляет нас Писание. [3, с. 168.]

—

Думаю, человек не может ничем истинно утешиться, как только воспоминанием о Боге. *Помянух Бога*, – говорит святой Давид, – *и возвеселихся*. [3, с. 168.]

—

Милосердый Господь призывает всех человеков в служение Себе. Служение Господу, сопряженное с распятием ветхого человека, с отвержением плотских и греховных пожеланий и разумений его, имеет свой труд, но этот труд имеет и свое утешение – утешение, подаваемое благою совестью и Божественною благодатью. [1, с. 358.]

О духовном руководстве

Напрасно Ваше желание – находиться в полном послушании у опытного наставника. Этот подвиг не дан нашему времени. Его нет не только посреди мира христианского, нет даже в монастырях. Умерщвление разума и воли не может быть совершаемо человеком душевным, хотя бы и добрым, и благочестивым. Для этого необходим духоносный отец: только пред духоносцем может быть явна душа ученика; только он может усмотреть, откуда и куда направляются душевные движения наставляемого им. Ученик для чистоты своей совести должен с точностью и подробностью исповедовать свои помышления, но наставник не должен руководствоваться этою исповедью в суждении о душевном состоянии ученика: он должен духовным ощущением проникать, измерять его и поведать ему незримое им состояние души его. [2, с. 155.]

—

Всякий духовный наставник должен быть только слугою Жениха Небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе, должен возвещать им о бесконечной, неизреченной красоте Христа, о безмерной благодати Его и силе: пусть они полюбят Христа, точно достойного любви. А наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, умалению, которое служит признаком и духовного преуспевания. Доколе плотское чувство преобладает в учениках – велик пред ними наставник их, но когда явится в них духовное ощущение и возвеличится в них Христос – они видят в наставнике своем только благодетельное оружие Божие. [1, с. 271.]

—

Сохранитесь от пристрастия к наставнику. Многие не остерегались и впали вместе с наставниками своими в сети диаволу. Совет и послушание чисты и угодны Богу только до тех пор, пока они не осквернены пристрастием. Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог. И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела, как благовонное курение, разносимое сильным вихрем или заглушаемое вонюю смрадною. Не давайте в сердце Вашем места никакому кумиру. И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи: единственно ищи того, чтоб возвеличился Христос в учениках твоих. Когда Он возвеличится – ты умалишься: увидев себя умалившимся, по причине воз-

раставшего Христа, исполнись радости. От такого поведения чудный мир будет навеваться на сердце твое – в себе увидишь исполнение слов Христовых: *смирняяй себе вознесется*. [2, с. 372.]

—

В духовнике, по мнению моему, великое достоинство – простота, неуклонное последование учению Церкви, чуждое всяких своих умствований. Есть строгие, есть умные, но строгие и умные по-своему никуда не годятся для душевного назидания. И строгие, и умные, и милостивые, и снисходительные, и простосердечные, но верные сыны Церкви – могут быть одинаково полезны. [2, с. 373.]

—

Нашему времени дан другой подвиг, сопряженный с многими трудностями и преткновениями. Нам пришлось совершать путешествие – ни днем, ни при солнечном ясном свете, а ночью, при бледном свете луны и звезд. Нам даны в руководство Священное и Святое Писание: это прямо говорят святые отцы позднейших времен. При руководстве Писанием полезен и совет ближних, именно тех, которые сами руководствуются писаниями отцов. Не думайте, чтоб подвиг наш лишен был скорбей и венцов: нет! Он сопряжен с мученичеством. Это мученичество подобно томлению Лота в Содоме: душа праведника томилась при виде непрестанного и необузданного любодеяния. [5, с. 43.]

—

Истинное послушание – послушание Богу, единому Богу. Тот, кто не может один, сам собою, подчиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому послушание Богу более знакомо. [1, с. 127.]

Воспоминания о святителе Игнатии

Из записок высокопреосвященного Леонида, архиепископа Ярославского

Я пришел в церковь уже перед концом обедни и занял уголок у южных дверей верхнего алтаря. Передо мною стоял, спиною ко мне, архимандрит, стройный, высокого роста, с прекрасно расположенною линиею плеч. «Это о. Игнатий», – подумал я. Это тот самый человек, имя которого так часто, в продолжение пятнадцати лет, было у меня на устах, человек, жизнь которого была для меня образцом жизни монашеской, но на которого я смотрел как на существо для меня недоступное, хотя мне и удалось побывать у него в пустыни раза два или три, после того как зародилось во мне желание монашества.

Обедня кончилась: начали раздавать образа священникам для крестного хода.

Архимандрит обратился ко мне, поздоровался и, заметив на мне магистерский крестик, сказал:

– Вероятно, Вы профессор здешней семинарии?

– И притом, – отвечал я с поклоном, – человек, некогда имевший счастье быть Вам известным, но которого Вы, вероятно, никак не припомните. Это было в Петербурге, десять лет назад, и притом я был в другом, именно в военном платье.

– Во флотском мундире, – прервал меня о. Игнатий. – Очень польщен и чрезвычайно рад увидеть Вас и снова познакомиться с Вами.

Пока крестный ход продолжался, мы сидели в гостининой митрополита. Отец Игнатий спросил меня о ходе моей жизни после того, как расстался я с ним, и сказывал, что время от времени он вспоминал обо мне, и изъявил удовольствие, что я помню его. Когда о. Игнатий услышал, что я никогда, ни на один день, не переставал помнить его, всегда благодарный за те наставления, которые нашел для себя благодетельными и жизненными, он отвечал мне: «У меня, отец Леонид, будет просьба к Вам: не забывайте меня в своих молитвах. Это общение молитв необходимо для душ, которые больше или меньше симпатизируют между собою».

Я слышал, что архимандриту Игнатию со стороны духовных дали знать, чтобы он просился на покой. Это дошло до Великой Княгини Марии Николаевны, она стала просить Государя. Император предложил Императрице: «Ты давно не была в Сергиевской пустыни: съезди и скажи Игнатию, что я на покой его не отпущу, а если хочет, пусть для поправления здоровья просится в полугодовой отпуск». Так и сделали, и о. Игнатий едет на Бабайки.

Я решился изъявить сожаление о. Игнатию, что он оставляет обитель, которая без него должна будет возвратиться в свое прежнее состояние, и надежду, что его не отпустит Государь. Архимандрит ответил:

«Я должен, со своей стороны, сделать все, что требует от меня мой взгляд на самого себя. Управление нашей обителью чрезвычайно трудно. Это монастырь полуштатный, полуобщежительный и состоит совершенно в особенных отношениях. Например, обитель наша держится, главным образом, клиросом: иногда надобно было выискивать человека из мирян и держать его для хора, где он необходим¹. Впрочем, благодаря Богу, у нас есть внутри монастыря своя особенная духовная ограда: общение некоторых, с которыми мы более близки.

¹ В «Историко-статистическом описании Троице-Сергиевой пустыни» за 1868 год отмечены труды настоятеля для улучшения богослужения в обители. Архимандрит Игнатий понимал, что в монастыре, прежде всего, должно быть на высоком уровне богослужение. Он сам подбирал музыкальных иеродиаконов, а архиерея Гедеона выкупил у фабриканта Жукова за двести рублей. Много труда и энергии отдал о. настоятель для устройства монастырского хора. Из разных монастырей были

Монашество в настоящее время находится в тех условиях, в каких была Церковь Христова в века язычества. Это не корабль, а множество людей, рассеянных по треволнению житейскому, которые должны общением молитв, письменных и иногда личных сношений путеводствовать друг друга. Вы не найдете в нынешнее время ни одной обители в собственном смысле слова, ибо правила святых отцов поражены, разъединены светскими указами; остались по местам монахи: они-то должны своим общением, святым и непорочным, восстановить монашество, для которого, когда угодно будет Богу, найдутся и обители».

Сквозь стеклянную дверь я увидел входящего нашего отца ректора и сказал о. Игнатию с замечанием: «Вот израильтянин, в немже лъсти несть». Он отвечал, что уже наслышан о нем, и пошел рекомендоваться. Отец Евгений держал себя свободно, но из них никто не хотел принять на себя роли хозяина, и они продолжали говорить стоя. Пришел о. наместник, началась закуска.

Затем отец наместник куда-то скрылся, ректор также. Отцу Игнатию что-то говорил казначей. Между тем, стали накрывать на стол. Пока профессор, прибывший с архимандритом Никодимом, расспрашивал меня о наших профессорах, я заметил, что ректора, сидевшие прямо против отца Игнатия, начали разговор и мало-помалу превратили его в шепот между собой, а гость остался сам с собою. Я подошел к нему и, так как в то время начали наезжать академические, давал ему разные сведения о каждом.

Отец наместник явился наконец, извинившись, что должен был служить панихиду по святителям. Отцу Игнатию уступили первые места за столом в другой зале. Он говорил мало – более молчал.

Узнав от моей матушки, что я ищу случая увидеться с ним и живу для этого в Академии, архимандрит Игнатий обещал, как скоро найдет свободную минуту, прислать за мною.

После обеда я гулял с отцом Сергием в Пафнутьевском саду. С ударом колокола к вечерне мы отправились домой, а против кельи отца Игнатия встретили меня два посланных за мною. Отец Игнатий стоял у окна: благородный овал его свежего румяного лица, в легкой тени уже не прежних кудрей, очень памятен. Мы выпили по чашке чаю, после чего разговор едва завязывается – он только успел узнать ход моего дела о монашестве и о совершенном, слишком быстром расстройстве моих семейных дел – как явились к нему с приглашением идти в ризницу: он стал было отказываться усталостью, просил обождать до завтра, но просили настоятельно. – «Нечего делать – подай мне крест».

Он пригласил меня в спутники. У входа в ризницу стояли ризничий, казначей и о. наместник. Отец Игнатий был изумлен и, вероятно, очень рад, что не дал отказа. Отец Антоний повел его через коридор на лестницу. Архимандрит Игнатий редко позволял себе замечания и вопросы, смотрел внимательно, но молча, без знаков удивления и восклицательных. На мою заметку, что по древним пеленам с изображением преподобного Сергия другие думают обличить благословляющую руку раскольничью, о. Игнатий заметил: «Но большой палец большею частью не виден, и спор неразрешим. Изображали в те времена и так, и этак, потому что не обращали на крестосложение, как на мелочь, никакого внимания, доколе не возникли споры».

вызваны способные к пению иноки и послушники. Это стоило о. Игнатию больших издержек, но ради благолепия монастырской службы он ничего не жалел. Со временем архимандритом Игнатием были подобраны хорошие голоса для хора, но найти хорошего регента, который знал бы старинные русские церковные напевы, любителем которых был о. настоятель, было трудно. Однако и эта трудность скоро была разрешена. С 1836 года по 1841 год известный церковный композитор, протоиерей, Петр Иванович Турчанинов проживал рядом с Сергиевой пустыней в Стрельне. Глубоко уважая о. Игнатия, он откликнулся на его просьбу взять на себя труд обучения церковному пению сформированного настоятелем монастырского хора. Несколько лучших своих музыкальных произведений он написал специально для этого хора. Великий русский композитор М.И. Глинка был глубоким почитателем архимандрита Игнатия, по его просьбе он занимался изучением древней русской музыки и своими советами способствовал повышению музыкальной культуры хора. Живое участие в организации хора Сергиевой пустыни принимал и директор придворной капеллы А.Ф. Львов. Совокупными трудами знаменитых композиторов и о. архимандрита монастырский хор был возведен на степень первого в России монашеского хора.

Из ризницы повели нас в амбары хлебные, в пекарню, в хлебную, в странную, в больницу, в училище. Все в отличном порядке и чистоте: верно и Государь Император остался бы отлично доволен.

Из монастыря перешли во флигель призрения. Осмотрели больных, неизлечимо немощных женщин, и убогих, и старушек – все опять так же чисто, благоустроено... Мы дошли до крошечных комнат смотрительницы дома призрения женщин – княжны Цициановой, старой грузинки. Наместник спросил чаю. Отец Антоний, вначале сухой, официальный, развертывался мало-помалу, сводя разговор на пустынножителство Саровское – материя у него неистощимая. Он был подчас очарователен в своих описаниях. Отец Игнатий молчал. Наместник был решительно искренним пред своим гостем. При всей моей предрасположенности к отцу Игнатию, я почти был не за него.

Выходя, о. архимандрит благодарил отца наместника и, обратясь к княжне, сказал: «Ваша роль благородная и для многих завидная. Вы несравненно более живете в обществе и для общества, нежели те, кто фигурируют на балах столицы».

На следующий день после обедни о. архимандрит позвал меня. Подали чаю и аккуратно нарезанный благословенный хлеб. Разговор скоро завязался, и больше часа говорил он: я слушал в сладость. Вот содержание нашего разговора:

«Все в нашей деятельности, – говорил я, – должно быть направлено к истине и добру, и это двойственное стремление должно иметь выражение прекрасное. В первом случае, относительно истины, что касается жизни нетленной, меня затрудняет неумение предоставить всего себя вере, частое уклонение от простоты Христовой. Кроме того, какое-то равнодушие к полезному труду умственному приходит нередко искажать благообразное течение моей келейной жизни. Причину этого равнодушия я вижу. Во время моего духовного образования я был раздвоен между новою для меня наукою и тяжелыми семейными отношениями. От этого и еще от иных причин в духовной учености моей остались пробелы: их надо восполнить, а между тем, я уже в таком возрасте, когда другие давно действуют.

Эта несвоевременность занятий ученических, эта безызвестность их убивает рвение. Я не пришел еще в уныние, я знаю по неоднократному опыту, что во мне есть энергия, что, когда принимаюсь за труд, цель которого определима и близка, тогда я не знаю усталости. Но без прямой цели предпринимаемые мною труды начинаются так и сяк, продолжаются кое-как и кончаются ничем. От этого в жизни получается какая-то неопределенная вялость, которая выносятся и в жизнь внешнюю. Душа начинает тяготиться всем: и кельею, и выходами, и делом, и праздностью. Боишься, чтобы безуспешная борьба не повергла в уныние, и предаешься равнодушию. Пусть меня несет теперь, куда хочет, вал страшный – девиз такого состояния души. Благодарю Бога, что сподобился благодати священства. Это одно поддерживает. Когда слишком тяжело и грустно, выпрашиваю у очередного иеромонаха дневную чреду богослужений и потом на несколько времени успокаиваюсь.

Начинаю часто с того, что после вечерни привожу в порядок свои комнаты, потом принимаюсь за работу, но и это до первой неудачи, до первой усталости или до первой встречи с приятелем. Как скоро сделал перерыв – все приходит в хаос. Оставляю келью и ухожу в жизнь, но и тут тьма недоумения. Затвориться в своей келье не могу: по своему характеру и отношениям, люблю уединяться на время, для собрания себя, но потом жизнь общественная мне необходима. Вижу пример великих подвижников благочестия, которые духовно образовались в пустыне и уже потом выходили в мир на дело свое: они выходили уже из пустыни победителями страстей. Для меня жизнь уединенная представляется опасною не потому только, что она воздвигает сильнейшие брани, но и потому еще, что мне непременно придется оставить свою келью прежде, нежели уединение приведет меня к каким-нибудь желанным результатам, и тогда в миру будет для меня хуже прежнего.

Я вырос между женщинами, встречался и беседовал с ними совершенно спокойно, по крайней мере, большею частью – а теперь, как ни желаю успокоить себя в беседе с женщиною: смотреть на нее прямо, говорить с нею просто, обращаться со всякою чистотою – прихожу в смущение при всякой встрече с особами другого пола. А затем я не знаю, должен ли совсем отказаться от этих встреч или только быть осторожнее и определить себе меру этих опасных отношений.

Надобно вообще сказать, что в этом определении меры беспрерывно ошибаюсь. Думаю, что, как в келейной, так и во внешней жизни каждый должен заботиться о благообразии во всех своих поступках, во всех своих положениях и отношениях. Но из благообразия в уборке жилища вдаюсь в щегольство благообразия, в многоглаголанье и кокетство; даже совершая богослужение, впадаю в тщеславие; самая свобода товарищеского обращения делается сетью празднословия, злословия, смехотворства; хороший стол непременно увлекает в чревообъядение. Вообще, неумеренность и тщеславие – постоянно нападающие на душу враги.

Оставаться в этом настроении особенно помогает трудность следить за собою, давать себе периодические, частные и искренние отчеты, из которых можно было бы составить отчет для таинства Покаяния. Знаю, что должно искоренить основание того или другого греха, и тогда не будет греховных действий, и поэтому надо следить за всеми своими поступками. Но в этом случае боюсь, чтобы преследование частных не сделало меня скрупулезным, мелочным человеком; с другой стороны, опасаясь, чтобы упущение из виду подробностей не послужило бы мало-помалу к угодению плоти».

В следующем монологе заключается некоторый очерк ответов о. Игнатия на этот свод моих недоумений:

«Очень рад, что вижу Вас в чине монашеском и в сане священства. Это дает свободу и значение нашему собеседованию. В деле учения, отец Леонид, памятуя слова Христовы: *Всяк книжник, наученный Царствию Божию, подобен человеку домовиту, износящему из сокровища своего новое и ветхое* (Мф. 13: 52). Не оставляйте науки светской, сколько она служит к округлению духовных наук: приложение к духовной, чтобы дать вопрошающему отчет в Вашем уповании. Идите своею дорогою, но помня о светской науке, что она должна быть для Вас только орудием, а о своих богословских системах – что одна система есть скелет правильный, твердый, но сухой и безжизненный. Благодарите школу, что она дала Вам его и большего от нее не требуйте: она сообщила Вам все, что могла.

Если мы будем говорить так образно – в том экземпляре скелета, который достался на Вашу долю, есть неполноты: спешите наполнить их. Думаю же, что все это немного займет у Вас времени. Потом Ваше дело – навести красу, дать плоть костяку и оживить новое тело духом. Для этого нужно постоянное упражнение в чтении Слова Божия, молитва и жизнь по заповедям Божиим. Молитва оплодотворяет упражнение в Слове Божиим, и плод будет состоять в познании заповедей Божиих. Прочитайте св. Матфея и старайтесь жить по заповедям, изложенным в пятой, шестой и седьмой главах. Эта жизнь простенькая. Апостол Павел велит узнавать, что есть воля Божия, благая и совершенная, и этим отсылает нас к начальным страницам Нового

Завета, к св. Матфею, которого книга недаром занимает в нашем новозаветном каноне первое место.

Исполняйте заповеди деятельней и незаметно перейдете к видению по Иоанну. Нечувствительно перейти на небо, если научитесь ходить по земле. Укрепляйте себя в жизни по заповедям посредством чтения семнадцатой кафизмы. Душа Ваша озарится, и Вы воскликнете: *Закон Твой – светильник ногам моим и свет стезям моим* (Пс. 118: 105)! Заповеди Божии станут, как пестуны, повсюду ходить за Вами. Таким только путем Вы созиждете на камне свою духовную обитель, в которую снидет Животворящая Троица, в которой будете Вы безопасны от знойного дыхания страстей и от потопа всяких бедствий. Недостаток такого внут-

ренного делания является причиной того, что многие из наших ученейших священноначальников слабы духом, всегда боязливы и скоро впадают в уныние.

Изучайте Писание согласно с учением святых отцов. Для этой цели полезно заниматься греческим языком: у нас так мало хороших переводов учительских отеческих творений. Вы ознакомитесь с теоретическою стороною отцов, в Деяниях Соборов узнаете их жизнь, что особенно поучительно. Исследуйте также ереси: еретики становятся лукавы и жестоки сердцем и телом; поэтому, сколько в историческом, столько и в психологическом отношении важно исследовать борьбу Церкви с этими домашними врагами.

Вообще, работайте Господеви, не спешите с этим самообразованием – скороспелки не имеют вкуса; труды не пропадут: Бог видит их и принимает. Люди бывают непомерно требовательны, Бог – никогда: Он знает наши силы и по мере сил наших налагает на нас требования, приемлет усердие и чудесно восполняет недостатки. Делайте все ради Бога. Сколько правило это важно в учении, столько же и в жизни...

Вы находитесь в отношениях сына, обязанного заботиться о семье своих родителей. Обязанность прекрасная; Вы захотели согласить с нею жизнь монашескую и избрали дорогу училищной службы. Святой Кассиан рассказывает с похвалою об авве А., который был вызван из своего уединения обязанностью сына и не потерял на небе мзды монаха. Будьте постоянны, спокойны. Формируйтесь в жизни общественной, и она совершит Вас; только, помогаете ли родным, обращаетесь ли в обществе – все делайте для Господа, а не для плоти. Не смущайтесь от преткновений, но ведите жизнь сокрушенную и научитесь смиренномудрию: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50: 19).

Затворничество опаснее может быть для Вас, нежели общество. Келья воздвигнет на Вас такую брань, какой Вы не вынесете, ибо душа Ваша еще находится под влиянием вещества, она еще не созрела. Идите своим путем, на время уединяйтесь, чтоб не дойти до рассеянности; потом выходите, да не одолеет Вас гордость или уныние. Выходите к обществу, как в свою школу. Будьте осторожны, но благоразумную осторожность отличайте от мнительности и мелочности. Возвратившись в келью, поставьте себя перед Богом, в сокрушении и в простой сердечной молитве исчислите свои согрешения и смело и спокойно продолжайте свое внутреннее делание. Постоянное, но спокойное наблюдение за собою даст Вам способ приготовиться к верному отчету пред Богом, к исповеди плодотворной.

Скажу Вам, что мнение отцов о самоиспытании и исповеди таково: мы получаем от духовника отпущение грехов содеянных, а не тех, которые находятся в нас в возможности, склонности к греху. Поэтому духовнику должно знать, в чем Вы и как прегрешили. Покажите ему, в каких грехах, как фактах, выразилось греховное направление Вашей воли, откройте слабые стороны Вашей души чрез указание, какие грехи чаще поражали Вас, ничего не утаивайте, ничего не прикрывайте, не переимчивайте, но избавьте исповедника от перечисления пред ним всех мельчайших обстоятельств, всех подробностей, за которыми и сами Вы никогда не уследите. Духовник не поймет Вас, а себя Вы затрудните: оцезивая комара, проглотите верблюда. Заметив за собою грех, не забывайте его и со временем упомяните о нем на исповеди, представив в чертах существенных и полных, а в подробностях нехарактеристических, удобно ускользающих из памяти, принесите сердечное раскаяние пред Богом, повергнитесь пред ним с сознанием своей мерзости и, *оставляя задняя, простирайтесь вперед* (Флп. 3: 13). Изгоняйте грех, не будет и подробностей грехопадения.

Не будьте мелочны в образе жизни. Не *сообразуйтесь с веком сим*, но *преобразуйтесь обновлением ума вашего* (Рим. 12: 2) – это первое. Ищите всюду духа, а не буквы. Ныне напрасно стали бы Вы искать обителей. Их нет, потому что уставы святых отцов поражены, правила их рассеяны светскими указами. Но Вы всегда найдете монахов и в монастырях, и в общежитиях, и в пустынях и, наконец, в светских домах и светских одеждах городских – это явление особенно свойственно нашему веку, ныне не должно удивляться, встречая монаха

во фраке. Поэтому не должно привязываться к старым формам: борьба за формы бесплодна, смешна; вместо того чтобы побеждать и назидать, она раздражает противников или вызывает их презрение. Форма, как внешность, есть случайность, а случайность проходит, одна Истина пребывает во веки. *Истина свободит вы* (Ин. 8: 32), а Истина есть Христос: облекитесь во Христа и Вы явитесь в самой лучшей, в самой древней и, вместе с тем, в самой современной одежде. *Христос вчера и днес Той же и во веки* (Евр. 13: 8)». Так говорил мне отец Игнатий, и мне особенно приятно было то, что в его словах было много нового, но было и довольно таких мыслей, которые, не будучи долею общественного мнения, давно были собственными моими. Я был рад увидеть их в таком человеке, как в верном зеркале. Я благодарил отца архимандрита за беседу, которая в лавре святого Сергия была как бы продолжением той, которая ровно за десять лет до того была начата в пустыни святого Сергия. Хотелось быть и еще, и еще с ним, но я знал, что он ожидает только приезда в лавру графини Шереметьевой, по ее просьбе, и сам спешит в дальний путь; к тому же и день почтовый. Он с приветом своего любезного слова и очаровательной улыбки и с благожеланием простился со мною. Я отдал ему от полноты души глубокий поклон; он поклонился, вижу, еще ниже, и кончилось тем, что мы пали друг другу в ноги. Он поручил мне отправить по почте одну духовную книгу в Бородинский монастырь².

После приятно мне было слышать от А.В. Горского, что когда о. Игнатий в сопровождении его и отца ректора Академии ходил по академической библиотеке, то произвел самое приятное впечатление на Горского, прежде всего, своею необыкновенною кротостью, которая не ускользнула и от внимания других: *кротость ваша разумна да будет пред всеми людьми* (Флп. 4: 5). Он говорил мало, и когда уже было совершенно очевидно, что все преимущество в знании на его стороне, и тогда он умел, чтобы не оскорблять чужого самолюбия, дать заметить, что это знание очень обыкновенное для человека, стоявшего в его положении, так как он высказывал свои мнения большею частью о литературе аскетической. «Здесь, – говорил Александр Васильевич, – видно было, что он имеет не просто обширную начитанность, но глубокое понимание и основательную ученость: ибо он выражал свои мнения о некоторых переводах, где тотчас показал, что занимается предметом, как знаток дела и знакомый с древними языками».

* * *

Отец Игнатий выписывает новое парижское издание греческих и латинских западных отцов Церкви.

– Вот какие есть у вас в монастырях архимандриты, – заметил я Амфрову.

– Но ведь это единственный!

Отец ректор Академии приказал молодым монахам быть на обеде в Вифании, именно потому, что там будет человек, от которого можно научиться, как обращаться и держать себя в обществе человеку духовному. И тут отец Игнатий взял всем: ученостью, аккуратностью, обращением.

* * *

1856 года, мая, 17 дня... В субботу, с помощью Божией, успел я написать поучение, но сказать не удалось. Перед тем, как ехать, подкатилась карета к крыльцу. Кто же? Отец архимандрит Сергиевской пустыни. Слышал я, что накануне он обедал у Владыки, и думал, как бы

² В 1847 году архимандрит Игнатий посетил Спасо-Бородинский монастырь по приглашению игумении Марии Тучковой. По ее просьбе о. Игнатий вечером имел беседу с инокинями монастыря о монашестве, как о пути к христианскому совершенству и к спасению вечному.

увидеть его, а он – как тут. «Замечаю у Вас седины уже», – сказал он мне; я взглянул на его волосы – они уже совсем убелены, короче и жиже прежнего.

Когда о. Игнатий говорит о Церкви, вид его печален, как будто он видит в ее будущности одно мрачное. Он приписывает часть зла Петербургскому духовенству, которое учит какому-то всеобщему христианству помимо Церкви, а этому злу виной, по его мысли, беспечность митрополита Серафима. Отец Игнатий в тот же день уехал в Оптину пустынь на шесть недель. Его ум, опытность, образованность, знание монашеской жизни высоко ставят его в монашестве. Отец Игнатий и отец Антоний – два корифея, разнохарактерные, но равно достойные. Жаль, что между ними нет общения.

* * *

1856 года, декабрь. В понедельник посетил меня Преосвященный Игнатий, я представил ему отца Савву; много любопытного слышал, много добрых уроков он преподавал. Он рад, что расстался с Петербургом. В монастыре приезд высоких особ духовных и светских всегда производил на него мрачное впечатление. «Четверть века ездят в монастырь и не научатся спросить ничего, кроме: когда этот корпус отстроен, над кем этот памятник поставлен... Даже в самых лучших – делание телесных добродетелей, а духовная жизнь неведома для того, кто молитвы Иисусовой боится».

– Как быть? – спрашивал я. – После болезни я раздражителен и боюсь оскорбить, всякое объяснение приводит в трепетание сердце и в сильное волнение дух. Говорить ли?

– Непременно. Если нас стесняет наше недостойнство и опасение сделать хуже, то это мысль от врага. Что мы грешны – это дело известное, но диавол хочет, чтобы к другим грехам приложили мы грех нерадения о своей службе, потачку. Боимся раздражения – мы должны знать: мы не бесстрастны; боимся худых последствий от исправления – лучше худые последствия от исправления зла, нежели худые последствия от небрежности, от попущения зла. При этом нужно приносить покаяние в том, что было страстного привнесено в дело и положиться на Бога. Нужно и предварять дело молитвою, чтобы не из себя говорить, а из Бога – тогда трудное становится легким: и говорится, и принимается легко и приятно.

Кийждо, в неже звание призван, в том да пребывает (1 Кор. 7: 20), – продолжал о. Игнатий, как бы отвечая на мой вопрос. – Бог поставил, посему на этом, а не на другом поприще должен я действовать. Произвольное (самочинное) смиренномудрие не спасает, а губит, а без смиренномудрия нет спасения. Как древнему Израилю заповедано было приносить жертвы только в Иерусалиме, так и духовный Израиль может правильную, богоугодную жертву принести только в сердце смиренном. Мы стеснены, но успокоимся мыслию, что в неволе Египетской занимаемся плинфоделанием, пока не послан будет к нам Моисей.

– Но не должен ли я, – спросил я, – представить на вид начальству то, что я изменился со времени своего назначения, чтобы не было оно в неизвестности на мой счет: тогда оно ставило меня таким, а теперь я другой?

– Если хотите, сделайте это, но помолясь хорошенько, и, если не будет препятствий, скажите; если же сказать не надо, то Бог воспрепятствует.

Советует сильно иметь настольной книгу аввы Варсонофия, которая для начальника то же, что авва Дорофей для новоначального.

Преосвященный едет во вторник. Правило Преосвященного Игнатия, с Божией помощью, прилагаю к делу – и удачно. Помолясь, начинал говорить, и принимаемо было с благодарностью.

Из воспоминаний архимандрита Игнатия (Малышева), первого келейника святителя Игнатия (Брянчанинова)

Архимандрит Игнатий Брянчанинов умел любить чад своих духовных, но умел и учить их; много пострадал он за них, много вынес на своих плечах клеветы и порицаний.

Архимандрит Игнатий душу свою полагал за учеников своих: он прощал всякую немощь – лишь бы человек сознал ее с покаянием – но ненавидел лукавство и фарисейство, гордость и тщеславие обличал и искоренял ежедневно. Каких, бывало, унижительных качеств не навяжет старец своему послушнику и заставит говорить: я ленивый, нерадивый, гордый, самолюбивый, нетерпеливый, малодушный и проч., и непременно заставит все сие сознать в себе и за все просить прощения.

В особенности доставалось много подобных испытаний келейнику его Игнатию, известному под названием Маленького, проходившему различные послушания, и между прочими послушание свечника. Эта должность в летнее время требовала безвыходного пребывания в церкви: свечник увольнялся, только чтобы пообедать или напиться чаю, который первое время братия собиралась пить в келье настоятеля. Игнатий обыкновенно приходил, когда все уже отопьют, и в чайнике оказывался не чай, а, как они выражались, «ай». И такого-то чаю Маленький Игнатий нальет себе чашку, а в эту минуту, случалось, войдет архимандрит, возьмет его за ворот и гонит в шею из комнаты вон, приговаривая: «Ах, ты окаянный, сластолюбец! Разве ты за тем пришел в монастырь, чтобы чай пить? Вон пошел». И идет послушник на свое место к свечному ящику. Товарищ его, о. Феофан Комаровский, впоследствии бывший архимандритом Соловецкого монастыря, бывало, спросит: «Что, родименький, напился чаю?» – «Напился», – ответит Игнатий.

В таком роде уроки бывали ежедневно, особенно первое время, когда о. архимандрит был еще помоложе и здоровее. Но он учил и воспитывал каждого ученика по его силам и способностям, не щадя своих сил, не жалея времени, и если его ученикам бывало нелегко принимать его учения и усваивать себе его правила, то и ему не мало трудов стоило каждого отдельно воспитать, внушить любовь к урокам и возводить в духовное состояние.

В то время был в монастыре другой Игнатий – наместник, которого называли Молодой: видный по лицу и росту, на все способный, распорядительный, неутомимой деятельности, любимец многих. Нельзя было и самому ему не сознавать своих достоинств, тем более что он был крестьянского происхождения.

Однажды приходит к нему родной брат, деревенский мужичок, в сером кафтане; самолюбивому наместнику стыдно стало принять такого брата: он отказался от него и выслал вон. Мужичок передал свою скорбь некоторым из братий; это дошло до архимандрита. Тот немедленно приказал привести мужичка к себе, принял его в гостиную, обласкал, посадил, велел подать чаю и в то же время послал за наместником. Когда он вошел, архимандрит, обращаясь к нему, сказал: «Вот, батенька, к тебе братец пришел, поздоровайся с ним и садись чай пить. Он обедает у меня, приходи и ты с нами обедать». Отец архимандрит накормил, напоил мужичка и наградил еще на дорожку, а потом сделал назидание своему красивому наместнику.

Система воспитания новоначальных у настоятеля была такова: он приучал их быть откровенными с ним, не только в делах, но и в помыслах. Такая откровенность и близость отношений не допускала учеников до грубых погрешностей: как-то было стыдно и жалко оскорбить своего отца и благодетеля, который старался не стеснять их и не воспрепятствовал веселости в обращении между собой, даже в его присутствии.

Архимандрит Игнатий ненавидел несогласия и ссоры: если случалось кому поссориться, он немедленно призывал их к себе и мирил, чтобы не оставалось неприязни до другого дня. Простой старец по имени Антоний так усвоил себе это правило, что, бывало, вечером, ходит

всюду, ищет брата, с которым размолвился, и всех спрашивает: «Не видал-ли такого-то?» И на вопрос: «На что тебе его?» – отвечает: «Да видишь-ли, голова, давеча с ним поразмолвил, а отец говорит: солнце да не зайдет во гнев наш; надо прощения попросить». И непременно отыщет брата и исполнит свое благое намерение. Этот старец готовился к пострижению и во время сенокоса сушил сено вместе с рабочими. Архимандрит пришел на сенокос и сказал: «Бог помощь», – и, обращаясь к Антонию, спросил: «Что ты тут делаешь? Старец по простоте отвечал: «Тружусь, как преподобный Сергей». – «А я тебе припомню, как трудился преподобный Сергей», – отвечал настоятель.

Когда Антоний принял пострижение, то пришел к настоятелю просить монашеского правила, какое благословит ему держать. «А помнишь, что ты сказал мне на сенокосе, – говорит настоятель, – что ты трудишься, как преподобный Сергей? Преподобный Сергей клал по тысяче поклонов в сутки, клади и ты». – «Ой, батюшка, не могу, стар». – «Ну, так смиришься, клади двенадцать поклонов». Антоний упал к ногам настоятеля и говорит: «Батюшка, мало, благослови класть триста». – «Много, старец, не выдержишь». – «Нет, благослови: Бог поможет за твои молитвы». И исполнял старец это правило до самой смерти.

Отец Антоний жил подле кухни и, по старости лет, не ходил на братскую трапезу, но кушал в своей келье. За три дня до смерти, во время трапезы, пришел Антоний на братскую трапезу и поклонился всей братии. Некоторые улыбнулись и, шутя, сказали: «Отец Антоний пришел прощаться». Старец прошел к Павлу Петровичу Яковлеву, который жил подле трапезы, дает ему пять рублей и говорит: «Вот, голова, у меня племян, солдатик в походе; будет жив, придет, так отдай ему». – «Сам отдай, старец», – отвечал Яковлев. «Неровен час, голова, сам-то, может, и не отдашь». Антоний удалился в свою келью, лег и на третий день скончался кончиною праведника.

При мудром руководстве настоятеля много было поучительных случаев, из коих приводятся здесь некоторые. Под покровительством преподобного Сергия, в продолжение пятнадцати лет не было ни одного смертного случая в Сергиевой пустыни. Первым скончался иеромонах Владимир во время управления архимандрита Игнатия. Долго страдал инок Владимир водяною болезнью, и настоятель, имея обычай навещать болящих, чтобы приготовить их к кончине, навещал и о. Владимира, который лежал уже на одре смертном: «Не хочешь ли принять схиму?», – спросил настоятель. «Какой я схимник», – смиренно отвечал умирающий, считая себя недостойным такой милости. Вскоре скончался страдалец, и кончина его ознаменовалась утешительными видениями, составляющими домашнюю тайну Сергиевой обители.

Архимандрит Игнатий, оказывая любовь и сострадание к болящим по телу, еще более оказывал милости и снисхождения к немощам душевным. Некто Платон Яновский, бывший придворный малолетний певчий, пришел в монастырь, и вскоре открылся у него прекрасный голос – баритон; певец не уступал знаменитым итальянцам и прожил несколько лет в обители в качестве послушника. В это время фельдмаршал князь Барятинский пожелал устроить у себя на Кавказе хор певчих и обратился в придворную капеллу с требованием способного человека для занятия должности регента. Капелла указала на Яновского. Яновскому предложены были значительный оклад и блестящая карьера в будущем.

Яновский, пробыв несколько лет на Кавказе, вполне удовлетворил желанию князя и возвратился обратно в монастырь. Проживши несколько лет в другом обществе, вернулся Платон, да не он: с новыми навыками и немощами. Архимандрит подумал: что делать? Взят он ребенком от отца-священника, теперь – круглый сирота, и, по свойственному ему милосердию, оставил Платона у себя. Яновский был весьма признателен настоятелю за такую милость: даже в минуты своих слабостей с плачем падал ему в ноги и целовал его руки. Отеческим обращением о. архимандрита сохранен от явной гибели человек. Яновский прожил до смерти в монастыре и кроме немощи, от которой сознательно страдал, был кроткий, смиренный и истинный христианин, чему служит доказательством предсмертное письмо его ко второму настоятелю Игнатию.

Еще подобный сему пример представляет бывший Нижегородский протоиерей Василий Петрович Малев. Это был человек способный, разумный, но подверженный той же немощи. Он сам о себе говаривал: «Несчастный я человек: был молод, талантлив – бывало, купцы и помещики на руках носили, угощали, угощали Василия Петровича, кровь перепортили – вот и доживай свой век да страдай, Василий Петрович».

Это была личность такая солидная и разумная, что совестно бывало и вспомнить об его слабости.

Однажды, по немощи, был он заперт в своей келье, когда поправился, говорит приставнику: «Поди к архимандриту и скажи, что мне нужно поговорить с ним». Архимандрит благословил придти. Малев входит к настоятелю и, чинно помолившись пред св. иконами, говорит: «Вот что, батюшка, вам известна моя немощь и скверное житие мое, но я и в таком положении имею обычай ежедневно пред образом преподобного Сергия, который находится у меня в келье, читать акафист. Вот, на этих днях стою я пред иконой преподобного Сергия и читаю, а образ как бы говорит мне: «Поди к твоему настоятелю и скажи ему, чтобы он тебя высек». Так, батюшка, как же благословите, публично или наедине?» – «Вот видишь, Василий Петрович, – сказал настоятель, – преподобный Сергий сам о тебе заботится. Я нахожу, что лучше наказать публично, чтобы другие имели осторожность». – «Как благословите, батюшка, так и исполните», – спокойно отвечал кающийся. Конечно, это не было исполнено.

Были и другого рода болящие, которых архимандрит Игнатий не оставлял без внимания. Поступил в монастырь молодой человек, сенатский чиновник Иван Мызников, впоследствии иеромонах и казначей Сергиевской пустыни. Человек весьма хороший и строгой жизни, но, вероятно, по ревности, без руководства, самочинно привел себя в странное состояние духа, близкое к прелести. Отец архимандрит, как опытный руководитель, заметив в нем неправильное настроение, приказал ежедневно приходить к нему. Мудрый наставник, желая разбить в послушнике некоторое мнение о себе и ипохондрическое расположение духа, называл его веселеньким и употреблял разные меры, как словесные, так и практические, с прямою целью довести его до детского смирения, уничтожить самомнение и начало губительной прелести. Это продолжалось года три или четыре, и наконец удалось архимандриту, так сказать, вынучить человека: Мызников пришел в нормальное положение и был полезен для обители.

Другой послушник, Николай, заболел тяжкою болезнью и до того высох, что ему казалось, будто желудок его прирос к спинной кости. Больной имел обычай открывать помыслы настоятелю, который поместил его близ себя, чтобы наблюдать за ним поближе. Когда Николай стал поправляться, ему стали приходить помыслы о самоубийстве, к нему приставлен был человек, и в келье все опасное было прибрано. Но он усмотрел как-то гвоздь над дверью, и помысл стал говорить ему сделать тесемку из простыни и удавиться на этом гвозде. Но обычное откровение помыслов спасло его и на этот раз, он сейчас же исповедал преступное намерение своему старцу и тем сохранил жизнь свою.

Когда он значительно стал поправляться, о. архимандрит начал несколько развлекать его, однажды дал ему бумагу и велел отнести в канцелярию, но нигде не останавливаясь, а скорее возвращаться обратно. Николай пошел и пропал. Настоятель послал за ним: в канцелярии его не оказалось; послали верхового по дорогам и к морю, и около монастырских прудов отыскивать его, но Николай нигде не находился. Архимандрит стал на молитву... Через два часа приходит к нему сам больной. «Где ты был?», – спрашивает его настоятель. «На колокольне», – отвечает больной. «Зачем же ты туда ходил?» – «Помысл сказал мне: иди на колокольню и соскочи оттуда». – «Отчего же ты не соскочил?» – «Я долго думал, а другой помысл говорил мне: как же ты соскочишь без благословения батюшки? Я думал, думал, да и сошел с колокольни».

На прием светских лиц архимандрит был не ровен: редким удавалось понять его. Иногда он, как юродивый, бывало, раскритится, а иногда молчит, слова не дождешься, посетители не

знают, как и уйти из гостиной. А зато, как разговорится, то слушал бы его, не отходя несколько суток. Маленький Игнатий всегда торчал при нем и часто, по сыновней любви, делал ему замечания: «Зачем, батюшка, сказали то или это? Вот и будут делать об Вас ложные заключения». А он, бывало, махнет рукой, говоря: «Я не светский человек, не умею рассчитывать», – пойдет к себе в кабинет и ляжет в угол, прибавив: «Вот мое место».

И здесь-то он был истинный аскет, не отошел бы от него: речи его, как гусли, сладкозвучно услаждали ум и сердце. «Видел я, – свидетельствует Маленький Игнатий, – двух чело­веков: нашего батюшку и пустынного старца Исаию Никифоровского; видел их вместе, видел и порознь и благодарю Бога, что сподобил Он меня видеть святых людей».

Еще говорит о. Игнатий Маленький, что в продолжение двадцати четырех лет он не помнит случая, чтобы о. архимандрит отказал в приеме братии: дверь его для всех была открыта, и он любил, чтобы приходили к нему. Отец Игнатий припоминает, как он в новоначалии надоедал своему старцу ежеминутным испрашиванием благословения, имея обычай не приступать без этого ни к какому делу. Бывало, в пятом часу утра послушник будит своего настоятеля, чтобы получить благословение идти к утрени, и о. архимандрит никогда не прекращал такого порядка и не отягощался им.

Ему не нравилось, когда кто-либо из братий уклонялся от него или боялся его. Все ближай­шие ученики всегда находились около него, как пчелы около матки. Он приучал их к чтению Св. Писания, часто приглашал к себе и заставлял читать, как бы нужное для него самого, и усматривал, кто как читает, с какою верою и любовью к слову Божию. Келейников своих он заставлял читать каждый день утреннее и вечернее правило. Многие из них ежедневно вечером приходили исповедовать грехи свои, не оставляя до другого дня никакого греховного помысла, и получали разрешительную молитву. Вследствие чего они были веселы и легки, как на крыльях летали. Старец не любил уныния и, если замечал в ком уныние, спрашивал причину и разбивал словом утешения, прибавляя: «Уныние не от Бога, исповедуй грех и будь весел».

Были и такие в числе братства, которые никак не могли привиться к своему отцу, и это, большею частью, те, которые получили начальное воспитание в других монастырях; они-то и составляли противную партию, не желая жить по правилам отеческим, и враждовали против тех, которые ходили на исповедь и откровение помыслов. В последующее время много пострадал за это от противной партии старец схимонах Макарий, к которому также новона­чальные ходили на исповедь и откровение, между тем как сказано у аввы Дорофея, что все живущие без назидания падают, как листвие, и погибают. Авва Исаия говорит: «Каждый помысл, производящий в тебе брань, открывай наставнику твоему, и облегчится брань твоя. Из-за стыда не позволь себе скрыть ни одного такого помысла, потому что демоны находят себе место только в том человеке, который утаивает свои помыслы, как благие, так и лукавые» (гл. 163).

Ученики о. архимандрита Игнатия, в союзе любви между собою, ревновали о деле Божием: бывало, кто из богомольцев попросит отслужить молебен или панихиду, все стремятся без очереди исполнить как можно лучше, так что сами монашествующие, проходя мимо, остановятся и слушают с наслаждением. Есть и ныне подобные сыны обители, иначе и не мог бы удержаться чин священнослужения в порядке. Архимандрит Игнатий был широкой, возвышенной натуры, пылкий, восприимчивый, всему хорошему радовался, как младенец, и эта радость обыкновенно выражалась быстрым хождением, почти беганьем по залу и потиранием затылка. Когда в это время входили ученики, он не замечал их, продолжая бегать и непритворно радоваться. В таких же формах выражались у него и скорби, с тою разницею, что тогда потирал он не затылок, а лоб. Ученики в это время не смели входить, а смотрели в дверные щелки.

Много приходилось о. архимандриту переносить оскорблений, тогда как сам он был необыкновенно добр и благожелателен к ближним. Он глубоко сочувствовал всякому доброму делу, а его грубо, невежественно оскорбляли – кто несправедливыми притязаниями по службе,

кто дерзкими и лживыми порицаниями – и все это делалось по бесовской зависти, незаслуженно. Тогда, взволнованный скорбью, он обвинял антихриста и его сотрудников, но вскоре успокаивался и, если оскорбление было велико, то удалялся в спальню, спускал густые занавеси на окнах, делал из кельи темницу и запирался на неделю и на две, объявляя себя больным.

В такое время никто не входил к нему, он предавался молитве и плачу, до тех пор пока не придет благодатное посещение свыше и не осенит его неизреченною радостью. По выражению его, не только душа, но и тело, и кости принимали участие в этой радости, по словам Спасителя нашего: *Царствие Небесное внутри вас есть* (Лк. 17: 21). Истинен глагол Господень! Человек, находясь в таком состоянии, иного блаженства и представить себе не может. Обычно Небесному Царству приходиться после тяжелой скорби: *многими скорбями подобает войти в Царство Небесное* (Деян. 14: 22). Вот тогда-то и совершалось преображение из врагов во ангелов светлых: – об этом он сам выражается в своем «Плаче»: «Я встречал врагов, ищущих головы моей, как Ангелов светлых».

В таком настроении духа архимандрит Игнатий занимался сочинением своих поучений. После долгого затвора всегда являлись на столе поучительные его творения, и сам он выходил из своей темницы со светлым, необыкновенно радостным лицом. Он не скрывал своих творений от учеников: всегда, бывало, прочитает, не из тщеславия, а как будто для проверки. Весьма редкие понимали высокие душевные качества архимандрита: кроткий сердцем, простой, безмерно милостивый и любвеобильный, бывало, вспылит на минуту и гасит эту вспышку слезами покаяния.

Архимандрит Игнатий был замечательно нестяжателен и несребролюбив: бывало, казначей принесет ему жалованье или долю по разделу братской кружки – он и в руки не возьмет, и даже не сосчитает, а скажет казначею: «Положи, батенька, в налойчик», – и из этого налойчика брали келейники и расходовали по его распоряжению. Стол его был неприхотлив, он употреблял более растительную пищу и какие-либо кашицы, и то весьма умеренно, тогда как на вид он не представлял из себя постника или больного. Полный, румяный, он казался пользующимся совершенным здоровьем и, по мнению многих, изнеженным, а, в сущности, был изможден болезнями.

В зимнее время он почти никуда не выходил; в кельях устроены были тройные рамы, в небольшой гостинной стояли две печи, так что здоровому человеку невыносимо было сидеть в ней, а он входил в эту гостиную в рясе, ваточном подряснике и в катанках на ногах. Келейники часто надоедали ему советами держать температуру попрохладнее, уверяя, что будет для него здоровее. Старец покорится, бывало, своим попечительным чадам и непременно простудится: «Ну вот, послушал вас и простудился, болен. Тело мое, истомленное болезнями, требует большего тепла». Уйдет и затворится в своей теплице – в спальне.

Келейная его одежда была также незатейлива: мухояровый подрясник, не застегнутый на груди, на ногах катанки. Так и видишь его: ходит, бывало, по келье и потирает затылок или пишет у стола, или лежит в углу и читает книгу – вот постоянные занятия подвижника. Всегда приветливый, ласковый, в особенности со своими любимыми келейниками: он иногда шутил с ними и давал наименования каждому по его способностям.

В последнее время пребывания о. архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни началась перестройка зимней Сергиевской церкви. Хотя просторная церковь была необходима, но он неохотно принимался за новую постройку, опасаясь войти в новые долги, потому что и старые его тяготили. Настоятель поручил своему первому келейнику, Маленькому Игнатию, всю заботу по постройке, как приобретение средств, так и заготовку материалов и самую постройку, и все совершилось во славу Божию, без особенных затруднений, за молитвы старца. Храм пре-

подобного Сергия был окончен и освящен уже по отъезде Преосвященного Игнатия на епархию³.

³ Многие знавшие архимандрита Игнатия духовные лица желали бы, чтобы он был возведен в сан епископа. Его неоднократно выдвигали кандидатом на архиерейскую кафедру, но каждый раз недоброжелатели отклоняли его кандидатуру. Так обер-прокурор Протасов воспрепятствовал назначению архимандрита Игнатия на Варшавскую кафедру. Митрополит Никанор в 1855 году отклонил просьбу Кавказского наместника Н.Н. Муравьева, лично знавшего архимандрита Игнатия, о назначении последнего на Ставропольскую кафедру; при этом он сослался на то, что Брянчанинов не учился в Духовной Академии. В 1856 году скончался митрополит Никанор. На его место был назначен митрополит Григорий. Новый митрополит сам был с 1822 по 1825 год настоятелем Сергиевой пустыни. Он хорошо знал архимандрита Игнатия и весьма доброжелательно относился к нему. Зная его прекрасные душевные качества и административно-хозяйственные способности, видя Сергиеву пустынь совершенно преображенною, митрополит Григорий счел, что в святительском сане архимандрит Игнатий принесет еще большую пользу Святой Церкви, и предложил ему принять сан епископа. Хиротония архимандрита Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского состоялась 27 октября 1857 года в Казанском соборе (там же двадцатью тремя годами раньше игумен Игнатий был посвящен в сан архимандрита). В хиротонии принимали участие: митрополит Санкт-Петербургский Григорий (Постников), архиепископ Казанский Афанасий, архиепископ Ярославский Нил, архиепископ Камчатский Иннокентий (ныне причислен к лику святых), епископ Ревельский Агафангел, епископ Тверской Филофей и епископ Мелитопольский Кирилл.

Воспоминания преподобного Пимена Угрешского

В первый раз довелось мне увидеть Брянчанинова на набережной реки Золотухи (в Вологде)... Как сейчас вижу его: высокого роста, стройный и статный, русский, кудрявый с прекрасными темно-кариыми глазами; на нем был овчинный тулуп, крытый нанкою горохового цвета, на голове – послушническая шапочка.

* * *

Когда я пришел в церковь (в Семигородной пустыни), Брянчанинов был уже там и стоял за правым клиросом, а я стал за столбом, налево под аркою. Во все время обедни Брянчанинов ни разу не обернулся и, следовательно, не мог видеть, что кто-либо стоит за ним. Ему поднесли просфору, и, когда по окончании обедни служащие и братия пошли в придел совершить молебствие, Брянчанинов обернулся; подошедши прямо ко мне, дал мне просфору и, спросив, где я остановился, сказал мне: «Я к Вам приду». Мы друг друга совершенно не знали и до этого никогда не разговаривали. Я был поражен...

Когда я пришел в гостиницу, он уже поджидал меня. Мы посидели недолго и, немного поговоривши, расстались, потому что скоро ударили к трапезе. Брянчанинов обещал мне, что, как только отобедает, пришлет за мною.

Беседа наша началась, может быть, в первом или во втором часу дня и продолжалась, пока не ударили к утрени. Несмотря на то, что Брянчанинов был еще молод, видно было, что он много читал отеческих книг, знал весьма твердо Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, Добротолюбие и писания других подвижников, и потому беседа его, назидательная и увлекательная, была в высшей степени усладительна. Эта продолжительная беседа его со мною меня еще более утвердила в моем намерении удалиться из мира и вступить в монашество. Поутру мы расстались: мой собеседник отправился обратно в Глушицкий монастырь, а я пошел в Спасо-Каменный.

Воспоминания последнего келейника святителя Игнатия Василия (Павлова)

Владыка мой! Отец мой! Учитель мой! Где ты? Куда ты скрылся? Я нигде не вижу тебя, нигде не нахожу тебя: ни на ложе, на котором истаявал ты в своих пламенных молитвах пред величием Божиим; ни у стола, за которым ты, движимый Божиим Духом, писал вдохновенные страницы; ни у аналоя, у которого часто стоял с воздетыми к небу руками, стоял в страхе и трепете, орошая ланиты теплыми слезами; ни на стуле сидящим и умиленно взирающим на икону Спасителя, как бы беседующим со Спасителем. Нигде не вижу, нигде не нахожу тебя. Не вижу, чтоб ты, склонив голову на руки свои, сидел как бы в забытии в кабинете один, то погружаясь в какую-то таинственную думу, то исполняясь сетования, то радости небесной. Не слышу, чтобы ходил ты по келье твоей или читал что-либо; ничего подобного не слышу я. Умолкли стоны твои, замерли вопли, затихли рыдания и воздыхания: все заменилось тишиной могилы...

Куда же ты ушел, где ты скрылся? Увы! Ты умер: тело твое сокрылось на время в гробе, а крылатая душа твоя унеслась туда, где пребывали мысли и чувствования твои, где жило сердце твое: на небо. Там ты, там ты! Как хорошо тебе, Владыка мой! Ты блаженствуешь ныне, забыв все скорбное земное: все подвиги и труды, подъятые для неба. Ты стоишь пред неприступным величием Божества, у Незаходимого Света и сам исполнен света; ты насыщаешься непрестанно видением Бога, пылаешь, подобно Серафимам, любовью к Нему; сердце твое горит, тает, как воск, будучи палимо огнем – Богом.

Владыка мой! Не забудь меня там, вспомни обо мне! Оставив здесь, на земле, не оставь на небе! Не оставь меня во время исхода моего из этой временной жизни! Когда душа моя будет разлучаться с этим бранным телом, когда, по причине многих грехов моих, обступят ее темные духи, помоги мне в эту горькую годину избавиться от них, чтоб они не увлекли меня с собою в темницы ада. Надежда моя в эти грозные минуты – бесконечная Божия благодать и твои молитвы.

Я верую в твои молитвы, Владыка мой, потому что видел непорочные пути твои. Ни о чем ты так не заботился, ни к чему ты так не стремился, как к тому, чтоб угодить Господу; и днем, и ночью ты только и думал, только и помышлял лишь о том, как бы поближе прилепиться к Господу, как бы потеплее помолиться Ему, побольше поплакать пред Ним. Это влечение к Господу у тебя сделалось как бы нестерпимым. Ни в чем не находил ты такой отрады и успокоения, как в молитве и в плаче. После этого в лице твоём изображалось всегда что-то неземное. Бывало, подойдешь к тебе по какому-нибудь делу, станешь говорить, но ты не видишь, не слышишь меня: из глаз твоих светится что-то неземное, видится, что ты умом находишься не здесь, а где-то далеко. Ты и смотришь, и не видишь меня. И долго мне случалось стоять перед тобой и благоговейно любоваться этим состоянием; какая-то необъяснимая тишина веяла от тебя, и помысл греховный, который я пришел исповедовать тебе, далеко-далеко уходил от меня...

Владыка, на Бабайках живя, никогда не ложился спать раздетым, и ночью он спал одетым, т. е. в сапогах и в подряснике: это для того, чтоб всегда быть готовым на дело Божие. Вставал он в шесть часов утра, большею частью, выпивал две чашки чаю и затем молился; затем читал Евангелие, после этого писал сочинения или подписывал входящие и исходящие дела по монастырю⁴, но это дело занимало времени весьма мало.

⁴ Святитель Игнатий до последнего дня своей жизни заботился о братии, держал управление обителью в своих руках. В документах Николо-Бабаевского монастыря, найденных в Государственном Архиве Костромской области, последняя резолюция свт. Игнатия стоит на документе от 29 апреля 1867 года.

В двенадцать часов дня он обыкновенно кушал; кушанье состояло, большею частью, из двух блюд: ухи и каши – это были самые излюбленные его кушанья. Вина на Бабайках никакого не пил Владыка, и у нас его не имелось в буфете; если требовалось иногда на случай приезда гостей, то это бралось от отца архимандрита Иустина. Часто мне приходилось слышать от Владыки следующие слова: «Ах, Васенька, как надо благодарить Господа за то, что Он привел нас в такое тихое пристанище». В три часа, после обеда Владыка опять пил чай, после чаю с час или часа полтора я читал ему Евангелие, или жития святых, или преподобного Дорофея: это собственно делалось для меня.

Я занимался на Бабайках с мальчиками, учил их чтению Священного Писания, арифметике, грамматике, чистописанию и однажды, разгорячившись, ударил одного. Затем, разумеется, почувствовав, что это грешно, я пошел и сказал Владыке. Он на это мне сказал: «Ударь меня». Я ответил, что я этого сделать не могу; тогда он мне сказал: «А если ты меня не можешь ударить, как же ты ударил мальчика, который также создан по образу Божию?»

Дней за пять до кончины, вечером, когда я брал от Владыки благословение на сон грядущий и, поклонившись, сказал: «Простите меня, Владыко, елико согреших», – он вдруг поклонился мне тоже в ноги и сказал: «Прости и меня, Васенька».

Из повествования Татьяны Борисовны Потемкиной (духовной дочери святителя Игнатия)

Брянчанинова знавала я еще офицером корпуса инженеров. Он был любимцем покойного Государя Императора Николая Павловича и Великого Князя Михаила Павловича. Склонность его к монашеству весьма сердила покойного Государя: он подозревал в ней подстрекательство монахов Невской Лавры, так что митрополит Серафим принужден был воспретить Брянчанинову вход в кельи лаврские. Митрополит имел с ним даже весьма резкое объяснение по поводу этого воспрещения, и потом говорил, что молодой человек пристыдил его своими разумными речами.

Безуспешны были все попытки Государя и Великого Князя Михаила Павловича отговорить Брянчанинова от поступления в монашество⁵: он бросил свою блистательную карьеру служебную и ушел в Свирский монастырь к старцу Леониду. Говорили потом, что некоторые видели Брянчанинова возницею о. Леонида, приехавшего за чем-то в столицу. После того долгое время ничего не было о нем слышно.

Помню, однажды, когда была я в покоях покойной Государыни Императрицы Александры Федоровны, с веселым видом вошел к ней покойный Государь и сказал: «Брянчанинов нашелся: я получил о нем хорошие вести от митрополита Московского. Став хорошим офицером, сделался он хорошим монахом: я хочу его сделать настоятелем Сергиевой пустыни». Вскоре все заговорили в столице о новом настоятеле Сергиевском, любимце Государя, весьма опытным в жизни духовной. С трудом узнала я прежнего Брянчанинова в лице о. Игнатия – так изменился он в иночестве.

Впоследствии довольно часто он посещал меня. Духовный был человек: он умел держать себя во всяком обществе, но вместе с этим также всякую беседу умел сделать душеполезною. Коротко знакомый с учением святоотеческим, сообщал он разговорам своим и суждениям дух этого учения.

Многие тогда удивлялись о. Игнатию: как он, подвижник и молитвенник, не чуждался вместе с тем общества, бывал приятным собеседником людям светским, умел возбуждать в них к себе доверие и действовать на них ко благу душевному. Видя в нем не столько лицо духовное, сколько доброго знакомого, равного по уму и образованию, многие весьма нерасположенные к иночеству лица любили бывать у него в обители и видеть его в своих домах, что незаметно склоняло их к благочестию.

Благочестие было целью и основою всех бесед о. Игнатия, и самый светский разговор старался он всегда свести к душеназиданию своих слушателей; нередко заставлял задумываться самых беззаботных. Зато много клеветы выпадало на долю о. Игнатия в столице: чего-чего не говорили о нем понапрасну, и нужно было лишь удивляться тому спокойствию, с которым переносил он мирские пересуды.

Он был делателем молитвы Иисусовой, и это некоторым давало повод утверждать, что он находится в духовной прелести, тогда как опытностью своею в подвигах духовных помогал он другим избегать прелести. Так одна из моих знакомых не по разуму предалась благочестивым упражнениям, отчего близка была к умопомешательству, и только советы о. Игнатия наставили ее благо-временно на путь истины. Отец Исаия Никифоровский часто, бывало, говаривал, что о. Игнатий более его сведущ в подвижнической науке, и с особым уважением относился к его советам, называя их истинными и вполне чуждыми всякой прелести: «Он учит покаянию, – говорил старец, – какая же может быть прелесть в покаянии?»

⁵ В воспоминаниях схимон. Михаила Чихачева приводится следующий случай: «В первый раз, как Брянчанинов явился офицером к Великому Князю, услышал от него в укор себе: «Ты много Богу молишься, мы тебе дадим».

Клеветы на о. Игнатия нередко достигали до покойного Государя, но он не внимал им и всегда защищал своего любимца, говоря, что знает Брянчанинова лучше всех⁶. Один случай, впрочем, на короткое время навлек на о. Игнатия неудовольствие Государя, в чем и моя была отчасти вина.

В то время был у нас французским посланником Барант, его жена была женщина очень набожная. Ей очень нравилось наше православное богослужение, наши храмы и монастыри. С нею была я очень дружна, у нас познакомилась г-жа Барант с о. Игнатием и потом вместе со мною была в Сергиевой пустыни. Она просила меня потом передать о. Игнатию приглашение ее побывать во Французском посольстве, что я и исполнила. В доме Барант о. Игнатий встретился с одним ученым католиком, с которым произошел у него весьма оживленный разговор о превосходстве религий. Поводом к нему было французское сочинение Екатерины Эмерик о страданиях Спасителя. Отец Игнатий прямо называл его душевредным, не имеющим тени истины, противник же его пытался это опровергнуть, ссылаясь на авторитет своей церкви.

Нужно сказать, что в это время отношения наши с Францией были весьма натянуты, при дворе с Барантом были очень холодны – почему знакомство о. Игнатия с французским посланником весьма было неприятно Государю. Не только о. Игнатию, но и другим лицам черного духовенства столицы запрещено было тогда посещать светских своих знакомых (это мне весьма памятно потому, что около двух недель не могла я видеть у себя моего духовника)⁷.

Впрочем, гнев Государя на о. Игнатия не был продолжителен, и о. Игнатий снова начал бывать у знакомых своих в столице. Не укрылось от Государя и мое участие в том, что о. Игнатий был в доме Французского посланника. Государь все мне потом говорил, что не следует православным слишком дружить с католиками. В оправдание свое могу, впрочем, сказать,

⁶ Один из жизнеописателей свт. Игнатия, В. Аскоченский, приводит следующие случаи злонамеренных действий врагов святителя: «По мере того как Господь Бог чрез Державного Помазанника Своего, являл видимые и осязательные знаки благоволения, не дремал и враг рода человеческого, изыскивая и средства, и пособников сатаниной своей деятельности. Вслед за посещением в 1834 г. Государем Императором Сергиевой пустыни, когда Государь очень ласково обошелся с ее настоятелем, последовали из Консистории, один за другим, три указа такого свойства, что исполнение их могло бы повлечь за собою неизбежное падение обители. Первый указ был о том, чтобы отправить трех иеромонахов на флот. Исполнить этого не было никакой возможности, потому что в обители тогда, вместе со слабыми и немощными, находилось только шесть человек. Но не желая противиться такому распоряжению, настоятель назначил требуемое число иеромонахов, и тотчас же получил другой указ с выговором: для чего он посылает престарелого. Третий указ состоял в том, чтобы ни архимандриту, ни кому-либо из братии не ездить в город иначе, как испросив предварительно билет из Консистории. Это уже было прямым осуждением обители на голод и холод, так как хлеб и другая провизия, а равно и необходимые для обители вещи приобретались в городе: каким же образом возможно было на всякую поездку испрашивать разрешительный билет? Старца-митрополита постарались уверить, что на то есть Высочайшая воля. Оставалось жаловаться. Настоятель отправился с просьбою к митрополиту, но он ее не принял. Тогда архим. Игнатий отправился в Царское Село, где в ту пору находилась Высочайшая фамилия. По особенному Промыслу Божию, у самого дворцового крыльца встречает его Государь Наследник и спрашивает о причине его приезда. «Мне нужно видеть Государя», – отвечал настоятель. «Хорошо, – сказал Его Высочество, – я доложу ему о Вас, а Вы подождите ответа у Кавелина на квартире». Здесь настоятель рассказал генералу Кавелину о всем, о чем он и донес потом Государю Императору. Явившись затем к митрополиту, архим. Игнатий сказал ему о своей поездке в Царское. Митрополит, потребовав к себе дело, рассмотрел его и, увидев всю несправедливость состоявшегося постановления, со свойственною ему откровенностью изобличил виновных в том и не приказал более беспокоить насельников Сергиевой пустыни».

⁷ В. Аскоченский пишет об этом следующее: «Великим постом 1835 года, по предварительному уведомлению, посетил Сергиеву пустынь французский посланник Барант. Он навестил настоятеля, расспрашивал о монастыре, об уставе и порядках монастырских и откровенно сознался, что он находит Церковь Православную ближе к древнеапостольской, чем свою. Через довольно долгое время настоятель, по приглашению г-жи Барант, навестил посланника и остался у него обедать. Здесь произошел разговор между архим. Игнатием и учителем г. З...го, готовившимся в аббаты, о разности вероисповеданий. Архимандрит деликатно отклонил от себя этот вопрос, заметив, что он не за тем сюда приглашен, и не может с ним говорить, так как противник его не читал тех книг, на которые он может указать ему. Прошло несколько времени после этого. Вдруг настоятель получает указ, что, по именному повелению, запрещается ему выезд из монастыря впредь до Высочайшего разрешения. Впоследствии, когда, по представлению митрополита Серафима, дозволено было о. Игнатию бывать везде, где требует того его обязанность благочинного монастырей епархии, враги его успели извернуться, и разрешение, существовавшее на одних словах, сочли недействительным против запрещения, изложенного на бумаге. Уже долгое время спустя, при митрополите Антонии, это было объяснено генералом Кавелиным Государю Императору. Его Величество в присутствии всех объявил митрополиту, что он поступил так, только желая охранить и побережь архимандрита, и, если кто принимает это иначе, тот его не понимает: он давно знает и любит Игнатия, так как тот вполне стоил того и стоит».

что примечая в г-же Барант сильную склонность к Православию, я думала послужить ей в деле присоединения к Святой нашей Церкви. К тому же, могла ли я предвидеть, что частное знакомство мое с нею будет иметь такие последствия.

Воспоминания Николая Акимовича Баркова

Батюшка отец Леонид благоволил пожаловать ко мне, грешному; на дворе был жестокий мороз, метель и вьюга. Старец приехал в кибитке. Когда вошел он ко мне, я захопотал о самоварчике. И за хлопотами о самоварчике я совсем позабыл о том, что батюшка-то не один приехал – и я попросил у него благословения пригласить и возницу его на чашку чая. Старец согласился. Вошел послушник, да такой молоденький и красивенький, и смиренно поместился у самого порога. «А что, перезяб, дворянчик?», – сказал батюшка, с улыбкой относясь к нему. «Знаешь ли, кто это такой? – спросил он, обратившись ко мне. – Это Брянчанинов». Тогда я низко-низко поклонился ему и подумал про себя: «Господи Боже мой! В таком возрасте, при таких достоинствах – и столько смирения!»

Вера Курнатовская. «Воспоминания о моем прадеде - святителе Игнатии»

Прежде чем приступить к описанию детских лет святителя Игнатия, о чем я знаю со слов моей покойной бабушки – его родной и любимой племянницы Софии Дмитриевны Арсеньевой, мне хочется остановиться на том, что окружало святителя со дня его рождения.

Семья Брянчаниновых жила с давних пор в Грязовецком уезде, недалеко от Вологды. Принадлежала она к старинному русскому дворянству, но Брянчаниновы всегда сторонились мишурного блеска Москвы и Петербурга и не стремились туда.

По семейной традиции, было принято, что, отбыв обязательную военную службу, члены семьи возвращались в свои имения и там жили интересами своего хозяйства.

Старшая ветвь брянчаниновского рода владела имением Покровское. Хозяин Покровского считался старшим в роде, к нему обращались за советами не только ближайшие члены семьи, но и дальние родственники. Он в нужных ситуациях созывал семейный совет всех представителей рода и на нем разрешал вопросы, как чисто семейные, так и хозяйственные...

В начале XIX столетия хозяином Покровского оказался Александр Семенович Брянчанинов (отец святителя). После выхода с военной службы в отставку он вернулся в родное Покровское и женился на своей дальней родственнице – Софии Афанасьевне Брянчаниновой. Трое первых детей молодой четы умерли еще в младенчестве. Но судьба было благосклонна к следующему ребенку, который родился 5 февраля 1807 года. Ему и суждено было стать в будущем великим святителем Русской Православной Церкви.

После Дмитрия (таково было мирское имя святителя) у Александра Семеновича и Софии Афанасьевны благополучно родилось еще несколько детей. Среди своих братьев и сестер Митенька, как его звали в семье, с ранних лет стал проявлять совершенно особенные свойства характера и настроения. Он не шалил подобно своим братишкам, всегда был внимателен к окружающим, заботлив по отношению к более слабым, послушен и покорен старшим, точно с младенческих лет он приготавливал себя к монашескому послушанию. Он любил природу какой-то особенной, не детской любовью и находил себе удовлетворение в общении с нею.

Все дети обязательно каждое воскресенье вместе с родителями посещали церковь, а накануне принимали участие в чтении и пении во время всенощной, которая всегда служилась дома в Покровском.

Религиозность Митеньки, его пламенная любовь к Богу, стремление к Нему поражали и родителей, и наставников.

Однако пришло время помещать трех старших мальчиков в учебные заведения. Александр Семенович наметил отправить Митю, Петю и Сеню под надзором дядьки Михеича в Петербург в Военно-инженерный корпус. Александр Семенович отлично понимал, что у военно-инженерного дела большое будущее, а потому решил дать детям именно такую специальность. Мальчики поступили в Военно-инженерное училище, а дядька Михеич ежемесячно докладывал родителям о поведении и успехах своих питомцев. Кстати, о Митеньке говорилось, что он никакими развлечениями, свойственными его возрасту, не интересуется (не в пример своим братьям), пустых книг не читает, а все свои интересы устремляет к Богу. В это время он каждое воскресенье обязательно отправлялся в Александрово-Невскую Лавру и там за ранней обедней приобщался Святых Тайн. В душе юноши зрело и оформлялось непреклонное желание оставить мир с его радостями и соблазнами и принять иноческий постриг.

Отлично закончив Николаевское Военно-инженерное училище, Дмитрий механически был зачислен в число слушателей Военно-инженерной Академии. После учебы последовала служба в Динабургской крепости. Однако мечта о монастыре не оставляла молодого офицера.

Несмотря на противодействие родителей и даже самого императора Николая I, ему удалось, в конце концов, оставить мир и удалиться в глухую пустынь.

Игумен Александро-Свирского монастыря, строго допросив молодого офицера, принял его в число послушников. Было решено испытать его на самых трудных монашеских послушаниях: его заставляли работать на скотном дворе и выполнять самые трудные обязанности в монастырском хозяйстве. Братия сперва с некоторой насмешкой смотрела на то, как такой белоручка справляется с тяготами монастырской жизни. Но такое отношение к нему вскоре резко изменилось: иноки увидели, что их новый собрат с усердием исполняет все возложенные на него послушания, и мало-помалу прониклись к нему глубоким уважением. Настоятель тоже обратил внимание на труды послушника Дмитрия.

Через некоторое время Дмитрий Александрович был пострижен под именем Игнатия, рукоположен в сан иеродиакона, а затем и иеромонаха. Чаяния Митеньки сбылись – он стал служителем алтаря Господня. Таинство Священства отец Игнатий принял как величайший дар Божий – ведь все труды и невзгоды можно было перенести лишь для того, чтобы получить эту великую духовную радость...

Николай I решил перевести отца Игнатия настоятелем Сергиевой пустыни под Петербургом.

Подписывая назначение, Николай Павлович сказал: «Не захотел солдат в бой водить, пусть теперь монахов в порядок приводит!»

Перед архимандритом Игнатием стояла серьезная задача приведения в порядок монастыря, ожидавшего коренных реформ. Он блестяще справился с делом: и порядок в монастыре был наведен, и обитель получила дивные храмы и многочисленные здания. Архимандрит Игнатий умел привлекать пожертвования и капиталы для своего монастыря. Внутренняя дисциплина была поставлена очень высоко, ибо настоятель силой своего нравственного авторитета воспитывал иноков, наставлял их на покаяние и приводил к Богу.

Время, когда настоятелем Сергиевой пустыни был архимандрит Игнатий, считается самой блестящей страницей в истории этой обители. В монастыре возникла традиция награждать особо примерных послушников при принятии ими пострига именем Игнатия – об этом нам с матерью говорил в 1926 году настоятель пустыни архимандрит Иоасаф. После его смерти в 1930 году обитель была закрыта.

Когда я с матерью бывала у архимандрита Иоасафа в Сергиевой, он в нашу честь всегда надевал настоятельский крест, когда-то принадлежавший святителю Игнатию. Чудесные панации, ему же принадлежавшие, мы также видели на нашем друге, архиепископе Костромском Тихоне, когда дважды (в 1906 и 1910 годах) навещали его в Костроме, поскольку после смерти святителя Игнатия панации перешли к Костромской архиерейской кафедре. Это объясняется тем, что он скончался в Николо-Бабаевском монастыре, находившемся в ведении вышеупомянутой епархии.

В Сергиевой пустыни сохранились «Игнатиевы места» – те аллеи и скамейки в монастыре, которые особенно любил святитель Игнатий.

Если весть об игумене Игнатии дошла до далекого Петербурга, дошла она, конечно, и до Покровского.

Александр Семенович принял своего сына официально, так что в следующие свои приезды на родину отец Игнатий никогда больше не останавливался в Покровском, а направлялся прямо в Ивашево, к своей любимой младшей сестре Елизавете Александровне Паренсовой. Она была крестницей своего старшего брата, и эта духовная связь как-то особенно связывала брата и сестру.

Отец Игнатий очень подружился с мужем Елизаветы Александровны – Дмитрием Тихоновичем, но особую привязанность он испытывал к своей племяннице – единственной дочери Елизаветы Александровны, «солнышку Сонечке с болотными глазками», как он ее прозвал в

раннем детстве за ее солнечный нрав и светло-карие глаза. Эта девочка стала моей бабушкой – С.Д. Арсеньевой.

Трогательно было видеть – так гласит семейное предание – сурового монаха в ивашевском саду, окруженного пятью малышами-племянниками (кроме своих двух детей, у Елизаветы Александровны воспитывались трое сирот-племянников – детей ее братьев). Эти воспоминания о любви и ласке дяди-архимандрита сохранились у них на всю жизнь, о чем я неоднократно слышала от бабушки и ее братьев.

В бытность отца Игнатия в Сергиевой пустыни, однажды вечером туда привезли разбившегося на маневрах молодого офицера. Это был брат отца Игнатия – Александр Александрович. Когда отец Игнатий пришел и увидел несчастного юношу, он сразу понял, что конец его недалек. Преподав ему последнее напутствие, он стал готовить брата к блаженному переходу в вечность. Убедительные слова старшего брата оказали громадное влияние на больного, и он с радостью принял возложенную на него схиму. Уже как воин Царя Небесного, оставив звание воина царя земного, он перешел в вечность.

Моя бабушка С.Д. Арсеньева, в сопровождении своей единственной дочери Веры, моей матери, не раз навещала своего дядю в его обители. Бабушка рассказывала мне об исключительных службах отца Игнатия в Сергиевой пустыни, о его громадной популярности, привлекающей в обитель бесчисленное количество богомольцев. Особенно много их было в дни Великого Поста. Люди шли туда, стремясь попасть на исповедь к отцу Игнатию, получить от него духовное утешение и поддержку. Великопостные службы в пустыни были настоящими школами покаяния и молитвы.

Бабушке приходилось наблюдать это в 1854–1856 годах, когда она с Елизаветой Александровной проводила зимы в Петербурге: почти каждое воскресенье мать и дочь отправлялись в Сергиеву. После обедни и раннего обеда отец

Игнатий брал Сонюшку (ей было тогда четырнадцать лет) и гулял с нею по монастырскому саду. До глубокой старости бабушка не могла забыть своих бесед с дядей. Он объяснял ей истины христианской веры, богослужение и основы христианской нравственности. Все эти вопросы он разъяснял так душевно, так понятно, что они на всю жизнь утвердили веру бабушки. Эту веру она передала своей дочери, моей матери Вере Юльевне Арсеньевой, в замужестве Курнатовской, а она передала мне...

В семье святителя Игнатия сохранилось устное предание о том, что он всеми силами боролся против назначения его епископом. Он считал, что в Сергиевой он может принести больше пользы, чем в качестве епархиального архиерея, где его настроение будет постоянно нарушаться обычными административными заботами. Пока был жив его покровитель, император Николай I, ему удавалось это. Но после смерти последнего он был назначен епископом Кавказским и Черноморским, а потому вынужден был оставить свое горячо любимое детище – Сергиеву пустынь.

Всего четыре года провел епископ Игнатий в качестве епархиального архиерея и – он сам говорил своим родным – никогда в жизни не переживал он столько тяжелого, как за этот период. Через четыре года он запросился на покой и, наконец, в 1861 году обрел покой душе своей в Николо-Бабаевском монастыре Костромской губернии, куда был назначен настоятелем. Сюда в 1862 году к нему приехали и остались послушниками два его младших брата – Петр и Михаил, которые под руководством брата-святителя начали свой иноческий подвиг. Много раз, уже после смерти святителя, епархиальное начальство и братия монастыря просили принять постриг Петра и Михаила, но оба они отказывались, говоря, что не считают себя достойными. Они приняли схиму только перед самой смертью в конце 1880 года.

Приложения

Приложение 1 Николо-Бабаевский монастырь

Местоположение Николо-Бабаевской обители очень красиво: она стоит на возвышенном правом берегу реки Волги, при впадении в нее реки Солоницы, на полпути от Костромы к Ярославлю, недалеко от села Большие Соли и поселка Некрасовского. В весенний разлив вода доходит до самых стен монастыря, и тогда здания его кажутся стоящими на воде или на острове.

Относительно основания Николо-Бабаевской обители существует несколько версий. Согласно одной из них, основание обители приписывается некоему иноку обители преподобного Сергия – Иоанну, жившему в XV веке.

Согласно другой версии, красота здешних мест поразила монахов московского Николо-Угрешского монастыря, владевших расположенными неподалеку соляными варницами, и они в конце XIV столетия zaloжили новый монастырь. Согласно этой же версии, первый храм во имя святителя Николая Чудотворца был освящен в 1375 году самим преподобным Сергием Радонежским.

Свое название Николо-Бабаевский мужской монастырь получил от «бабаек» – больших весел, употреблявшихся вместо руля при сплаве леса по Волге. Когда лесопромышленники заводили плоты в устье Солоницы, бабайки, или весла, были им не нужны, и их складывали в пользу монастыря. На одной из таких бабоек и явилась древняя икона святителя Николая Чудотворца – главная святыня обители.

Издревле этот чудотворный образ привлекал к себе богомольцев. Жители как близлежащих городов, так и окрестных сел прибегали к молитвенной помощи святителя у этого образа. Установилась традиция торжественно носить эту чудотворную икону из монастыря в Кострому и Ярославль. В каждом из этих городов икона находилась ежегодно в зимнее время от трех до четырех недель.

В 1550 году монастырь погорел, был возобновлен и снова погорел в 1553 году. В Смутное время, в 1608 году обитель была разорена шайками Тушинского вора. И лишь к середине XVII века обитель была восстановлена и обрела относительное благосостояние. В 1650 годах построили существовавший в обители вплоть до 1930-х годов каменный двухэтажный соборный храм во имя святителя Николая. Над святыми воротами был устроен храм Успения Пресвятой Богородицы.

В это же время у обители появляются состоятельные жертвователи: царь Алексей Михайлович и многие представители знаменитых русских боярских родов: князья Сицкие, Хилковы, Львовы, Голенищевы-Кутузовы, Салтыковы, Хитровы, Чоглоковы.

К сожалению, материальное благосостояние не способствовало духовной жизни. И в 1709 году из-за раздоров между братией Николо-Бабаевская обитель была приписана к Переславскому Горицкому монастырю. В 1729 году обитель вновь обретает независимость, и настоятелем назначается игумен Галактион.

В 1790 году в Николо-Бабаевском монастыре был введен общежительный устав. При игумене Савве (1793–1810) в обители был построен летний храм во имя святителя Иоанна Златоуста и преподобного Сергия Радонежского, а также устроена библиотека.

Особой страницей в истории Николо-Бабаевского монастыря было пребывание в нем известного русского богослова и аскетического писателя XIX века – святителя Игнатия Брянчанинова.

Впервые святитель Игнатий посетил это место в 1847 году, когда, будучи еще архимандритом и настоятелем Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом, он был освобожден от управления пустыней и для поправления подорванного здоровья приехал в этот удаленный монастырь. Святителю понравилась эта обитель – и по причине климата, благотворно повлиявшего на его здоровье, и по причине уединения монастыря.

Летом 1861 года, уже будучи епископом Кавказским, святитель подал прошение об увольнении на покой по причине плохого здоровья. Он попросил себе настоятельство в Николо-Бабаевском монастыре. Просьба его была удовлетворена.

Приехав сюда 13 октября 1861 года с группой своих учеников и сподвижников, владыка нашел хозяйство монастыря в незначительном упадке: многие здания обители обветшали, в том числе и соборный храм. Благодаря жизненному опыту святителя и энергии его помощника и духовного сына игумена Иустина быстро удалось преодолеть хозяйственные трудности и осуществить необходимые восстановительные работы. Уже в 1862 году началась подготовка к строительству нового здания собора в честь Иверской иконы Божией Матери по особому проекту, благословленному святителем и рассмотренному и одобренному самим государем.

Помимо забот по внешнему украшению и благоустройству обители святитель Игнатий не оставлял духовных трудов. Здесь он написал монументальные труды: «Приношение современному монашеству» и «Отечник», а также множество назидательных писем.

Труды святителя по благоустройству обители после его кончины продолжил его ученик и бывший келейник архимандрит Иустин. Благодаря усилиям его и брата почившего святителя – Петра Александровича Брянчанинова, были изысканы необходимые средства, и завершено строительство и благоукрашение собора в честь Иверской иконы Божией Матери, освящение которого состоялось по завершении всех работ только 8 сентября 1877 года.

К концу XIX века монастырь достиг своего полного благоустройства. Здесь было четыре храма: двухэтажный каменный собор, посвященный Иверской иконе Божией Матери, Нерукотворенному образу Спасителя, Рождеству Христову и Сретению Господня; вторая церковь теплая, во имя св. Николая Чудотворца; третья – во имя св. Иоанна Златоуста и преп. Сергия Радонежского; четвертая – в честь Успения Божией Матери.

Главными святынями монастыря являлись три чудотворные иконы: святителя Николая Чудотворца, Иверской и Казанской икон Божией Матери.

С приходом советской власти Николо-Бабаевский монастырь в 1920-х годах был закрыт и разорен. Все святыни монастыря, включая древний чудотворный образ святителя Николая, бесследно исчезли. Территория монастыря стала использоваться для различных светских учреждений. Храм святителя Николая и Иверский собор были взорваны.

В годы Великой Отечественной войны в стенах обители был расквартирован госпиталь. Позднее в монастырских зданиях размещались дом престарелых и детский дом, колония для малолетних преступников и детский туберкулезный санаторий.

После закрытия в 80-х годах противотуберкулезного стационара, располагавшегося на территории монастыря, бесхозные монастырские строения стали разрушаться. В этой ситуации руководство Ярославской епархии приняло решение о поднятии мощей святителя Игнатия. Мощи святителя, прославленного в рамках празднования 1000-летия Крещения Руси в 1988 году, были подняты и перенесены в Свято-Введенский Толгский монастырь в Ярославле, где почивают и по сей день.

В 1998 году монастырь вновь становится действующим. В нем поселяется братия во главе с игуменом Борисом (Долженко). Постепенно обитель восстанавливается. Вновь восстановлен и действует храм в честь преподобного Сергия и святителя Иоанна Златоуста. Также активно восстанавливаются и келейные корпуса.

С мая 2003 по 1 сентября 2006 года в Николо-Бабаевском монастыре на покое жил митрополит Симон (Новиков), управлявший Рязанской епархией с 1972 по 2003 годы.

Приложение 2

Свято-Введенский Толгский женский монастырь

Свято-Введенский Толгский женский монастырь был основан в 1314 году, при святом благоверном князе Давиде Феодоровиче Ярославском, епископом Ростовским Трифоном.

Согласно преданию, это произошло следующим образом. Епископ Трифон (до пострижения в схиму Прохор), объезжая владения своей обширной епархии, возвращался рекою Волгою в Ярославль из Белозерской страны. Застигнутый поздним вечером в пути 7 августа, он вместе с бывшими при нем священниками и клириками остановился ночевать на правом берегу Волги, в 8 верстах от Ярославля. Место это было тогда необитаемое, а напротив него, на другой стороне Волги, рос большой дремучий лес.

В полночь святитель, пробудившись от сна, видит в шатре своем свет, проникавший в него снаружи. Обратившись же к реке, он увидел на противоположном берегу неизъяснимо сияющий огненный столп и до того столпа через реку мост. Удивившись такому видению, помолившись и взяв свой посох, епископ пошел к реке, пройдя по чудесному мосту, подошел он к огненному столпу и посреди его увидел образ Божией Матери с Предвечным Младенцем, стоящий на воздухе, в возвышении от земли более пяти локтей. Упав на колени перед образом, святитель помолился Царице Небесной. А затем вернулся к месту ночлега, но у иконы Божией Матери святитель забыл свой посох.

Утром же 8 августа, встав от сна, спутники святителя заметили странное исчезновение архиерейского посоха, который вчера был поставлен у изголовья архиерейского ложа, и доложили о том святителю. Поняв, таким образом, что Богу угодно, чтобы виденное им чудо было открыто, епископ Трифон пересказал по порядку все, что видел за Волгой и как там был.

Потом все вместе – и клир, и архиерей, переправились через Волгу и увидели в лесу между деревьями стоящую на земле икону Божией Матери, а рядом – архиерейский посох. Весть о чуде быстро облетела Ярославскую землю, и к месту обретения иконы во множестве начал стекаться народ. Помолившись, люди начали расчищать место для строительства храма. Епископ Трифон вместе со всеми «нача своима рукама сещи лес и очищати место оное, и готовити древа на церковь малу». В один день был построен храм, а к вечеру святитель освящает ее во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии и вносит в храм явленную икону. Эта икона была названа «Толгской», от небольшой речки Толги, протекавшей на том месте и впадавшей в Волгу.

Явленная икона написана греческим письмом на доске, мерой в длину почти 14, в ширину почти 11 вершков. На иконе Пресвятая Богородица представлена несколько наклонившей Свою главу к Богомладенцу. Правая Ее рука обращена к Богомладенцу с простертой дланью, как бы просящая милости. Богомладенец изображен с лицом, прикасающимся к лику Матери, и правой Своей рукой объемлет Ее главу. В таком начертании иконы самым наглядным образом отображается та беспредельная любовь Божия к роду человеческому, которая побудила Бога-Слова к воплощению от Девы. Среди икон Божией Матери типа «Умиление», к которому относится и Толгская икона, трудно найти равную ей по выражению скорби.

В тот же день епископ Трифон благословляет основание монастыря при Введенской церкви и определяет в него настоятеля-игумена. Так была основана Толгская обитель, существующая в продолжение почти семи веков.

Первым событием, которое становится известным в истории Толгской обители, является чудо истечения от Толгской иконы святого мира. 16 сентября 1392 года, при игумене Германе, когда священник возгласил: «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим», внезапно от иконы Божией Матери, из правой руки истекло миро, которое наполнило весь храм великим благоуханием. После утрени братия пела молебен Пресвятой Богородице, и когда в конце оно

запели: «Владычице, приими молитвы раб Твоих», тогда от той же иконы, из левой ножки Предвечного Младенца также истекло миро. Многие больные, присутствовавшие тогда в храме и помазавшиеся тем миром, получили исцеление. С этого времени икону Богоматери стали почитать как мироточивую.

Монастырские летописи донесли до нас рассказ и о других чудесах того времени. В городе Ярославле жила девица по имени Мария, одержимая нечистым духом, и терпела от того столь сильные мучения, что правый глаз ее выходил из орбиты. В таком несчастном положении она пребывала в продолжение полугода. Наконец, родственники привели ее в Толгский монастырь. Здесь, помолившись перед иконой Богоматери, она тотчас получила освобождение от нечистого духа и скорое исцеление от болезни: ее правый глаз возвратился на место, и она совершенно здоровой возвратилась домой, восхваляя Бога и Пречистую Богородицу.

Еще одно чудо. В пределах города Ярославля жил князь, именем Исаакий, с супругой. Находясь в супружестве более двадцати лет, они не имели детей. После того они однажды, по взаимному согласию между собой, отправились в Толгскую обитель и просили игумена придти к ним в дом с образом Богоматери и совершить всенощное бдение, дабы Бог, по молитвам Богородицы, исполнил их пламенное желание и разрешил их долговременное неплодство. Бог внимал молитвам рабов Своих и наградил их усердие рождением сына, а потом и дочери.

В начале XV века в монастыре произошел большой пожар. Пламя мгновенно охватило церковь, так что братия не могла ничего спасти из церковной утвари. Сгорели кельи, ограда, все погибло, а потому все думали, что и чудотворная икона Богородицы также сгорела, и скорбели о том. Но когда пожар окончился, то святую икону обрели вне монастыря, в лесу на дереве, чудесно изъятую из пламени, совершенно невредимую и сияющую светом.

Вскоре восстановлению обители способствовало еще одно чудо. В Новгороде жил человек, именем Василий, имевший скорченные и иссохшие ноги. Он наследовал от своих родителей большое имение. Будучи набожен, Василий делал щедрые пожертвования в святые храмы и раздавал много милостыни нищим, слезно моля Бога об облегчении его болезни. В таком состоянии он услышал о чудесах, совершающихся от иконы Пресвятой Богородицы в обители Толгской. Поэтому он, несмотря на дальность расстояния и трудность путешествия, велел везти его в Толгскую обитель. Узнав о пожаре, Василий пожертвовал значительную часть своего имения на строительство храма. В непродолжительное время, с помощью Божией, была построена новая церковь, просторная и красивая. Во время ее освящения, когда совершалось обычное обхождение освящаемой церкви с иконами и крестами, Василий, увидев чудотворный образ Богоматери, начал горько плакать и усердно молиться, прося Пресвятую Богородицу исцелить его от лютой болезни. Когда он молился, то внезапно ноги его утвердились: он почувствовал себя совершенно здоровым и стал ходить, как будто бы никогда не был болен. Исполнившись великой радости, он прославлял дивную в чудесах Пречистую Богородицу.

Около 1400 года Ярославским князем Федором Федоровичем Толгскому монастырю была дарована жалованная грамота на деревню Кукольцыно с освобождением крестьян от княжеских даней и повинностей.

Во второй половине XV века род князей Ярославских раздробился настолько, что в нем считалось уже до 40 отраслей, и каждый член этого огромного семейства имел свой маленький удел. Толгский монастырь попал в вотчину князей Засекиных и терпел от них много притеснений. Вотчинные права над монастырем выражались как в административной, так и в судебной власти над ним. Кроме того, монастырь должен был платить князю известную дань. Еще более обременительными были для монастыря постоянные наезды властей, которые требовали себе кормов, подвод, даров, посулов и многое другое.

Князья Засекины слишком злоупотребляли своими вотчинными правами. Поэтому что монастырь должен был обратиться с челобитной к Великому Московскому князю Василию Васильевичу Темному, уже открыто проявлявшему тогда свою власть в уделах, и в частности, в

княжестве Ярославском. Результатом этой челобитной было то, что князь Василий Васильевич Темный взял монастырь под свое покровительство и вступаться в монастырь Засекиным не велел.

В 1553 году обитель посетил царь Иван Грозный. Поводом к этому посещению послужило путешествие царя на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь по случаю болезни ног. На обратном пути по рекам Шексне и Волге царь остановился у Толги. После молебна у чудотворной иконы Богородицы царь исцелился. На радостях он одарил игумена и братию, пожаловав в обитель образ Спаса Нерукотворного и дав средства на строительство каменного храма. Впоследствии он также неоднократно делал вклады в Толгскую обитель.

В Смутное время Толгская обитель была полностью разорена. Во время осады Ярославля, отдельные шайки интервентов разбрелись по окрестностям Ярославля предавая все огню и мечу. 18 мая 1609 года они ворвались в Толгский монастырь. Около 46 монахов и послушников, укрывшихся в церкви, были убиты, вся монастырская казна разграблена, а деревянные постройки сожжены. Впоследствии, при архиепископе Ионафане, в 1893 году над братской могилой иноков была воздвигнута часовня.

В разграбленном и разоренном монастыре чудом сохранился явленный образ Матери Божией.

В 1612 году, когда Ярославль стал местом сбора народного ополчения под предводительством князя Дмитрия Пожарского, в городе началось моровое поветрие, от которого гибли тысячи людей. Мор прекратился после того, как крестным ходом чудотворный образ Толгской иконы Божией Матери был принесен в Ярославль.

Впоследствии, после поразительной благодатной помощи, полученной в тяжких бедах, постигших Ярославль в 1654–1657 годах, жители Ярославля исходатайствовали установление ежегодного крестного хода чудотворной Толгской иконы в Ярославль.

Труд восстановления монастыря после Смуты выпал на долю игумена Серапиона. При нем в 1620 году царем Михаилом Федоровичем Романовым пожаловано было 40 рублей на строение церкви в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня и 100 рублей на строение колокольни.

Бурный расцвет обители связан с именем одного из наиболее замечательных ее настоятелей, игуменом Гордианом, управлявшим ею с 1673 по 1700 годы. Прежде всего, на его долю выпала забота об окончании постройки святых монастырских ворот, которые незадолго до того времени начали строиться на средства торговцев Ярославской гостинной сотни, Семена и Ивана Матвеевичей Сверчковых. Кроме устройства святых ворот и каменной Никольской церкви над ними, они пожертвовали монастырю также тысячу пудов соли и истратили на благоустройство обители 2538 рублей 15 алтын и 2 деньги – сумму по тому времени громадную.

Другим большим делом игумена Гордиана была постройка величественной Введенской соборной церкви на месте древней маловместительной и уже обветшавшей. Постепенно готовились материалы для будущего соборного храма, выработывался план, и, наконец, в 1681 году Гордиан испросил у митрополита Ионы (Сысоевича) благословение разобрать малый Введенский храм и выстроить новый. Работы начались в том же 1681 году и окончились через два года. Опытный в делах строительства, он очень внимательно приготавливал план будущего храма. Лучшими для подражания были тогда соборы Ростовский и Ярославский.

Этот собор находится посреди монастыря, как раз напротив святых ворот. Стены и своды храма были расписаны стенным письмом греческого стиля в 1690 году искусными мастерами Ярославля и Костромы: Дмитрием Семеновым-Сибиряком, Феодором Федоровым, Василием Осиповым и другими.

После окончания постройки церкви начата была постройка трехъярусной величественной колокольни, которая окончена была сооружением около 1688 года. На колокольню был поднят вместе с прежними колоколами и новый большой колокол весом в 200 пудов, прило-

женный в дар обители усердием окольного князя Никиты Яковлевича Львова, давшего на слитие колокола тысячу рублей.

Ко времени настоятельства в Толгском монастыре игумена Гордиана относится умирительно-трогательное событие духовного во Христе примирения Святейшего Патриарха Никона, возвращавшегося по Волге из своего долгого заточения, с прежним своим недоброжелателем, архимандритом Сергием, сосланным в Толгский монастырь на покаяние. 16 августа 1681 года, чувствуя приближение смерти, блаженный Никон повелел пристать возле монастыря, чтобы причаститься Святых Христовых Тайн. Игумен же монастыря с братией вышел навстречу, с ними же был и архимандрит Сергей. Видев блаженного уже близ смерти, Сергей припал к ногам его со слезами говоря: «Прости мя, святче Божий, яко паче всех сих, иже поношение на тя подняли, досаждение творил, и поношение, и всяку злобу святыни твоей во время изгнания твоего, повинен ти аз, собору в сем угодная творя».

Игумен Гордиан скончался в 1700 году и погребен под придельным алтарем сооруженного им соборного монастырского храма, при северо-западной стене алтаря. Под соборным храмом находится усыпальница почетных граждан города, которые при жизни своей вносили пожертвования в святую обитель, а также представителей знаменитых древних боярских родов: Голицыны, Вяземские, Троекуровы, Мельгуновы и другие.

Монастырь обнесен каменной оградой, в которой устроено девять башен. Точное время построения ее неизвестно, предположительно – в самом конце XVII века.

В XVIII веке – в 1763 году Толгскую обитель посетила путешествующая по Волге императрица Екатерина II. Она пожаловала монастырю крест с цепочкой, украшенный бриллиантами и яхонтами.

В 1812 году в трапезе Спасской церкви был погребен герой Отечественной войны, умерший от ран, полученных в Бородинском сражении, генерал-лейтенант Николай Алексеевич Тучков, о чем имеется мемориальная надпись на стене.

21 мая 1913 года, в рамках празднования 300-летия Дома Романовых, в Толгский монастырь на пароходе прибыл император Николай II с семьей.

В 1914 году обитель отмечала свой 600-летний юбилей. Приготавливаясь к такому славному событию, наместник монастыря, игумен Серафим (Самойлович), с благословения и указания Высокопреосвященнейшего настоятеля обители, архиепископа Ярославского и Ростовского Тихона (Беллавина), произвел сложный и основательный ремонт всех храмов и монастырских зданий. В декабре 1910 года Владыка Тихон писал: «Для достойного ознаменования 600-летнего юбилея Толгского монастыря хорошо было бы еще при монастыре устроить какое-либо благотворительно-просветительное учреждение, в роде, например, приюта для мальчиков с ремесленными классами». В 1913 году им была устроена сельскохозяйственная пчеловодческая школа с приютом для сирот, в которой за счет монастыря и благотворителей обучалось до двадцати пяти учеников. Благодаря щедрому пожертвованию святителя Тихона (на сумму пятьсот рублей), был расширен монастырский странноприимный дом.

Но юбилейными торжествами руководил уже архиепископ Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский). Обитель во главе с ее наместником в дни юбилея приняла множество богомольцев.

Во время Первой Мировой войны в Толгском монастыре был учрежден лазарет для раненых.

После революции 1917 года Толгская обитель недолго оставалась в покое. Уже в октябре 1918 года была произведена опись всего имущества монастыря, составлено соглашение, содержание которого заключается в том, что насельники Толгского монастыря приняли все это имущество от Ярославского Совдепа в бессрочное, бесплатное пользование на определенных условиях – монастырь был упразднен, а на его месте братия организовала трудовую артель. В это время в обители поселился митрополит Агафангел (Преображенский).

Монастырь продолжал жить в этих условиях до 1928 года, а затем он был закрыт. И в 1929 году с его звонницы были сброшены колокола.

Сначала в закрытой обители размещался Волгострой, затем в 1936–37 годах в монастырь приехали новые хозяева – воспитатели и воспитанники школы ФЗУ Наркомюста, впоследствии детской колонии НКВД. Ее разместили в здании монастырской гостиницы.

На рубеже 60-х годов рядом с монастырем развернулось строительство. Бывший его хозяйственный двор с постройками и гостиницей и большая луговина на левом берегу речки Толги были обнесены бетонной оградой и рядами колючей проволоки. Так началось создание исправительной колонии малолетних преступников.

Для персонала построили рядом каменный двухэтажный дом. Есть сведения, что на его фундамент брали каменные памятники с уничтоженного монастырского кладбища. Впоследствии там вырос поселок, куда переселялись из монастырских зданий работники колонии. Последние жители обители, жившие здесь десятки лет, были выселены в 1986 году.

В рамках подготовки празднования 1000-летия Крещения Руси, в декабре 1987 года, Толгский монастырь был возвращен Церкви. Вскоре Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Пименом и Святейшим Синодом на территории древнего монастыря была учреждена женская обитель, настоятельницей которой была назначена игуменья Варвара (Третьяк).

Обитель в момент передачи Церкви находилась в состоянии крайней заброшенности. Большая часть построек пребывала в аварийном состоянии. Почти полностью были утрачены настенные росписи, декоративная керамика, разрушены иконостасы. Частично сохранившиеся стены давали лишь смутное представление о когда-то величественном монастырском ансамбле.

26 мая 1988 года возрождающаяся Толгская обитель праздновала особое радостное событие – обретение и перенесение честных мощей великого подвижника, религиозного мыслителя и духовного писателя XIX века – святителя Игнатия (Брянчанинова).

Вскоре трудами настоятельницы и насельниц было оборудовано отопление, подведены водопровод, канализация, организованы столярная и слесарная мастерские, газовая котельная, гараж, отреставрированы или заново возведены каменные хозяйственные строения и кирпичные келейные здания, устроены овощехранилища, налажена работа трапезной, оборудован медицинский кабинет.

12 июля 1990 года в монастыре впервые зазвонил большой колокол. В августе 1992 года был освящен Введенский собор – единственный храм обители, где частично сохранились древние фрески.

Вообще за 15 лет были отреставрированы и освящены четыре монастырских храма. В настоящее время богослужение в основном совершается в теплом Крестовоздвиженском храме. В его подклети расположилась монастырская библиотека. С мая 2000 года по апрель 2002 года храм полностью был расписан художниками школы «Ярославская икона», под руководством академика Российской Академии художеств, заслуженного художника России, члена Президиума совета по культуре Н.А. Мухина. Спасский и Никольский храмы расписаны насельницами обители. Интерьер Никольского (надвратного) храма украшают Царские врата XVII века, под которыми сестрами был устроен тябловый иконостас, украшенный резьбой. В Спасском храме совершается чтение «Неусыпаемой» Псалтири.

В настоящее время Толгский монастырь, по всей справедливости, может быть отнесен к числу благоустроенных Российских обителей. В обители подвизается более ста сестер. Часть сестер живет на монастырском подворье в селе Введенское Некрасовского района Ярославской области. Имеется при монастыре школа-интернат для девочек и регентский класс для девушек, желающих стать руководителями церковного хора.

Одной из достопримечательностей Толгской обители является кедровая роща, расположенная в юго-восточной ее части. По преданию, устройство парка относится к последней чет-

верти XVI столетия. Высокая стена защищает рощу от ветра, здесь почти всегда тихо. Для питания сада водой между кедрами, насаженными полуциркулем аллеей в два ряда, был выкопан пруд. Из-за нарушения дренажной системы в настоящее время пруды почти высохли, да и густые ряды кедров значительно поредели. Сестры позаботились посадить несколько десятков новых саженцев кедра.

В 2008 году председатель Правительства России Владимир Путин подписал распоряжение о передаче всех монастырских зданий в собственность

Приложение 3

Когда я читаю его сочинения, я удивляюсь прямо ангельскому уму его, дивно глубокому разумению Священного Писания. Я как-то особенно располагаюсь к его сочинениям, они как-то особенно располагают к себе мое сердце, мое разумение, просвещая его истинно евангельским светом.

Пятый том сочинений епископа Игнатия заключает в себе учение святых отцов применительно к современному монашеству и научает, как должно читать писания святых отцов. Очень глубоко смотрел епископ Игнатий и даже, пожалуй, глубже в этом отношении епископа Феофана. Слово его властно действует на душу, ибо исходит из опыта.

Преподобный Варсонофий Оптинский

Творения святителя Игнатия облегчают современным читателям понимание древних святых отцов. Творения святителя Игнатия глубоки, многогранны и очень доходчивы. Они написаны не богословом-теоретиком, а практиком, который в своей жизни руководствовался творениями древних аскетов, приобрел ценнейший опыт претворения в жизнь их учения в современном мире и этим опытом делится с желающими спасения.

Максимилиан (Лазаренко), архиепископ Вологодский и Великоустюжский

Поразительно, что на берегах Финского залива, рядом с блистательным Санкт-Петербургом просиял величайший подвижник-аскет XIX века – святитель Игнатий... Жизнь, подвиги, труды и писания святителя Игнатия составляют славу истории Петербургской епархии и в то же время представляют собой ее поразительную тайну, образ святителя-аскета никак не определяется ни его происхождением, ни образованием, ни влиянием среды, ни духом века, скорее противоречит каким-либо внешним факторам.

Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Русский православный народ оценил труды Игнатия (Брянчанинова) и с благодарностью хранит о нем память в своих сердцах.

Познакомившись с жизнью и трудами епископа Игнатия, нельзя не удивляться его огромной деятельности и терпению. К постоянным физическим страданиям прибавлялись и нравственные страдания, вызванные большими недостатками в окружавшем его обществе. Все это перенес стойкий дух Игнатия (Брянчанинова), показав обществу пример истинного подвижничества.

Всю свою жизнь, которая протекала в обстановке большого труда, Игнатий (Брянчанинов) занимался литературным творчеством. После него осталось в его сочинениях богатое духовное наследство, которое до сих пор полностью, пожалуй, еще и не разобрано. Кроме сочинений, имеются письма, оставшиеся благодаря обширной переписке преосвященного Игнатия со многими лицами.

Несмотря на имеющиеся недостатки, сочинения святителя Игнатия вошли в сокровищницу русской богословской и аскетической литературы и занимают в ней значительное место. Сам же приснопамятный епископ Игнатий

всегда будет служить примером для русского православного христианина в деле духовного возрождения и богоуподобления.

Владимир (Котляров), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский

Наша епархия – это край святителя Игнатия. Будучи совершенно особой духовной личностью, он трудился на Кавказе в не очень спокойное время. Святитель Игнатий (Брянчанинов) известен не только как епископ, но и как талантливый духовный писатель и даже общественный деятель. Слишком много неизученного из его наследия еще лежит под спудом.

Наше общество, наша православная общественность мало знают о святителе Игнатии. А ведь в его жизни и трудах содержится неимоверно богатый материал для духовной жизни, для осмысления сегодняшнего дня, русской души, православного видения, взаимоотношений православного Востока с протестантским и католическим Западом. Святитель Игнатий поднимал все эти вопросы, которые актуальны и на сегодняшний день.

Феофан (Аиурков), архиепископ Ставропольский и Владикавказский

Очень рад, что вы приобрели сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Они особенно пригодны по своему содержанию для современного монашества. В них гармонично сочетаются исконно древний характер подвижничества с условиями и особенностями современной жизни. Они требуют потому глубокого изучения.

Феофан (Быстров), архиепископ

Читала с большим удовольствием, с душевным утешением и назиданием. Дороги слова самого владыки.

Вашему духовно осиротевшему чувству хотелось бы так видеть знакомые черты того дорогого, высокого образа, созерцание которого освещает вашу душу. Будем же вместе созерцать его – в его великих и дивных творениях.

Как хорошо вы сделали, что приложили к этому (пятому) тому портрет владыки – епископа Игнатия... В настоящее время я читаю этот том, и как изречения святых отцов, так и взгляд на святое лицо владыки действует на меня необыкновенно хорошо. Чувствуешь себя как-то сосредоточеннее, когда созерцаешь все помыслы свои, исповедуешь все тонкие уклонения своего сердца, когда смотрят на вас эти прозорливые глаза, смотрят в самую глубину души.

Арсения (Серебрякова), игуменья

Епископа Игнатия я читал еще новоначальным послушником, но все его слова помню и теперь: проходящим молитвенный подвиг просто житья нет от буквоедов. Ах, как справедливо сказал мудрый епископ, и это у него вытекало из своего духовного опыта.

Иоанн (Алексеев), игумен

Учиться надо и молитве, и вообще христианству у Игнатия (Брянчанинова). Лучшего учителя для нашего времени нет. Но и он стал почти недоступен современным христианам.

Я забыл при свидании напомнить Вам о произведениях Игнатия (Брянчанинова), особенно о пятом томе. Там Вы нашли бы разрешение многих интересующих Вас вопросов. Я охотно бы с Вами побеседовал, чтобы проверить себя. Сам я долго болел этими вопросами, но имел достаточно

мудрости ждать возможного разрешения их, и действительно: многое казавшееся неразрешимым или противоречащим всему «миросозерцанию» вполне уяснилось и еще более подтвердило правильность этого мировоззрения.

Удалось ли Вам достать еще какие-либо книги Игнатия (Брянчанинова)? Без него понимать древних отцов, а главное, применять их к себе почти невозможно. Это познают все из своего горького опыта, если только будут вообще идти путем истинно христианским, а не мечтательным.

Читайте о молитве Игнатия (Брянчанинова). Особенно много во втором томе, а также и в первом.

Я написал О., что серьезно ищущий Царствия Божия должен быть одинок и что идущему на этом пути Господь дает утешения, пред которыми все земные радости – ничто. Надо только «не оглядываться назад», как сделал Игнатий (Брянчанинов).

Между тем, духовных книг почти нет. Только Св. Писание и творения Св. Отцов духовны. На них-то и можно немножко понять опытно, что значит «духовный». Сравни писания Игнатия (Брянчанинова) и каких-либо профессоров богословия. Какая резкая разница! Ты это хорошо ощущал.

Сегодня день рождения любимого нами Игнатия (Брянчанинова). Как я благодарен ему за его писания! Не понять и не оценить его – значит ничего не понимать в духовной жизни. Смею сказать, что сочинения епископа Феофана (Говорова) (да простит мне св. владыка) – работы школьника по сравнению с творениями епископа Игнатия (Брянчанинова).

Вот что самое дорогое хотел бы я Вам пожелать, если бы Вы спросили меня: постоянно вникайте в Игнатия (Брянчанинова) и идите указанным им путем. Это – путь всех древних отцов, путь, пройденный и самим Игнатием, проверенный им, как человеком нашего времени, развития, человеком наших недостатков и слабостей, нашего почти окружения. Это-то и делает его писания особенно ценными. Прибавьте к этому силу благодати Божией, явно в них ощутимую, ибо писались они не по произволу, а по особому внушению.

Никон (Воробьев), игумен

Прежде всего нужно назвать епископа Игнатия (Брянчанинова) (1807–1867). Поступив в молодые годы в монастырь, он довольно быстро прошел обычную лестницу монашеских послушаний и много лет был настоятелем Сергиевской пустыни, неподалеку от Петербурга, потом епископом Кавказским (в Ставрополе). Это был очень строгий ревнитель аскетической традиции. Он тоже примыкает к традиции старца Паисия, через учеников известного о. Леонида, впоследствии Оптинского старца. «Аскетические опыты» епископа Игнатия написаны с большим вдохновением и очень выразительно. Начертывается идеал духовной трезвости, с особенным предостережением против мечтательности. Но аскетическое приготовление, смирение и самоотречение не заслоняет таинственной цели всего пути: стяжание мира Христова, встреча с Небесным Странником и Гостем ищущих душ.

У Игнатия всегда чувствуется противоборство с мистическими влияниями Александровской эпохи, которые были сильны и в его время. Для него это была прелестная и мнимая духовность, не трезвая, отравленная гордыней, слишком торопливая, и он не одобрял вовсе чтения инославных

мистических книг, в особенности же «Imitation». Есть некая жесткость и в том, как он говорит о светской культуре.

Георгий Флоровский, протоиерей

«Полное собрание писем...» содержит множество ценных наставлений и советов в духовной жизни христианина, прекрасно отображает духовный образ великого подвижника Русской земли – преосвященного Игнатия, и содержит некоторые ранее неизвестные биографические сведения, но при всех этих достоинствах оно очень громоздко и не может быть доступно для почитателей памяти владыки.

Марк (Лозинский), игумен

Жив образ святителя для современных нам христиан, ищущих свое спасение в Православной Церкви, и строки произведений незабвенного подвижника – святителя Игнатия (Брянчанинова) – немеркнувший, живой источник внутренней жизни этих христиан.

Вся жизнь святителя была подвигом. Но это было страдание любви. Любви к Богу. Было это страдание *огнем любви к Богу*. Сам он сказал об этом в одном из своих писем: «Блаженно сердце, сладостно и нестерпимо страждущее любовью к Богу». Страдание этого блаженного сердца – страдание самого святителя Игнатия. Оно же – и огонь любви, огонь святости, возжженный в его душе с первых лет жизни. Сердце это – сердце нового богоносца, воссиявшего в земле Русской.

Среди эпистолярного наследия русских старцев особо выделяются письма духовного писателя и аскета святителя Игнатия (Брянчанинова). Уже первое знакомство с ними показывает, что автор их сохраняет высокий стиль своих больших произведений и с духовным постоянством преподает свое слово тем, с кем ведет переписку. В письмах святителя Игнатия можно встретить отдельные изречения, выражающие сущность деятельности их автора-подвижника, которые стали как бы нарицательными. Наконец, письма эти всегда содержат высокую поэзию слова, являя в себе и раскрывая неизъяснимую глубину русского литературного языка.

Игнатия (Петровская), монахиня

Святитель Игнатий был совершенно необычным человеком, и его путь, конечно же, является для нас недостижимым примером.

Как раз у святителя Игнатия было то самое нескверное житие, был величайший дар рассуждения, о котором он так много пишет, который и позволял ему быть действенным ко спасению руководителем.

Почему мы с такой любовью относимся к святителю Игнатию? Почему мы так благодарны ему? Святитель Игнатий, несомненно, привнес вдохновение в жизнь монашества и его времени, и последующих поколений... Большинство людей, принявших монашество в середине XIX века, в XX веке и сейчас, во многом делают это благодаря тому вдохновению, которое перелил в них святитель Игнатий.

Святитель Игнатий опытно прошел путь от человека светского к влюбленности в святых отцов, в их путь.

Тихон (Шевкунов), архимандрит

Епископ Игнатий (Брянчанинов). Для нас сегодня он имеет двойное значение: он не только святой отец, живший в близкие нам времена, но его поиски Истины очень схожи с поисками Истины искренних искателей Правды наших дней, и он, таким образом, показывает нам, как «просвещенный современный человек» может избежать тотального порабощения современными идеями и образом мыслей и снова войти в чистую атмосферу святоотеческих, то есть истинно православных идей и образа мышления. Особенно вдохновительно для нас чтение рассказа самого епископа Игнатия о том, как военный инженер разорвал путы «современного знания» и присоединился к святоотеческой традиции, которую познал, помимо книг, непосредственно от ученика преподобного Паисия (Величковского) и передал дальше, нашим современникам.

Серафим (Роуз), иеромонах

Полагаю, что значение святителя Игнатия (Брянчанинова) для нашего времени в высшей степени велико. И причина этого вот в чем. Сейчас очень много людей, которые приходят в Церковь, многие люди ищут даже монашеской жизни, многие сейчас говорят (и еще больше – слышат) о духовном совершенстве. Но все реже и реже можно встретить тех людей, которые бы могли действительно указать нам правильный путь духовной жизни.

Значение святителя Игнатия в данном случае непереоценимо. Он, прекрасно изучив святоотеческие творения древних отцов – как восточных, так, кстати, и западных (естественно, до отделения Рима от Православия), прекрасно зная их и пройдя сам очень высокий путь духовной жизни, смог нам эти святоотеческие творения переложить на доступном нам языке и преподать нам на том уровне, который доступен нашему бедному духовному состоянию.

Один из авторитетнейших русских духовных наставников и писателей XIX века – святитель Игнатий (Брянчанинов), творения которого представляют собой одно из таких «отеческих писаний», особенно ценных для современного христианина. Ценность их заключается, во-первых, в том, что они написаны не только из тщательного изучения святых отцов, но и испытаны в горниле личного подвижнического опыта богопознания; во-вторых, они дают достаточно краткое и ясное изложение всех важнейших вопросов духовной жизни, в том числе и опасностей, встречающихся на ее пути, как они раскрыты в святоотеческом наследии Церкви; в-третьих, этот опыт Церкви в них дан применительно к психологии человека ближайшей к нам эпохи (XIX век), с учетом ее уже глубокой обмирщенности, что особенно важно для нашего времени. По этой причине творения святителя Игнатия могут существенно помочь выявлению и осмыслению основ правильной духовной жизни в Православии.

Что конкретно находим мы в творениях святителя Игнатия? Во-первых, глубоко духовное объяснение важнейшего понятия христианской религии – веры во Христа.

Если понимание отцов – задача не всегда простая, то многократно более трудной является находение истинного руководителя. И в этом отношении святитель Игнатий дает особенно ценные советы современному верующему. Он предупреждает о необходимости большой осторожности в выборе духовника и правильном к нему отношении, о неприменности

разлучения с тем, кто окажется в прелести. Наконец, и это может быть особенно важно для современного человека, святитель Игнатий говорит о том, что в настоящее время нет наставников, видящих души людей, но есть еще, милостью Божией, старшая, преуспевшая братия.

А.И. Осипов, профессор богословия

Замечательным представителем иерархии был и владыка Игнатий (Брянчанинов) (1807–1867), снискавший особое признание монашества благодаря своей аскетической жизни, связи со старчеством и своим сочинениям.

Его сочинения говорят о том, что Игнатий был и аскетом, и мистиком. Он принадлежал к тем представителям восточного христианства, которые конечной целью аскезы считали не просто спасение души, а обожение.

Духовный облик епископа Игнатия (Брянчанинова) характерен для тех русских архиереев синодальной эпохи, которые черпали духовные силы из аскетического предания Восточной Церкви и сохраняли связь со здоровой частью русского монашества. Они не только сами были примером христианского аскетического делания, но и способствовали возрождению монашества. Своими трудами, своими сочинениями они способствовали тому, что отдельные иноки и даже целые монастыри вступали на правильный аскетический путь, тому, что многие недостатки были устранены из монастырского быта.

И.К. Смолич, доктор богословия

Значение святителя Игнатия для современного монашества, для современной Церкви, для современного христианства ничуть не меньше святого Арсения Великого, а может быть, и больше. Я считаю и глубоко убежден, что святитель Игнатий имеет то же значение, какое имел святитель Василий Великий для своего времени.

Сергий (Рыбко), игумен

Молитвы святителю Игнатию

Молитва святителю Игнатию

О великий и пречудный угодниче Христов, святителю отче Игнатие! Милостиво прими моли́твы на́ша с любовью и благодарением тебе приносимыя! Услыши нас сирых и беспомощных, к тебе с верою и любовью припадающих и твоего тёплага предста́тельства о нас пред Престо́лом Го́спода Сла́вы просящих. Ве́мы, яко́ мно́го мо́жет моли́тва пра́ведника, Вла́дыку умило́стивляющая. Ты от лет младе́нческих Го́спода пла́менно возлюбил еси́ и Ему́ Еди́ному служи́ти восхоте́в, вся кра́сная ми́ра себѣ ни во что́же вмени́л еси́. Ты, отве́рглся себѣ и взял крест твой, Христу́ последовал еси́. Ты путь узкий и прискорбный жития́ иноческаго во́лею себѣ избра́л еси́ и на сем пути́ добродѣтели вели́кия стяжа́л еси́. Ты писа́нными твоими́ сердца́ челове́ков глубоча́йшаго благоговѣния и покорности пред Всемо́гущим Творцо́м исполня́л еси́, грѣшников же па́дших му́дрыми словесы́ твоими́ в созна́нии своего́ ничто́жества и свое́й грѣхности, в покая́нии и смире́нии прибега́ти к Бо́гу наставля́л еси́, ободря́я их упова́нием на Его́ милосе́рдие. Ты нико́лиже притека́вших к тебе́ отве́ргал еси́, но все́м оте́ц чадолюбивый и па́стырь добрый был еси́. И ны́не не оста́ви нас, усер́дно тебе́ моля́щихся и твое́й по́мощи и предста́тельства просящих. Испроси́ нам у человеколюбиваго Го́спода на́шего здра́вие душе́вное и теле́сное, утверди́ ве́ру на́шу, укрепи́ силы́ на́ша, изнемога́ющия во искуше́ниях и скорбехъ ве́ка себѣ, согре́й огне́м моли́твы охладѣ́вшая сердца́ на́ша, помози́ нам, покая́нием очи́стившимся, христиа́нскую кончи́ну живота́ себѣ получи́ти и в черто́г Спа́сов преукраше́нный вни́ти со все́ми избра́нными и та́мо купно́ с тобо́ю покланя́тися Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху во ве́ки веко́в. Ами́нь.

Тропарь, глас 8-й

Правосла́вия поборо́ниче, покая́ния и моли́твы де́лателью и учи́телю изря́дный, архиере́ев богодухнове́нное украше́ние, мона́шествующих сла́во и похвало́: писа́нии твоими́ вся ны́ уцелому́дрил еси́. Цевни́це духо́вная, Игнатие́ богому́дре, моли́ Сло́ва Христа́ Бо́га, Его́же носил еси́ в се́рдце твоём, дарова́ти нам пре́жде конца́ покая́ние.

Кондак, глас 8-й

Аще и соверша́л еси́ стезю́ жития́ земна́го, святителю́ Игнатие́, оба́че непреста́нно зрел еси́ зако́ны бытия́ ве́чнаго, сему́ поуча́я учени́ки словесы́ мно́гими, имже́ последова́ти и нам, свѣ́тче, помоли́ся.

Список литературы

1. Жизнеописание святителя Игнатия (Брянчанинова). СПб.: Ладан, 2007.
2. Отец современного иночества: Воспоминания современников о святителе Игнатии Ставропольском. М.: Изд-во имени святителя Игнатия Ставропольского, 1996.
3. Ищите всюду Духа, а не буквы: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского, составленное его ближайшими учениками. М.: Сестричество во имя святителя Игнатия Ставропольского; Приход храма Святаго Духа сошествия, 2009.
4. Игнатий (Брянчанинов), Кавказский и Черноморский, свт. Отчник. М.: Правило веры, 1996.
5. Игнатий (Брянчанинов), Кавказский и Черноморский, свт. Письма о подвижнической жизни. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Paris: Bibliotheque slave de Paris, 1996.
6. Игнатий (Брянчанинов), Кавказский и Черноморский, свт. Творения: в 5 т. М.: Сретенский мон-рь, 1996–1998.
7. Монастыри Русской Православной Церкви: Справочник-путеводитель. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2001.
8. Игнатия (Петровская), мон. Святитель Игнатий – Богоносец Российский. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003.
9. Стою у врат души твоей: Духовные наставления монахиням святителя Игнатия Ставропольского и Оптинских старцев. М.: Сестричество во имя святителя Игнатия Ставропольского, 2008.
10. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб.: Андреев и сыновья, 1994.
11. Свято-Введенский Толгский женский мон-рь. Соф-рино, 2005.
12. Владимир (Котляров), митр. Обитель северной столицы: Свято-Троицкая Сергиева пустынь: Исторический очерк. СПб.: Сатись: Фонд «Домострой», 2002.
13. Ты мой Бог, я Твой раб: Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия (Малышева). СПб.: Сатись, 2000.
14. Никон (Воробьев), игум. Нам оставлено покаяние: Письма. М., 1997.
15. Осипов А. И. Путь разума в поисках Истины: Основное богословие. М., 1999.
16. Осипов А. И. Православное понимание смысла жизни. Киев: Изд-во имени святителя Льва, папы Римского, 2001.
17. Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Paris: YMCA-PRESS, 1983.
18. Смолич И. К. Русское монашество: Возникновение. Развитие. Сущность. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1997.
19. Феофан (Быстров), архиеп. Сия вера Отеческая. М.: Издательство Сретенского мон-ря, 2006.
20. Таисия, мон. Русские святые. СПб.: Азбука-классика, 2001.
21. Серафим (Роуз), иером. Святые Отцы Православия. М.: Российское отделение Валаамского Общества Америки, 2000.
22. Акафистник. Кн. 2. Нижний Новгород: Братство во имя святого князя Александра Невского, 1996.
23. Русская Православная Церковь: Официальный сайт Московского Патриархата. – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения 17.02.2012).
24. Сайт Седмица. ru. – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://www.sedmitza.ru> (дата обращения 17.07.2012).
25. Санкт-Петербургская митрополия: Официальный сайт. – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://www.mitropolia-spb.ru> (дата обращения 20.08.2012).

26. Сайт Нижегородское братство благоверного великого князя Александра Невского. Избранные письма святителя Игнатия. / Сост. игумен Марк (Лозинский). – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://www.anb.nnov.ru> (дата обращения 15.08.2012).

27. Сайт Православие.ru. – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravoslavie.ru> (дата обращения 15.07.2012).

28. Сайт Московская Православная Духовная Академия. – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://www.mpda.ru> (дата обращения 16.07.2012).

29. Сайт Санкт-Петербург энциклопедия. – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://www.encspb.ru> (дата обращения 20.08.2012).

30. Сайт Петербург и окрестности: Храмы Петербурга. – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://al-spbphoto.narod.ru> (дата обращения 27.08.2012).

31. Сайт Православная литература в формате Word (Doc). – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://www.bogoslovy.ru> (дата обращения 21.06.2012).

32. Сайт Ярославская и Ростовская епархия: Русская Православная Церковь Московский Патриархат. – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://www.yaroslav1-eparhia.ru> (дата обращения 21.02.2012).

33. Сайт Русские церкви: Фотосправочник-путеводитель. – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://russian-church.ru> (дата обращения 02.02.2012).

34. Сайт Законы империи: Хронос CD-ROM: Русская национальная философия в трудах ее создателей. – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://www.hrono.ru> (дата обращения 05.03.2012).

35. Сайт Свято-Троицкая Сергиева Приморская мужская пустынь: Русская Православная Церковь. – 2012 [Электронный ресурс] URL: <http://www.pustin.spb.ru> (дата обращения 10.04.2012).